

ЛИТЕРАТУРА

ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ноябрь

№ 1(24)
2021

ЖУРНАЛ «ЛИТERRA NOVA» — ТЕРРИТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

*Литературно-публицистическое сетевое издание
с печатью по требованию*

Параметры отбора произведений

1. Любое произведение должно быть интересным (с точки зрения редакции).
2. Редакция имеет право в отказе автору в публикации без объяснения причин.
3. Стихотворные произведения не должны превышать 20000 строк (очень строгое соблюдение нормы обязательно, но желательно).
4. Прозаическое произведение не должно превышать по объему 200000 символов с пробелами.
5. Произведения, размещаемые в номере журнала, должны быть написаны на русском языке.
6. **Произведения принимаются по электронной почте на адрес sandisaba@mail.ru при предоставлении автором:**
  - а) **биографических данных и фотографии;**
  - б) **сведений о публикациях, если есть.**
7. Не принимаются произведения от анонимных авторов. Хотя произведение может быть опубликовано под псевдонимом при обязательном условии, что редколлегия будет знать настоящее имя автора. Не принимаются произведения, содержащие ненормативную лексику, существенно противоречащие литературной политике редакции и пропагандирующие ненависть.
8. Принимаются произведения всех жанров, соответствующих политике журнала: от реалистической до фантастической. Приветствуется разнообразие форм: интервью, эссе, рассказы, зарисовки, повести и романы.
9. Авторы, приславшие свои произведения, автоматически соглашаются на редакторскую правку.
10. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением автора при публикации публицистических произведений.

Формат

Журнал «Литerra Nova» издается форматом Б5 176 x 250 мм, печать цифровая, обложка и восемь страниц — полноцветные, остальные в один цвет, 136 страниц.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- **Александр БАЖАНОВ** –
главный редактор sandisaba@mail.ru
- **Александр ЗЕВАЙКИН** –
зам. главного редактора
- **Светлана ТРЕМАСОВА**
- **Алексей МУЗАЛЕВ**
- **Наталья РУЗАНКИНА**
- **Сергей СОЛОНИН**
- **Майя СИДОРОВА**
- **Стас (Степан) НЕСТЕРЮК**

Обложка

- **Александр ТРЕМАСОВ**

Верстка

- **Владимир КОШКИН**

Издатель

- **Сергей ГОЛОВАНОВ** golovanovcv@mail.ru

Адрес редакции: 430016, г.Саранск, ул.Полежаева, 115-5

Телефоны: 8 (8342) 230171, +79176965448

Е-мейл: sandisaba@mail.ru

Издание напечатано по технологии Print on demand (печать по требованию) по индивидуальному заказу

Литerra Нова ©

ЛИТЭРРА НОВА

ТЕРРИТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-публицистическое сетевое издание
с печатью по требованию

Издается четыре раза в год

12+

1(24) 2021 год

МАРТ

СОДЕРЖАНИЕ

- 2 ФАНТОМ. Александр ЗЕВАЙКИН. Знай наших! *Повесть.*
- 15 ПАМЯТЬ. Валерий РУМЯНЦЕВ. Михаил Анищенко: Я убит при попытке к бегству. *Статья.*
- 29 СТРОФЫ. Ганна ШЕВЧЕНКО. Атмосферно. *Поэзия.*
- 35 ПРОЗА XXI ВЕКА. Рашида СТИКЕЕВА. Подруги. Немного не любит. *Рассказы.*
- 46 ПРОЗА XXI ВЕКА. Шерзод АРТИКОВ. Книга Маркеса. *Рассказ.*
- 49 СТРОФЫ. Ефим ГАММЕР. Стиходжаз. *Поэзия.*
- 55 ФАВОР. Людмила РОМАНОВА. Подарок на Рождество. *Рассказ.*
- 74 ФУТУРУМ. Марк МОСКВИТИН. День служивого. *Рассказ.*
- 79 ФУТУРУМ. Сергей КАЛАБУХИН. Обряд. Сила Слова. *Рассказы.*
- 91 СТРОФЫ. Николь ВОСКРЕСНАЯ. Я облако, летящее над миром. *Поэзия.*
- 94 ЛУКОМОРЬЕ. Алексей ЖУКОВ. Счастье по акции. *Рассказ.*
- 98 ЛУКОМОРЬЕ. Олег ЗОЛОТАРЬ. Гном. *Рассказ.*
- 107 ПАРОДИЯ. Владимир БУЕВ, Михаил ГУНДАРИН. Диалог. *Поэзия.*
- 113 СМЕШИНКИ. Наталья ЯРЛУШКИНА. Кармический долг Серого Волка. *Рассказ.*
- 115 МИНИАТЮРА. Алексей КУРГАНОВ. Три миниатюры.
- 119 СТРОФЫ. Анна АЛТУНИНА. Все дороги ведут к тебе. *Поэзия.*
- 121 КЛАССИКА. Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА. «У любви есть слова...» К 200-летию Афанасия Фета. *Статья.*
- 129 ЮБИЛЕЙ. Вероника ВОРОНИНА. Диктатура политкорректности. К 100-летию Рэя Брэдбери. *Статья.*
- 132 КОНКУРС-2020. Подведение итогов.
- 134 ГАЛЕРЕЯ. Валерий ГАНСКИЙ. Автор семейных портретов. *Статья.*

Александр ЗЕВАЙКИН

Родился в 1965 году в Саранске. Лауреат Литературной премии имени А.Н.Терентьева (1997). Лауреат Литературной премии Главы РМ (2004). Лауреат премии «Рождественская звезда» (2013). Автор книг «Легенда» (1994), «Сборщик кидатей» (2006), «Утро туманное» (2015, Канада), «Малец и море» (2020). Публиковался в русскоязычном германском журнале «Литературные задворки» (Дюссельдорф, 2014, рассказ «Джон и Тимми»), в израильском русскоязычном журнале «Новый дом» (Кармиэль, 2008, рассказ «Море»). Член Союза писателей России с 2001 года. Член редакционной коллегии интернет-журнала «ЛиТерра Nova».

ЗНАЙ НАШИХ!

Во время поездки в Шотландию турист посетил озеро Лох-Несс в надежде увидеть знаменитое чудовище.

– Когда змей обычно появляется? – спросил он у гида.

– Обычно после пятого стакана «Виски», – был ответ.

1

— Ну и что они сказали? – поинтересовался дядя Миша Шмякин, присаживаясь на бревно в тени сарая в предчувствии пространной беседы. Прищуривав добрые, с хитринкой глаза, он внимательно посмотрел на собеседника и хлопнул тяжелой ладонью по бревну, приглашая занять местечко рядом.

Его племянник Андрюха Пупков, нескладный лохматый юноша в черных линиялых джинсах и блеклой футболке с остатками забугорных слов, обречено махнул рукой, тяжело вздохнул и упавшим голосом выдал:

– А ничего хорошего.

– А поконкретнее? – уточнил дядя и тут же встрепенулся, вскочил и густым командным басом рявкнул: – Куда прешь, сволочь!

Годовалый кабанчик Мирон, рослый, поджарый, с черным пятном вокруг левого глаза, что придавало его морде разбойничий вид, перестал

отдирать хлипкий край осинового тесины и уставился на хозяина нахальными глазами, холодными и пустоватыми, словно вопрошая: «Вы ко мне обращаетесь?»

– Доозорешься, сволочь, кастрирую, – заверил его дядя Миша. На несколько секунд их взгляды встретились. Мирон опустил рыло в землю, развернулся и побрел прочь. Дядя Миша обладал сильным характером и слов на ветер не бросал, да к тому же был ветеринаром. Как показалось Андрюхе, кабанчик будто бы понял это и решил не рисковать. Шмякин, довольный своей победой, улыбнулся.

– Так чего тебе сказали там, на семинаре?

– Сказали, что я отрываюсь от жизни, и вообще... надо писать о своих современниках, о своих... соотечественниках.

– Ага, – кивнул дядя Миша, – о земляках, значит. А ты чего опять учудил?

– Я про Лох-Несское чудовище написал.

Дядя склонил голову набок, скривил губы, наморщил загорелый лоб и хитро глянул на племянника.

– Все правильно. Ты льешь воду на мельницу мирового империализма.

– Какую воду? На какую мельницу? Ничего я не лью, – начал оправдываться Пупков.

– Да-а-а, – протянул дядя и провел широкой рукой по короткому ежику светлых волос, все еще не желающих сдавать выгодных позиций, – нет в тебе патриотизма, парень. Ведь задача писателя – прославлять свой народ в веках. Вот когда шотландцы начнут писать о том, как хорошо живут колхозники на просторах четырежды орденоносной Мордовии, вот тогда, в ответ, ты можешь написать и про Шотландию.

Андрюха Пупков скривился, передернулся, как от плохой самогонки.

– Да про колхозы уже писано-переписано, и вдоль, и поперек. Кого ни возьми, все одно и то же. Установление советской власти в местной деревеньке. Лишь имена чуть отличаются, а линия, а сюжет... Везде коммунисты, кулаки, крестьяне да самогонка рекой. Нового ничего не придумаешь, – оправдывался Андрюха.

– Ничего не придумаешь, говоришь? – задумчиво переспросил дядя Миша Шмякин. – Тогда напиши о развале колхозов. Забойный роман получится. «Опущенная целина», например, а?

Андрюха болезненно поморщился.

– Теперь это слово имеет иное значение. Да и вообще... не могу я народ свой позорить. Рука не поднимается.

– Гляди-ка ты, какой щепетильный попался, – дядя задумался, устремив взгляд сквозь племянника, все еще стоявшего перед ним. – А ты знаешь... – он улыбнулся, уловив нужную мысль, – я тебе, пожалуй, помогу в этом вопросе. Пора и нам поднимать республику на мировые высоты.

Андрюха выгнул брови и удивленно захлопал глазами. Веснушчатое лицо его вытянулось, а рот открылся. Совершенно не обращая внимания на реакцию племянника, дядя Миша продолжил:

– В двадцати пяти километрах от нашей деревни в глухом лесу есть озеро. Оно не имеет названия, его нет на карте, хотя озеро большое, да вот район закрыт. Но мы с Игнатом ходили туда пару раз, – Шмякин выдержал паузу, – так в том озере тоже живет чудовище.

Пару минут Пупков пребывал в оцепенении, потом закрыл рот и с натугой выдавил:

– У нас? В Мордовии?

– А что тут удивительного? Иль ты не знаешь наших лесов? наших зон? наших территорий? До перестройки там была военная база. Какие-то научные изыски проводили. Потом военная машина дала сбой, и... забросили ее. Мало кто там бывал. А ты про какую-то Шотландию. Тут

за каждым углом такое творится! У всего мира глаза на лоб вылезут.

– Дядя, ты шутишь? – все еще не веря, уточнил Андрюха.

– Хочешь увидеть своими глазами? – без тени иронии спросил Шмякин.

– Конечно, – подтвердил Пупков и восторженно добавил, – неужели самое настоящее чудовище?

– Конечно, – заверил дядя, – я тебе устрою это удовольствие.

2

– Сошлись мы на почве медицины. У людей и животных болезни похожи. Потом на охоту стали похаживать. Но ни разу никого не застрелили. Грибов, ягод насобираем. Он трав всяких – охажу. А вообще Игнат Тимофеевич Тараканов – личность яркая и неординарная. Прежде всего, в его жилах нет ни капли местной крови. Происходит он из какой-то знатной московской семьи, не то князей, не то графов. В незабываемом семнадцатом, когда весь мир, а точнее, одна шестая суши, встала с ног на голову, прадедушку его хватил удар. А дед, будучи человеком прогрессивным и гуманным, воспринял революцию как неизбежность. Влился в ряды красной интеллигенции. Был выдающимся хирургом. Ухитрился дать сыну прекрасное образование, но на горе. Поскольку тому, в свое время, пришили дело о вредительстве, и он семь лет провел в лагерях. А выйдя, женился да сотворил двоих сыновей. Старший из них – Игнат Тимофеевич пошел по стопам отца. Учился легко, получил красный диплом, защитил кандидатскую. Начал работать над докторской. Ему пророчили... Кто что. Мир не без добрых людей. И не без злых. А когда Миша Меченый затеял развал государства, которое, хоть по крохам, но собирали, и когда врачи оказались за бортом «мафиозного ковчега», долго воевал Игнат Тимофеевич, потом плюнул, ушел из института, забросил докторскую диссертацию и уехал в глубинку, на свежий воздух. Тут и люди получше, и жить попроще. Устроился терапевтом в районную поликлинику, увлекся травами. А чтобы делать качественные настои, пришлось ему освоить самогоноварение. Хороший спирт, сам понимаешь, достать трудно. А если первачок из кефира и гороха хорошо очистить, он ничуть не хуже медицинского спирта. Любую травку настоять можно. И пустырник для спокойствия и кору дуба от кишечного расстройства. Однако и здесь нашлись недоброжелатели в лице командира районной милиции, желающего привлечь Игната Тимофеевича за самогоноварение, да только самому большому начальству не выгодно терять такого доктора.

Больно оно у нас больное от всех излишеств и потому вынуждено сквозь пальцы смотреть на проделки эскулапа.

Своей семьи у Тараканова нет, но каждое лето недельки на две, а то и на месяц, приезжает к нему племянница Виктория, которую Игнат любит больше всего на свете. Зачем я тебе все это рассказываю? Да чтобы дорога покороче показала.

Все это дядя Миша Шмякин рассказывал племяннику, пока они плелись от автобусной остановки до окраины райцентра, где проживал дядя Игнат.

– Так что графья, Андрюха, не только в Шотландии бывают, но и в наших краях приключаются запросто. Да к тому же в наших зонах, почитай, все российские знаменитости пересидели, да и немало заграничных удальцов наш лес по сей день валит. Газеты читаешь? Больно уж там один хлопец хорошо пишет. Я прямо диву даюсь. У него что ни вор – то тимуровец.

– Читаю, читаю, – буркнул Андрюха, скосив глаза на девку в коротеньком платьице, склонившуюся над грядкой за оградой палисада.

Заметив его взгляд, дядя Миша улыбнулся.

– А наши-то девки получше ваших столичных кикимор будут. Помясистее и подбрее.

Застигнутый на месте преступления, Пупков густо покраснел, засопел и растерянно буркнул:

– Ну, уж...

По счастью, они пришли, и тема развития не получила.

– Дворец князя Тараканова, – пояснил дядя, указывая на небольшой свежевыкрашенный зеленый домик.

Завидев Шмякина, хозяин радостно раскинул руки:

– Михайло! Какими судьбами?! Рад, несказанно рад!

Они крепко обнялись, уселись на скамеечку возле крыльца и предались оживленной беседе, как и подобает хорошим друзьям, которые долго не виделись. Андрюха Пупков, переминаясь с ноги на ногу, смиренно стоял рядом и рассматривал хозяина. Да, было в его облике что-то от графа или от князя. Высокий лоб, тонкий нос, тонкие губы, тонкие пальцы, тонкая кость. А еще грамотная чистая речь, без мата и слов-паразитов. Вдоволь наговорившись, дядя Миша представил другу любимого племянника.

– Прошу любить и жаловать. Восходящее светило местной литературы Андрей Пупков. На текущий момент пребывает в творческом кризисе, и наша святая обязанность пробудить в нем вдохновение.

Игнат Тимофеевич пожал Андрюхину руку, смерил его неторопливым взглядом больших серых глаз и сказал:

– Вам, молодой человек, печень надо поберечь. Кушайте побольше свеклы и поменьше сала.

– Да я... вроде... ничего... – промямлил Пупков.

Дядя Игнат кивнул.

– В двадцать лет все – ничего, а потом... У вас застои желчи. Скоро появится тяжесть в правом боку и горечь во рту. А чтобы этого не случилось – побольше движения, особенно наклонов. Они улучшают естественный отток желчи.

– Хорошо, – прошептал ошарашенный Андрюха.

– Пойдемте в дом, – пригласил Игнат Тимофеевич, – за чаем обсудим вашу проблему.

Он поднялся на крыльцо и, открыв дверь, возвестил с порога:

– Вика, ставь чайник, у нас гости.

Они прошли на кухню, где их встретила высокая, крепко сложенная девушка лет двадцати. Коротко стриженные русые волосы, милое, но не яркое лицо без тени косметики. Спортивный голубой костюмчик, свободные, раскованные движения выдавали в ней спортсменку. Личность сильную и самоуверенную.

Завидев на пороге Шмякина, она приветливо улыбнулась:

– А, дядя Миша, привет, – и смерив взглядом хлипкую фигуру Андрюхи, тоже улыбнулась, но как-то свысока, точнее, усмехнулась.

Андрюха грустно вздохнул, да, конечно, он не Шварценеггер, но зачем же сразу такие усмешки?

За чашкой травяного чая с домашними печеньками, тающими во рту, после общих пространственных тем беседа наконец-то обрела конкретность.

Выслушав предложение дяди Миши, Игнат Тимофеевич на минуту задумался, устремив взгляд сквозь стенку и автоматически прихлебывая из большой широкой чашки.

– Да, место, конечно, интересное. Много мыслей навеять может. Думаю, ребятам стоит на него взглянуть.

Он повернулся к племяннице:

– Вика, ты не хочешь немного прогуляться по лесу?

– Очень хочу, – тут же ответила Вика, и Андрюхе это очень не понравилось. За все время чаепития она не взглянула на него ни разу, и это задело юношеское самолюбие. «Подумаешь, столичная птичка», – успокаивал он себя, но настроение было уже испорчено.

– Вот и хорошо, – продолжил между тем Игнат Тимофеевич, – тогда не будем откладывать это дело в долгий ящик. Доедешь с Андрюшей до магазина, возьмешь продуктов на три дня, а мы пока подготовим техническую часть. Допивайте чай и вперед.

Встав из-за стола, и не глядя в его сторону, Вика тихо сказала Андрюхе:

– Пошли.

Тот с мольбой и надеждой в глазах обратился к дяде:

– Может, я останусь?

Он сказал это одними губами, хотя девушка уже вышла, но быть услышанным ему не хотелось. Однако Шмякин был неумолим.

– Иди, Андрюша, иди, – изрек он ласковым, но твердым голосом, – негоже даме сумки тащить.

Обреченно вздохнув, Пупков поплелся на улицу. У калитки уже стоял зеленый «Москвич». За рулем сидела Вика. Заметив его на крыльце, она махнула рукой.

– Садись рядом, – и тут же с улыбкой, но уже не высокомерной, добавила, – не бойся, я не кушаюсь.

Андрюха растерянно улыбнулся, она улыбнулась в ответ, легко и просто, и он вдруг почувствовал, как стена отчуждения рухнула, и ему стало легко и спокойно. «Странные существа, эти женщины», – подумал Пупков.

Чуть уловимо урча, машина тронулась с места. Андрюха прислушался и мотнул головой. Заметив его жест, Вика спросила:

– Что-нибудь не так?

– Звук. У «Москвича» другой двигатель, – признался Андрюха, еще не уверенный в своей правоте.

– Конечно, – охотно согласилась девушка, старательно объезжая проселочные колдобины, – на этой машине стоит опытный образец двигателя, который разработал мой папа. Компактный экономичный двигатель мощностью 240 лошадиных сил. Папа у меня доктор технических наук. Двигатели внутреннего сгорания его специальность. Американцы ему за этот движок два лимона зелеными давали. А своим, прикинь, за так не надо. Пять лет никуда пристроить не могли. Так вот и стоит на моем «Москвиче» в единственном экземпляре.

– Да-а-а, – растерянно протянул Андрюха, – а скорость какая?

– Не знаю, – пожала плечами девушка, – после двухсот двадцати километров в час машина начинает взлетать. А больше ты ничего не заметил?

– Колеса широкие.

– Правильно. Специальная усиленная подвеска, ну и все остальное пришлось изменить. «Москвич» он только снаружи.

Спугнув стайку белых кур, машина выбралась на центральную площадь райцентра, где располагались все административные и культурные здания, а также гастроном «Мокша», с недавних пор переименованный в мини-супермаркет. За-

полнив две сумки всем необходимым, они отнесли их в машину. Захлопнув дверь, девушка на секунду задумалась:

– Заглянем в бар. Я думаю, там может быть «Фанта».

Андрюха пожал плечами, но Вика и не ожидала его ответа, она уже поднималась по ступенькам магазина. Да, здесь действительно был бар с красивым названием «Золотой бизон», где под заливчатское раздолье «Золотого кольца» в клубах крепкого табачного дыма, запивая мутную самогонку разбавленным пивом, тусовались узколобые парни, претендующие на звание местной «крутизны».

Юноша тяжело вздохнул: идти в бар ему почему-то не хотелось, но деваться было некуда. Едва переступив порог бара, Пупков остолбенел и почувствовал, как в груди неприятно заныло. Виктория находилась у стойки в окружении трех набычившихся «братков», и, судя по всему, разговор у них был совсем не о погоде. А четвертый мирно лежал на полу, не выказывая признаков беспокойства. Прыщавый бармен из-за стойки старался уладить дело миром, но ребят это не устраивало. Один из них сделал резкое движение по направлению к девушке, но сильный удар отбросил его назад и, раскинув руки, он рухнул на пол. Двое других в нерешительности переглянулись. Тут из-за столика, предварительно приняв полстакана самогона, поднялся еще один.

– Сейчас я ей покажу, – многообещающе заявил он и сунул руку в карман.

«Нож!» – ужаснулся Андрюха. Почти не соображая, что делает, он схватил с ближайшего стола бутылку с самогоном.

– Извините...

Еще в колледже Андрюха слыл чемпионом по метанию ножей. У него было остро развито чувство массы и расстояния. И хоть бутылка не нож, но все-таки техника не подвела. Бутылка кувыркнулась в воздухе и ударила парня в затылок. Он вздрогнул, колени его подогнулись, и тело безвольно и мягко опустилось на пол, рядом с другими «братками». Белобрысый жлоб с перебитым носом и желтой фиксой оставил общество Вики и с криком: «Так ты на наших!» – кинулся на Пупкова. Последнее, что Андрюха видел – взметнувшаяся нога девушки, обутая в белую кроссовку, глухой удар, сноп искр и темнота.

Когда юноша пришел в себя и открыл глаза, то увидел над собой настороженное лицо Вики.

– Как самочувствие? – поинтересовалась она.

– Ничего, – не слыша собственного голоса от звона в ушах, ответил Пупков.

– Самое главное – челюсть цела, – успокоила его Вика, – Ты замешкался с уклоном, но обстановку разрядил здорово.

– Та-а-ак, опять драка! – на пороге стояли четыре маленьких серых милиционера и огромная, толстая восточно-европейская овчарка с ужасным разметом и мягкой спиной.

– Их что, в детском садике набирают?! – искренне удивилась Вика.

– Да нет, – попытался пошутить Андрюха, – в танковых войсках.

– Как в кино. Четыре танкиста и собака, – прошептала Вика. – Вставай.

– Та-а-ак, – опять протянул самый маленький и самый толстенький с погонами сержанта.

– Начальник, в натуре, она нас избила, – заявил фиксатый, размазывая по лицу кровавые сопли.

– Я вас в прошлый раз предупреждал, – заявил толстячок, – оформляю на пятнадцать суток. Будете знать. – Он обвел бар придирчивым взглядом: опрокинутые столы, стулья, разбитая посуда. Непорядок. Потянув носом, сержант заявил: – А что это у вас самогоном пахнет? – и многозначительно посмотрел на бармена. Тот побледнел еще больше и отрицательно замотал головой. – Смотри у меня, – сержант погрозил коротким пухлым пальчиком.

Собачка, стоявшая до сего времени у порога, вдруг оживилась, словно проснувшись, и стащила с ближнего стола сушеного карася. Двое пожилых мужчин возмущенно засопели, но открыто выразиться по поводу собачьей наглости не решились. Все-таки она при исполнении. Они поспешно допили пиво, похватили оставшуюся рыбу и направились к двери, не желая иметь ничего общего с этим скандалом. Но дорогу им преградили бравые стражи порядка.

– Куда? – пристал к ним сержант. – Та-а-ак, Серега, переписи свидетелей. А вы, – он обратился к побитым «браткам», – за мной в участок. И вы, девушка. Я видел, как вы тут ногами махали.

Вика прищурила глаза, криво усмехнулась.

– Из-за угла подглядывали? Ждали, чем дело кончится?

– Поговори еще у меня! – рявкнул сержант, глядя на Вику снизу вверх.

– Но позвольте, – вмешался Андрюха, – на нас напали. Мы оборонялись.

– В отделении разберемся, – заявил сержант с гонором генерала.

А «борзая» служебная собака пыталась вклинить свою толстую морду в карман свидетеля и вытащить оттуда еще одного сушеного карася.

– Та-а-ак, – заявил самый толстый «танкист», – никому не разбежаться. Я всех запомнил.

Подполковник Несюков был идейным милиционером. Но в жизни идеи с делом не стыковались. Последние десять лет он мечтал посадить за решетку какого-нибудь мафиозного босса, но в мутных водах перестройки ловились лишь синтявки да плотвички, а «щуки» разбоя и «сомы» теневого бизнеса спокойно уходили сквозь сети, оставляя большие рваные раны в душе начальника райотдела. После язвы и инфаркта он сник и перешел на мелкие дела, раскрывать которые ему никто не мешал. Упрет ли колхозник мешок зерна, или загулявшая молодежь поросенка стащит, или бабушка самогонку затеет. Да только не то все это. Душа требовала высокого полета, и подполковник Несюков жил с ней в вечном конфликте. Он не мог работать, как хотел. От производственной, вернее, профессиональной неустроенности стал желчным злорадным типом и всю свою энергию, предназначенную для «щук и сомов» мафии, он вымещал на рядовых гражданах, эпизодически нарушающих букву закона.

Временами он все же мечтательно вздыхал, и вера в светлое будущее просыпалась в нем. В такие моменты он добрел, веселел, начинал собирать компромат на районное начальство и даже, случалось, прижимал какую-нибудь небольшую «шишку». Но тут же поднимался визг, вой, хай, и все старания шли насмарку. После очередного разноса он приходил домой сутулый, жалкий и жаловался жене, что никак нельзя работать: начальство вяжет руки, а кадры... Тут он обычно горестно вздыхал и просил у жены «соточку». Да, кадры значат немало. Все здоровые мужики идут в мафию. Там деньги, уважение и почетное место на кладбище. Гарантия и предельно сжатые сроки. А что он? Кого он может противопоставить вооруженным боевикам мафии? Смотреть смешно. Как на подбор: полтора метра с кепкой. Мал мала меньше. Их даже старушки-самогонщицы не боятся.

Но под конец, приняв уже не одну «соточку», доведенный до отчаяния, подполковник признавался жене, что в стране давным-давно правит мафия, и честным работникам, таким как он, не дают хода, а особо ретивых и вовсе убирают.

Жена понимала его и советовала не высываться. А он чувствовал себя униженным и обиженным.

Толстенький сержант лично проводил Вику к начальнику райотдела.

– Вот, товарищ подполковник, учинила драку в баре. Избила пятерых наших ребят.

– Хорошо, – подполковник энергично потер руки, – иди, Коля, – он махнул рукой сержанту, – а мы тут с девушкой побеседуем.

В предчувствии долгой и приятной беседы хозяин райотдела пришел в благодушно-злорадное настроение и начал ласковым голосом:

– Ну, милочка, давайте знакомиться Я начальник райотдела подполковник Иван Павлович Несюков. Позвольте узнать ваше имя.

– Меня зовут Виктория Тараканова, – совершенно невозмутимо ответила девушка, – а «милочка» – коза в огороде.

Несюков озабоченно сдвинул брови.

– А вы, я смотрю, не здешняя.

– Да. Я приехала навестить дядю.

– Дядю?! – деланно удивился подполковник, словно речь шла о живом динозавре. – Уж не Игната ли Тимофеевича?

– Его самого, – подтвердила Вика.

– Прекрасно! – воскликнул Несюков, потирая руки. – Прекрасно!

Теперь у него появился случай досадить неувловимому самогонщику, хотя бы через племянницу.

– Ну, расскажите мне, за что вы избили передовиков производства, лучших людей района, культурно отдыхающих в баре?

– Если лучшие люди вашего района безвылазно кочуют по зонам, – с презрительной улыбкой начала девушка, – то кто же у вас худший? У фиксатого с перебитым носом – четыре ходки за плечами. Он у вас ударник какого труда?

Подполковник понял, что слегка загнул. Девочка не простая. Ее на испуг не возьмешь. Предчувствие удовольствия куда-то исчезло. Несюков вздохнул и уже без особой радости продолжил:

– Но все же драка имела место.

– Пятеро пьяных отморозков нападают на одну девушку, в то время, как четверо богатырей в милицейской форме спокойненько наблюдают за всем происходящим с безопасного расстояния.

Подполковник открыл было рот, но Вика невозмутимо продолжала говорить, опередив все его возражения:

– Сержант сам мне признался. И это вы называете дракой?

– К сожалению, я ничего не могу сказать по данному поводу, – развел руками подполковник, – меня там не было. И мне необходимо допросить пострадавших, а также свидетелей. Так что до выяснения вам придется побыть здесь.

– Не имеете права.

– Имею. На 72 часа.

4

Дядя Миша и Игнат Тимофеевич долго и тщетно ждали племянников и по истечении третьего часа отправились на поиски. Машину они нашли тут же, у магазина, и тут же добрые люди шепнули о случившемся.

Дядя Игнат качнул головой:

– Никак начальник не уgomонится. Я ему не по зубам, так теперь на племянницу накинусь. Поскольку у нас с подполковником взаимная антипатия, придется пуститься на хитрость, – Тараканов посмотрел на часы: – Пойдем домой. Есть у меня одна мыслишка.

5

Начальник укатил на обед, и подчиненные тут же облегченно вздохнули и слегка расслабились. Толстенный сержант по прозвищу «Тааак» сидел, развалившись в кресле и закинув ноги на стол.

– Серега, – рявкнул он от полноты чувств, – у нас самогонка осталась?

– Нет, – отозвался Серега из соседней комнаты, втихаря допивая остатки. И тут до слуха сержанта долетела сбивчивая песня:

Ой, мороз, мороз,

Не морозь меня...

И это в разгар летней жары. Соскучился, наверное, человек по зиме.

Вскочив с кресла, сержант подлетел к окну и чуть не вскрикнул от радости. По центральной площади райцентра, в обнимку с четвертью самогона, горланя пьяные песни и шатаясь, брел Игнат Тимофеевич Тараканов. «Вот это подарок для шефа, – подумал сержант, – и для нас».

– Серега! – с радостным воплем он кинулся к двери, но чуть не упал, споткнувшись о служебную собаку, беззаботно спящую у порога. – Тьфу ты! Серега! Та-а-ак! Сидят! Там пьяный у крыльца песни горланит, а вы тут прохлаждаетесь?! Быстренько приведите!

Дядю Игната препроводили в камеру к Андрюхе, а четверть с самогоном – в кабинет к сержанту.

6

Дядя Миша вошел через полчаса. Участок тонул в дружном храпе четырех «танкистов» и только разбуженная собака неприкаянно слонялась по кабинетам в надежде стянуть что-нибудь съестное. Завидев ветеринара, она лениво вильнула хвостом и побрела дальше. Без труда найдя ключи и предусмотрительно одев перчатки, дядя Миша освободил друга и обоих племянников. Игнат Тимофеевич прихватил недопитую четверть и, покинув райотдел, они через площадь направились к машине. И тут из-за угла показался милицейский «УАЗик». Открыв рот и округлив глаза, подполковник Несюков высунулся в окно по пояс, рискуя свалиться под колеса.

Вика улыбнулась и помахала ему ручкой:

– Пока, дядя!

Усевшись в машину, она скомандовала:

– А теперь, ребята, держитесь крепче.

Развернувшись, «УАЗик» ринулся за «Москвичом». Пока петляли по улицам райцентра, преследователь крепко сидел на хвосте, но когда вышли на широкую Московскую трассу, Вика сказала Андрюхе:

– Помаши дяде ручкой, больше он нас не увидит.

Сила ускорения вдавила всех четверых в спинки кресел. Выйдя к разделительной черте, «Москвич» легко обходил «Фольксвагены», «Тойоты», «Мерседесы». А родные толстозадые «десятки» казались неуклюжими коровами. Владельцы навороченных «тачек» провожали скромный «Москвич» недоуменно-изумленными взглядами. Через пять минут «УАЗик» остался за линией горизонта. Присмотрев проселочную дорогу, Вика свернула на нее и углубилась в лес метров на пятьсот.

– Представляю, как бесится подполковник Несюков, – улыбнувшись, заметила девушка. – Он, наверное, уже сообщил на пост ГАИ, и нам не проскочить.

– Можно попробовать огородами, – предложил дядя Миша, – я имею в виду: по проселку.

– Сделаем проще. Помогите мне.

Она достала из багажника белый металлический баллон и два куска поролона. Баллон она отдала Игнату Тимофеевичу, а поролон – дяде Мише и Андрюхе.

– Получше натрите машину этой пеной, а я приведу себя в порядок, – и, прихватив небольшую дорожную сумку, она скрылась в лесу.

Через пятнадцать минут машина блестела, как новая. Андрюха разогнул уставшую спину, смахнул рукавом выступивший на лбу пот и... увидел перед собой жгучую брюнетку в шикарном темно-синем декольтированном платье и дымчатых очках, скрывающих пол-лица.

Ни слова не говоря, она обошла машину, придирчиво осматривая, потом сказала голосом Вики:

– Порядок. Теперь можно ехать. Обсохнет по дороге.

– Класс! – восторженно воскликнул Андрюха. Вика улыбнулась.

– Внешность женщины обманчива. Экипаж, по местам. Теперь можно спокойно ехать дальше.

Минут через десять их все-таки остановили у поста ГАИ. Вика взяла документы и вышла из машины, еле слышно бросив своим спутникам:

– Сидите тихо и не высовывайтесь.

Буквально через три минуты она вернулась.

– Все в порядке, можно ехать дальше.

На прощание гаишник помахал ручкой, а девушка кивнула и улыбнулась. Когда они немно-

го отъехали, Вика поведала о своем разговоре с лейтенантом,

– Он спросил: не попадался ли нам по пути зеленый «Москвич»? Я сказала: нет, не попадался.

– А мы?! – ужаснулся Андрюха.

– Что «мы»? – переспросила Вика.

– У нас же зеленый «Москвич».

– Кто тебе сказал такую глупость? – она сняла темные очки и внимательно посмотрела на юношу.

– А-а-а, – Андрюха хотел возразить, но тут взгляд его упал на капот. Он был темно-синий, под цвет платья девушки.

– С ума сойти, – прошептал Пупков.

– Не стоит из-за таких мелочей, – успокоила его Вика. – Еще он сказал, что такой роскошной даме не пристало ездить на «Москвиче». А я ему ответила, что из пяти машин в гараже завелась только эта. Каково? Вы бы видели его глаза!

– Я думаю: он будет вспоминать тебя до вечера, – мягко улыбнувшись, заметил Игнат Тимофеевич.

– Почему до вечера? – удивилась Вика.

– А вечером он напьется и забудет собственное имя, а не то, что тебя.

Девушка поморщилась.

– Он даже документы не смотрел, все на декольте пялился. Нам здесь поворачивать?

– Здесь, – подтвердил дядя Миша.

Вечером Вика и Андрюха сидели на бревнах у сарая и наблюдали за кабанчиком Мироном. Не скрывая восторга, Пупков признался девушке:

– А здорово у тебя получается... Я про драку в баре.

Вика улыбнулась.

– Что же ты хочешь? Черный пояс за красивые глазки не дают.

– Черный пояс?! – изумился юноша.

– Да, – подтвердила Вика, – папочкина заслуга.

– Как это? – не понял юноша.

– Видишь ли... Папа очень хотел мальчика, а мама – девочку. Но поскольку я была одна, то каждый воспитывал меня по-своему. Папа звал меня Витьком, а мама – Викой. И жизнь моя шла по двум непараллельным дорожкам. Секция каратэ и кружок бальных танцев. Замена трансмиссии «Москвича» и макраме. Дошло до того, что у меня два паспорта. Сюда я приезжаю как Тараканова, а к мамой родне как Долгова.

– Поэтому ты и остановила милиционеру?

– Разумеется. Ведь в участке я фигурировала как Тараканова, а права на Долгову. Все бумаги подлинные. Поди – разберись.

– Здорово! – восторженно прошептал Андрюха.

– Да ничего особенного, – скромно возразила девушка, – в жизни заморочки и покруче бывают.

Они молча присели на крыльцо перед дальней дорогой. Так уж повелось.

– Пора, – тихо сказал дядя Миша и встал. Он окинул взглядом спутников, облаченных в пятнистые буро-зеленые костюмы, криво улыбнулся и добавил: – Вперед, отряд особого назначения.

Еще с вечера Вика облюбовала в углу двора длинный березовый черенок отвил, отшлифованный до блеска крепкими руками Шмякина. Слетевшие вилы лежали рядом. И вот сейчас она обратилась к хозяину:

– Дядя Миша, можно я возьму этот черен?

– Да зачем он тебе?

– В лесу может пригодиться, – уклончиво ответила девушка.

– Да, конечно, возьми, если надо.

Девушка взвесила черен на руке и одобрительно кивнула.

– Теперь можно идти.

Солнце только выглянуло из-за горизонта. Стадо еще не выгнали, а за околицей, у реки, клубился ленивый туман. На опушке Вика неожиданно остановилась.

– Подождите минуточку. У меня тут крем от комаров после сборов остался. Специальный, лесной. Удобная вещь. Сами увидите.

Она достала из рюкзака два тюбика с зеленым и коричневым кремами, обворожительно улыбнулась.

– Позвольте мне. Я знаю, как накладывать тени.

Она раскрасила лица мужчин, так, что они сливались с пятнистой защитной одеждой.

– Ну, мы теперь, как заправские партизаны. С трех метров не разглядишь, – усмехнулся дядя Миша.

А Вика подошла к Андрюхе.

– Теперь твоя очередь.

Пупков вытянулся по стойке «смирно» и замер.

– Сделаем тебе зеленый носик, под глазами – бурые круги. Щечки – зеленые, бородку – бурую, а лобик в крапинку, – улыбаясь, приговаривала она. – Будешь у нас молодой лешачок.

Но самое удивительное: Андрюха ничуть не обиделся на ее улыбку, на ее слова. Даже напротив... От ее прикосновений мурашки бежали по спине. Это был сладкий миг. Андрюха бесцеремонно рассматривал девичье лицо. Оно было совсем рядом. Какая гладкая, нежная кожа! Его непреодолимо тянуло коснуться губами щеки, такой близкой и соблазнительной, но... Мурашки все бежали и бежали. У них, наверное, летние миграции. Закончив раскраску, Вика заглянула ему в глаза и, уловив ход его мыслей, улыбнулась. Пупков смутился.

– Подержи зеркальце. Чтобы вам не обидно было, – она принялась замазывать нежную белую кожу. – Макияж для лесных прогулок «а-ля Зеленая Ведьма».

Спрятав парфюмерию, девушка обвела спутников оценивающим взглядом.

– Вы меня не видите, и я вас тоже. Вот и замаскировались. Можно идти.

– Самое главное, чтобы комары нас не видели, – лаконично заметил Игнат Тимофеевич.

– Средство проверенное, – успокоила его племянница, – спецразработки для армии. Продукция маминой фирмы.

– Ну, тогда... – Тараканов развел руками, многозначительно не договорив.

Лес встретил их сыростью и прохладой. Андрюха поежился и, чтобы согреться, прибавил шагу. Через четыре часа бесконечных петляний по лесу он невероятно устал и проголодался, как десять февральских волков. Чего уж греха таить, начал подумывать: не заблудились ли? И тут они вышли на широкую, залитую солнцем просеку. Прямо перед глазами красовался огромный щит: «Запретная зона! Вход воспрещен!»

– Почти дошли, – возвестил дядя Миша, – привал с обедом и... – Он посмотрел на часы: – Быстро дошли. Час у нас в запасе. А собственно, куда нам торопиться? Отдохнем и пойдем дальше.

Он прислонил ружье к столбику, скинул рюкзачок и, расстелив прямо на траве скатерку, стал не спеша выкладывать продукты.

– За этой просекой – запретный лес. Местные жители вначале пытались прорваться, но потом успокоились.

– А вдруг там радиация? – насторожился юноша.

– У меня дозиметр портативный, – успокоил его Игнат Тимофеевич и похлопал себя по нагрудному карману. – Пока все чисто.

– А что же там за чудовище? – не унимался Андрюха. – Может, это генетическое оружие? И его специально вывели? Как американцы в фильме «Бездна», скрестили акулу с человеком, и тут вдруг что-нибудь такое ужасное.

– Может, – совершенно спокойно согласился дядя Миша, вскрывая широким охотничьим ножом банку «Толстолобик в масле». – Мы для этого случая ружье взяли.

– Да-а-а, – неопределенно протянул Андрюха и с удовольствием разлегся в густой мягкой траве.

За всю дорогу Вика не проронила ни слова. И даже сейчас, на привале, была погружена в свои мысли. Андрюха дважды хотел затеять разговор, но обе попытки не увенчались успехом, и он успокоился, решив не досаждать девушке своей назойливостью.

Основательно перекусив, искатели приключений ухитрились вздремнуть и, отдохнувшие, полные сил и томимые жаждой неведомого, они тронулись дальше. А дальше была колючая проволока, путанка, четыре линии высоковольтного напряжения, но уже не действующие, как напоминание о былом величии. Еще через пятьсот метров они вышли к строениям базы. Два десятка одно-, двух-, трехэтажных строений, связанных между собой асфальтовыми дорожками, сквозь которые уже смело пробивались первые ростки будущего леса.

– Побродим немного здесь, – предложил дядя Миша, – осмотрися.

Они обошли небольшое кирпичное здание, похожее на гараж, без окон, но с большими железными воротами, наткнулись на след костра и... человеческий скелет, сидящий у стены.

8

Андрюха поглубже вздохнул, стараясь унять дрожь в руках и слабость в ногах. Он бросил быстрый взгляд на Вику, идущую сзади. Ее лицо было абсолютно бесстрастным.

– Не пугайтесь, – подал голос Игнат Тимофеевич, – скелет не настоящий. Учебное пособие.

Дядя Миша присел у костра и положил руку на золу.

– А вот костер настоящий, горел этой ночью. И это не пособие, – он указал на рыбы головы у ног скелета.

– Кто-то нас опередил, – заключил Игнат Тимофеевич, внимательно оглядываясь по сторонам. – Что скажешь, Миша?

Шмякин вдруг стал серьезным.

– В лесу всякое случается. Тем более в закрытой зоне.

Эти слова очень не понравились Андрюхе, и он почувствовал, как холодок скатился по спине.

– На всякий случай поиграем в разведчиков, – предложил дядя Миша, – говорить шепотом, ступать тише и не высовываться. Побродим немного, посмотрим. Ухо держать востро. Нос по ветру.

Они вернулись в лес, и пошли вдоль опушки, внимательно просматривая пространство базы в бинокль. Не успели пройти и ста метров, как за спиной послышались голоса. Все насторожились и переглянулись.

– Будьте здесь, – шепнула Вика, – я схожу посмотреть.

Она вернулась через десять минут и сообщила удивительную новость:

– Там менты во главе с Несюковым.

– Но как они нас выследили? – удивился Андрюха.

– Я думаю, они ищут не нас, – задумчиво произнес Игнат Тимофеевич.

– Тоже пришли посмотреть на чудовище?

– Пожалуй, что нет, – Тараканов обвел взглядом всю компанию и с неохотой продолжил: – Четыре дня назад из лагерей сбежали трое заключенных.

Дядя Миша качнул головой и снял ружье с плеча.

– И костерчик, стало быть, их?

– Может быть, их, а может быть, просто совпадение, – пожал плечами Игнат Тимофеевич. – Все зависит от того, в какую сторону они побежали.

– Это меняет дело, – заключил дядя Миша. – Пора сматывать удочки, а то еще...

– Тихо, – оборвала его Вика, – кто-то идет.

Они укрылись за густым разлапистым кустом и замерли в напряженном ожидании. Трое небритых угрюмых мужчин прошли совсем рядом, так что были слышны обрывки разговора.

– Говорил тебе, Паленый, надо было на север уходить, а ты заладил свое: «Место надежное, глухое, ни одна живая душа не узнает». А тут ментов больше, чем в городе.

– Заткнись. Они-то нам и помогут. Машина у них должна быть, – огрызнулся второй.

«Урки», – похолодел Андрюха.

– Пойдем за ними, – шепнула Вика, – про нас они не знают.

– Возьми на всякий случай, – дядя Миша протянул Андрюхе топорик.

– Лучше дайте мне нож, – попросил он, – я ножи хорошо метая.

Стиснув в руке холодное лезвие, Пупков вздохнул поглубже и почувствовал себя увереннее. Все-таки у них ружье, нож, топорик и крепкий березовый черен.

По опушке, вслед за бежавшими заключенными, они вышли к воротам базы. Там, выделяясь ярко-желтым пятном на фоне темного леса, стоял потрепанный милицейский «УАЗик», но с тонированными стеклами.

Недолго думая, беглецы направились к нему. Без проблем открыли кабину. Один сел за руль, второй полез в капот, а третий встал поодаль и старательно крутил головой.

– Машина Несюкова, – шепнула Вика.

– Это каким же надо быть идиотом! – выругался Игнат Тимофеевич. – Они же сейчас угонят машину.

– Дядя Миша, их нельзя отпускать.

– Не волнуйся, дочка, далеко они не уедут.

Для верности Шмякин положил ствол «ижики» в развилку и взял машину на прицел. Немного покопавшись, беглецы завели машину, хлопнули дверцы и, уже тронулся с места выдавший

виды «УАЗик», но тут один за другим грянули два выстрела.

Зеки выскочили из машины и, пригибаясь, петляя, заспешили к лесу.

– Уходим, – скомандовала Вика, – сейчас менты явятся.

И действительно, тут же послышался треск ломающихся сучьев и громкий топот ног.

– Весу, как в баранах, а топают, как слоны, – усмехнулся Шмякин. – Вика, посмотри, вон с того косогорчика под вышкой нам всю базу будет видно. Пойдем туда.

Девушка на секунду задумалась.

– Они не справятся, дядя Миша. Им надо помочь.

– Через сто метров – озеро. Деревья реже, зато кустов больше, – ответил Шмякин, перезаряжая ружье, и было ясно, что он принял решение.

Пять милиционеров пробежали шумною толпой в пяти метрах от группы Пупкова. Последним, помахивая животиком налево и направо, бежал сержант Тааак.

Завидев простреленные колеса, Несюков схватился за голову:

– Это кто же так?!

– Товарищ подполковник, они туда побежали. Я видел, – доложил самый шустрый из «четырех танкистов» Серега.

– А что же они собаку-то не взяли? – удивилась Вика.

– С таким разметом она по асфальту еле ходит, не то что по лесу бегать, – отмахнулся дядя Миша. – Слишком отставать нам тоже не следует, потеряем.

– Не потеряем, – успокоил его Тараканов, – от них шума, как от стада бизонов.

Скорым шагом они пересекли дорогу и, углубившись в лес метров на пятьдесят, засели в густых кустах. Далее сильно поредевший лес сползал по косогору, где в естественной ложбинке покоилось длинное неширокое озеро.

– Чем-то Лох-Несс напоминает, – шепнул Андрюха.

– А ты там был? – улыбнулся дядя Миша.

– Нет. Фотографию видел.

– А беглецов видишь?

– Нет. Ментов вижу, а... – Пупков договорить не успел.

– Смотрите, – перебил его Игнат Тимофеевич, – кусты справа, у самой воды.

И действительно, кусты у самой воды тряслись, словно там... буянил пьяный медведь. Бравые стражи порядка тоже

заметили такой непорядок и бросились к кустам с криками: «Стой! Стрелять будем! Выходи по одному! Руки за голову!» Сержант, бывший ближе всех, в порыве невесть откуда нахлынувшей отваги, сунулся в кусты и тут же издал дикий

воплъ, разлетевшийся по лесу на многие километры. Потом толстячок просто окаменел, а через секунду открыл бессмысленную стрельбу и опустошил всю обойму. Из-за кустов послышался громкий всплеск, и все затихло. Обезумевший от страха сержант рванул вверх по склону, к машине, словно она могла его спасти. Остальные, повинувшись мгновенному налету паники, не понимая в чем дело, кинулись за ним. Сержант бежал с несвойственной для него прытью и кричал одно слово: «Там! Там! Там!»

И тут на них, еще не очухавшихся, ничего не соображающих, с дубинками и ножами в руках напали уголовники. Двоих они оглушили сразу. У подполковника выбили пистолет. Сверкнувший нож полоснул по левой руке. А пузатенький сержант, любитель халявной самогонки и длинноногеньких девочек, и вовсе потерял пистолет. Единственное, что им осталось, петляя между деревьев, убежать, не забывая почаще пригибаться, так как дубинки то и дело свистели над их головами. Увлеченные погоней зеки совсем потеряли бдительность, и когда из-за кустов выскочили четыре буро-зеленых существа, пришел их момент удивляться. Они даже дубинки не успели поднять. Крепкий березовый черен с быстротой молнии прошелся по всем болевым точкам. И даже не охнув, все трое распластались на сырой земле.

Дядя Миша, так и не успевший поугагать их ружьем, качнул головой и криво усмехнулся:

– Бесподобно!

– Знай наших! – с любовью глядя на племянницу, гордо заметил Тараканов.

– У вас наручники есть? – Вика повернулась к подполковнику Несюкову, старательно зажимавшему левое предплечье. Рукав его кителя побурел от крови, а сам предводитель славных «танкистов» позеленел лицом и привалился к осине. – Есть шабашка для доктора, – оповестила девушка своего дядю и обратилась непосредственно к «танкистам»: – Ребята, быстренько наденьте на них наручники, иначе они поотрезают вам головы.

– А ты кто такая? – с гонором осведомился толстенький сержант. – Раскомандовалась здесь!

Девушка повернулась к спутникам и нарочито громко сказала:

– Надо было посмотреть, чем дело кончится. Сержант обычно так поступает.

Тааак прикусил язык.

Вика повернулась к нему и, недобро прищурив глаза, прошептала:

– Иди, поищи пистолет, пока не вылетел с теплого места. Командир.

Самый шустрый, Серега, не дожидаясь чьей-либо команды, быстренько надел на уголовников наручники. Обыскал их и сложил три заточки в

полиэтиленовый мешочек. Одна была в крови подполковника Несюкова. И тут только сержант узнал Вику и во втором приступе тупости закричал:

– Ага, попалась, беглянка!

Девушка усмехнулась и, отвернувшись, бросила через плечо:

– Это ты попался, лопух пузатый. Твой пистолет на берегу озера.

При слове «озеро» сержант побледнел. Внутри него боролись два страха. Перед тем, что он видел в кустах и перед наказанием за потерю табельного оружия.

А Игнат Тимофеевич тем временем хлопотал около раненого подполковника. Сняв китель, он усадил его под дерево.

– Неплохо, неплохо они вас порезали, – приговаривал он, осматривая рану, – очень удачно порезали. Я как знал, что пригодится, иголочку с собой прихватил, ниточки. Сейчас обрабатываем ранку, заштопаем, и будете, как новенький.

Вика присела рядом и, склонив голову набок, устремила на подполковника задумчивый взгляд.

– И как вам работается с такими орлами, гражданин начальник? – спросила она тихим домашним голосом.

Подполковник прикусил губу, застонал и отвернулся.

– Сейчас, сейчас, – шептал Тараканов, – новокаинчику вколем, и будет полегче.

Начальнику районной милиции было ужасно стыдно, ведь если бы не эта девушка... уже не было бы давно Несюкова, да и помощников его не было.

– Вот так и работаю, – выдохнул он. – Вы меня извините.

Вика улыбнулась.

– Да, гражданин начальник, вы были жестоко не правы, но мы вас простили, и вы уж нас простите.

Подполковник поморщился от боли и кивнул. Да, жизнь странная штука. И порой не знаешь...

– Мы-то, ладно, порыбачить пришли, а вас-то что сюда привело? – поинтересовался Игнат Тимофеевич.

– Да информацию мне скинули насчет беглых, – вздохнул Несюков, – Хотел своими силами взять.

– И прославиться на всю страну, – договорил за него Тараканов.

– Чего уж там... – удрученно пробурчал Несюков.

– Машину мы вам немного подпортили, – смущенно улыбнувшись, заявил дядя Миша. – Но вы тоже виноваты: бросили в лесу без осмотра.

– Да я понимаю, – признался подполковник.

– Пошлите самого шустрого за подмогой. Здесь до трассы два часа хода, – посоветовал Шмякин. – Те двое хлопцев в себя пришли, но толку от них мало. Так что вам лучше здесь отсидеться. А мы, на всякий случай, рядом побудем.

Шустрый Серега тут же был откомандирован за подмогой. Рану Игнат Тимофеевич успешно зашил и перешел к осмотру других пострадавших стражей порядка. Сержант Тааак вернулся с поисков довольный: ему удалось найти брошенное в панике табельное оружие, а стало быть, гроза миновала. Он вновь возжелал показать свое рвение в наведении общественного порядка в глухом лесу, но Вика, скроив на буро-зеленом лице невинное выражение, спросила:

– А кепка?

– Ай, – толстяк схватился за голову и, развернувшись, побрел к озеру.

– К воде близко не подходи, – посоветовала девушка.

Сержант поежился. Андрюха, наблюдавший эту сцену, сдержанно улыбнулся и шепнул спутнице:

– Мне нужна твоя помощь.

Вика заглянула в хитрые глаза Пупкова и поняла, что он затеял что-то интересное.

– Нет проблем.

– Тут недалеко, – Андрюха махнул в сторону базы.

– Сейчас, – девушка наклонилась к Тараканову и шепнула, – дядя, мы отойдем минут на десять.

– Черенок возьми, – посоветовал Игнат Тимофеевич, – на всякий случай.

– Конечно, – кивнула Вика, и они с Андрюхой направились к базе.

А жизнь тем временем расставила все по своим местам. Придя в себя, маленькие милиционеры слегка попинали больших уголовников, и душевное равновесие было восстановлено. Сержант свою кепку так и не нашел, но зато вволю потешился над пленниками. Игнат Тимофеевич наконец-то

помирился со злейшим врагом подполковником Несюковым, а Вика с Андрюхой действительно вернулись через десять минут, но все время переглядывались и загадочно улыбались.

– Товарищ подполковник, – тихим голосом, ласковым, домашним, как обычно обращался к больным, говорил Тараканов, – забудем все прежние разногласия. В жизни всякое бывает. Я думаю, в ваших же интересах, чтобы о нашем участии в деле никто не знал. Вы сами, при помощи подчиненных, рискуя жизнью, задержали опасных преступников. Хорошо?

– Хорошо, – кивнул Несюков, – я ваш должник.

– Смотрите за ними получше.

– Не беспокойтесь, уж от меня-то они не сбегут.

– Надеюсь, – с ноткой иронии согласился Тараканов.

Компания Андрюхи попрощалась с тремя «танкистами» и командиром и двинулась вверх от озера, чтобы немного запутать следы. Они прошли мимо раненого «УАЗика», перешли до рогу и углубились на несколько метров в лес.

– Я думаю, нам лучше остановиться здесь, – предложила Вика, – обзор хороший, да и вообще...

Она что-то не договорила, но никто не придал этому значения. Они разбили небольшую стоянку и решили слегка перекусить. От пережитых волнений у всех прорезался аппетит.

– Смотрите, – предупредила Вика. Все, как по команде, повернулись к машине. К ней подходил важный сержант. Властной рукой он взялся за ручку дверцы, распахнул ее и... тихо прилег у переднего колеса. За рулем сидел скелет с милицейской кепкой на голом черепе. Полежав минут пять, сержант пришел в себя и ползком устремился к опушке. Метров через десять он вскочил и припустил тяжелым галопом.

– Пошли, – скомандовал Андрюха.

Они с Викторией быстренько подбежали к машине, вытащили скелет и, аккуратно придерживая, вернулись с ним в лагерь.

– Ценю ваш юмор, – улыбнулся Игнат Тимофеевича, – Нет, Михайло, ты только посмотри, каковы у нас племянники!

– Да-а-а, – многозначительно протянул Шмякин.

– Сейчас будет вторая серия, – предупредил Андрюха. И действительно, через пять минут сержант показался вновь, но уже не один, а в компании с Несюковым. Они шли мягкой крадущейся походкой, выставив вперед пистолеты. Подойдя к машине, заглянули внутрь. Никакого скелета, разумеется, там не было.

– И где? – устало облокотившись о машину, спросил подполковник.

– Да он здесь сидел. И кепка моя на нем была. Не вру, товарищ подполковник, ей-богу.

Сержант глупо захлопал глазами и развел руками.

– Тебя, идиота, даже за едой послать нельзя, – процедил Несюков, – вечно с тобой что-нибудь приключается. То задержанные сбегают, то динозавры на тебя из кустов нападают, то скелеты в машину садятся. Ты сколько сегодня выпил?

– Нисколько, товарищ подполковник. Вот именно – нисколько.

– Ладно, – Несюков спрятал пистолет в кобур, – бери рюкзак, пошли.

– Запомнят они вас надолго, – ухмыльнулся дядя Миша, – ладно, налегай на закуску.

– Сейчас, – не унималась молодежь. Они сбегали к воротам и прислонили скелет к щиту с надписью: «Стоять! Хода нет!»

К вечеру пришла помощь. Колеса на «УАЗике» поменяли, и он своим ходом отправился в райцентр. Беглых узников запрятали в спецмашину. Смолкли команды, стих шум, и вскоре лес вновь укрыла первозданная тишина. А друзья еще долго улыбались, вспоминая, как сержант отвоевывал у скелета свою кепку.

9

Утро выдалось свежее. Впрочем, этого и следовало ожидать. От озера тянуло сыростью. Зябко передергивая плечами, искатели приключений бродили по косогору, пока наконец-то не выбрали место, откуда просматривалась наибольшая часть водного зеркала.

– Остановимся здесь, – решил дядя Миша, – только надо подкатить во-о-он то бревнышко и будет, как в театре.

– Ага, бр-р-р, – мотнула головой Вика, – только зябко.

– От холода есть верное народное средство, – Игнат Тимофеевич достал из рюкзака плоскую фляжку, пластмассовый стаканчик и наполнил его. – Ну-ка, Михайло, вздрогнем по первой.

Шмякин с удовольствием принял стаканчик. Крякнул.

– Хорошо идет. Лучше лимонада. Можешь ты делать целебные настои.

– На том стояла и стоять будет Великая Русь, – улыбнулся Тараканов.

Когда очередь дошла до Вики, она насторожилась. Желтоватая настойка пахла приятно, но...

– Да я вообще-то не очень... – смутилась девушка.

– Пей, тебе говорят, – приказал дядя, – я тебе как врач рекомендую. От пятидесяти грамм еще никто не умирал.

– Ладно, – собравшись с духом, девушка выпила.

– Ну, как? – осведомился дядя.

– Да ничего, – пожал плечами девушка, – я думала – самогонка.

– Самогонка – понятие растяжимое, – парировал Тараканов и протянул стаканчик юноше: – Ну, Андрюха, вздрогни для согрева.

Пупков ломаться не стал.

Они немного посидели молча, поочередно осматривая озеро в бинокль. Выпили по второй и с удивлением заметили, что уже не мерзнут. Игнат Тимофеевич хитро улыбнулся, приговаривая:

– То ли еще будет.

Когда выпили по третьей, он вскинул руку.

- Смотрите, смотрите, пошло.
- Где? – хором воскликнули остальные.
- Налево от сухого дерева.

Андрюха присмотрелся, и действительно: тихую гладь озера смутила волна, что-то плеснуло, и в следующую же секунду из воды вознеслась маленькая голова на длинной, слегка изогнутой шее.

- На-ка бинокль, – толкнул его в бок дядя.

Трясущимися руками Пупков навел фокус и невольно отшатнулся: двадцатикратно увеличенная голова ящера ввалилась в поле зрения нос к носу. Сердце окатило холодной волной. Маленькие птичьи глазки смотрели не мигая, в упор. Бурая, в больших шишках голова качнулась вперед и разверзлась непропорционально огромная пасть, утыканная двумя рядами кинжалообразных зубов. Андрюха вздрогнул и опустил бинокль.

Чудовище плескалось в полусотне метров.

- Рыбу гонит, – шепнул дядя Миша.

Под первыми лучами солнца блеснула чешуей крупная рыба. За ней на секунду показалась голова плезиозавра, выгнутая дугой шея, широкая спина в темно-зеленых разводах. Хлопнул по воде огромный задний плавник, и все затихло.

Через десять минут монстр вынырнул снова уже с добычей в зубах. Голова качнулась назад вперед. Хвост рыбы последний раз трепыхнулся, и она исчезла в бездонной глотке. Еще минут десять чудовище резвилось у самого берега, выказывая зрителям то бок, то желтое брюхо, то горбатую спину. Один раз оно даже (так показалось Андрюхе) помахало ему хвостиком. Затем нырнуло, и все.

Зрители еще долго сидели в глубоком молчании, переваривая увиденное. Время от времени Андрюха осматривал в бинокль зеркальную гладь озера, но тщетно. Солнце уже взошло. Робкие лучи, пробиваясь сквозь густые кроны, ласкали буро-зеленые лица искателей острых ощущений.

– Никогда бы не подумала, что здесь, в глухом лесу, парк Юрского периода.

– Много еще белых пятен на нашей планете, – с пафосом произнес Тараканов.

– И откуда оно здесь взялось?! – задал Андрюха вопрос, обращаясь к друзьям и к самому себе в той же степени. – Вы как ученый, Игнат Тимофеевич, допускаете такую возможность?

– Возможность массовой галлюцинации? Или миража? Или все-таки существование давно вымершего вида?

– А может быть, тайна в напитке? – насторожился Андрюха. – Какой-то он странный.

– Ты полагаешь, я опоил всех вас наркотой? – усмехнулся Тараканов. – Наркотик не может давать стабильную и четкую галлюцинацию, одну на четверых.

– Стало быть, Несси реальна?

Игнат Тимофеевич задумался.

– Наверное, ее не существует.

– Но мы же все ее видели. Замкнутый круг получается.

– Не ее. Не совсем ее.

– Но позвольте, кто же тогда плескался перед нами?

– Ее память.

– Память?! – удивился Андрюха.

– Да.

– Память Несси?! – Пупков даже привстал с бревна.

– Нет, память Природы.

На это Андрюха не нашел, что сказать. Он просто медленно опустился на место, молча тараща глаза на собеседника. Выдержав недолгую паузу, Тараканов заговорил.

– Все, что происходит в природе, не исчезает бесследно, а просто переходит в другое состояние, невидимое для нас, и то, что было, витает сейчас вокруг нас. Но однажды обстоятельства будят в человеке его способности заглянуть в Память Природы и увидеть то, что было в неза... много-много тысяч лет назад. Вот моя версия, столь же фантастичная, как и все то, что здесь происходит.

– Да-а-а, – протянул Андрюха и поскреб за ухом. – А напиток ваш способствует обострению восприятия?

– Может быть, – загадочно улыбнувшись, ответил Игнат Тимофеевич.

– Но пузатый сержант видел монстра и без напитка, – заметила Вика.

– А он всегда в таком состоянии, – отмахнулся Тараканов, – что скоро марсиан встречать начнет.

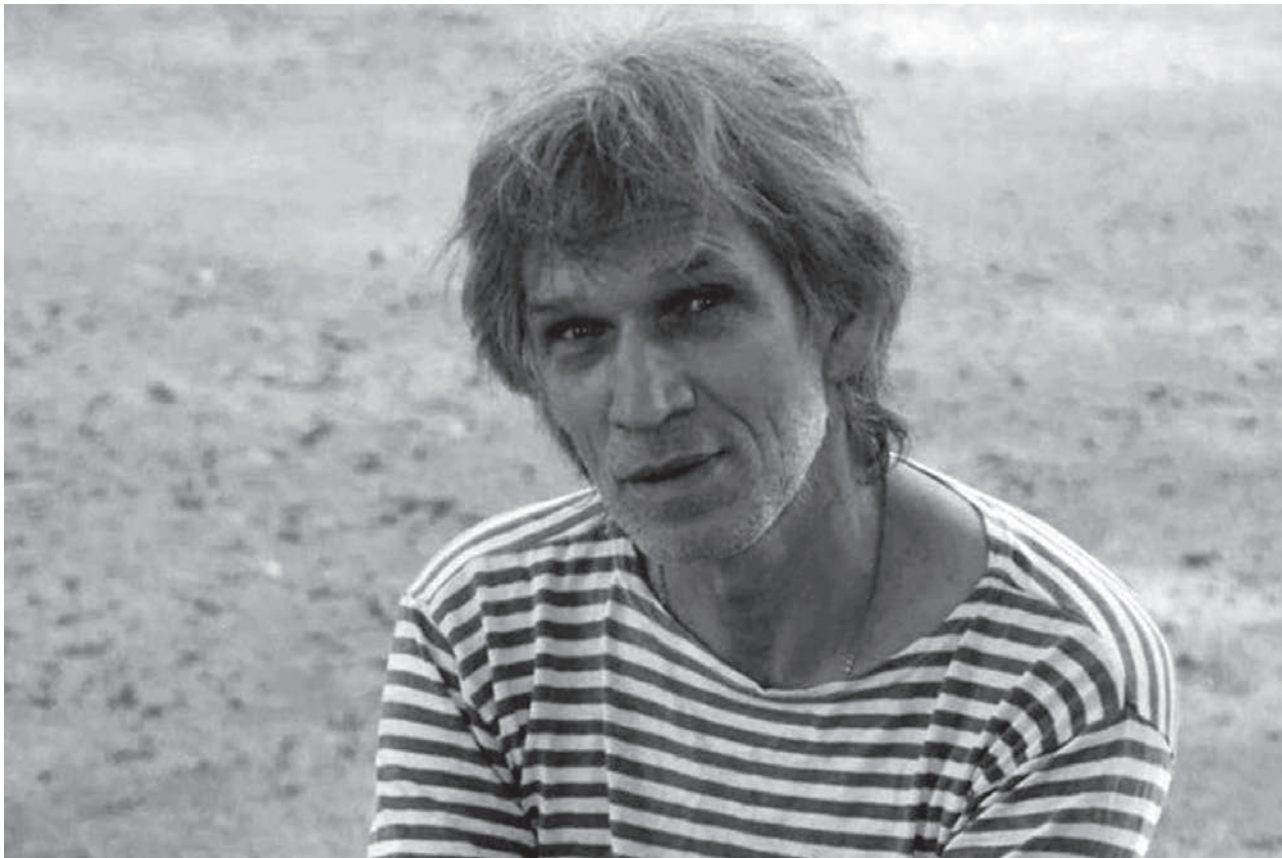
– Теперь тебе есть, о чем писать, – дядя Миша хлопнул племянника по плечу.

– Да-а-а, – опять протянул Пупков.

– Только не забудь указать, что рассказ фантастический, – посоветовал Шмаков. – А теперь быстрый сбор и до дома.

МИХАИЛ АНИЩЕНКО: Я УБИТ ПРИ ПОПЫТКЕ К БЕГСТВУ...

1 В ОДНОЙ СВЯЗКЕ С КЛАССИКАМИ

Не все, кто вышел из гоголевской шинели, в 90-е годы прошлого века надели малиновые пиджаки. Поэт Михаил Анищенко его не надел. И не потому, что жаждал этого, но не смог. Он просто категорически не хотел этого делать, потому что был большим поэтом, продолжившим традиции великой русской литературы. Наши литературные классики ставили наиболее острые вопросы и искали на них ответы; поднимали проблемы совести, чести, достоинства; они хорошо знали Россию, человека и мир и умели создавать произведения на века.

Вплотную к этому уровню подошел и Михаил Анищенко, – и не случайно. Он досконально знал русскую литературу и фантастически умело использовал эти знания при создании своих произведений. С литературным наследием поэта мы всерьез начинаем знакомиться только сегодня, так как жил и творил он в деревне, тусовок собратьев по перу сторонился, и, хотя был членом Союза писателей, в

«ведущих» литературных журналах его имя не мелькало. И к славе не рвался. Это о таких, как он, сказано в известной басне:

*Явилась Слава к Мудрецу,
Решив, что он ее достоин.
Но тот был холодно спокоен,
Сказав: «Мне слава не к лицу».
«А мне лицо твое подходит...»
С тех пор, ограбив Мудреца,
В чужом обличье Слава ходит,
А Мудрость ходит без лица.*

Есть в лирике Михаила Анищенко одна интересная особенность. Создавая свои произведения, он нередко использовал имена наших классиков и их героев, – и делал это мастерски. К примеру:

Муму

*Что-то никак не пойму:
Мир удивительно ясен!*

*Но топит Герасим Муму,
Добрый такой Герасим!*

*В воду вошли два весла,
К телу прижалась собака.
Жизнь! Она так весела!
Как тут от смеха не плакать?*

*Знает, не жить одному,
лучше, чем мы, это знает...
И все-таки топит Муму,
на стрежень реки выгребает.*

*Казалось, что время пройдет
и мир не встревожится куцый:
Герасим с тоски не запыет,
круги на воде разойдутся.*

*Тот век! Он в таком далеке!
Но что это? Вижу сквозь слезы:
застыли круги на реке,
как кольца на срезе березы.*

«Казалось, что... круги на воде разойдутся», то есть, такого варварства люди уже не повторят через сто лет, но – увы! – люди не изменились. «Застыли круги на воде», – в этом вопросе все осталось так, как во времена И.С. Тургенева. Если сегодняшняя барыня прикажет слуге потопить Муму, то слуга, чтобы не потерять работу, сделает это. Поэтому поэт пишет «Вижу сквозь слезы».

А вот другое стихотворение Михаила Анищенко:

*Мы Русь ругаем по привычке,
Повсюду грязь и барыши...
Но ехал Чичиков на бричке
В потемках собственной души.
Нас опоили зельем горьким,
Слепили пыльное клише.
Но дно, увиденное Горьким,
Он видел в собственной душе.
Веками ларчик замыкался,
Но в нем хранили ерунду.
И Данте в душу опускался,
А говорил, что был в аду.*

И двести, и сто лет назад, и сегодня у «чичиковых» одна цель в жизни: любым путем приобрести «барыши». Это смысл их жизни, и для них богатство – это главное счастье. Поэтому и приходится им жить «в потемках собственной души». А с учетом того, что именно они – хозяйева жизни, «мы Русь ругаем по привычке».

Строка «Но дно, увиденное Горьким» ассоциируется прежде всего с его пьесой «На дне». Алексей Максимович ходил пешком по Руси, долго жил среди деклассированных элементов и хорошо знал жизнь «челкашей» в ночлежках и за их пределами. И, хотя

Горький считался великим пролетарским писателем, он чувствовал себя политическим «босьяком», потому что, будучи приближен к Сталину и видя его ошибки, не смог повлиять на вождя.

А вот почему «Данте в душу опускался, а говорил, что был в аду», нам еще предстоит узнать. Это произойдет тогда, когда литературоведы получат доступ к архивам Михаила Анищенко и изучат их.

В Интернете немало споров вызвало стихотворение Михаила Анищенко «Барыня»:

*Боль запоздалая. Совесть невнятная.
Тьма над страной, но мысли темней.
Что же ты, Родина невероятная,
Переселяешься в область теней?
Не уходи, оставайся, пожалуйста,
Мерзни на холоде, мокни в дожди,
Падай и ври, притворяйся и жалуйся,
Только, пожалуйста, не уходи.
Родина милая! В страхе и ярости
Дай разобраться во всем самому...
Или и я обречен по ментальности
Вечно топить собачонку Муму?
Плещется речка, и в утреннем мареев
Прямо ко мне чей-то голос летит:
«Надо убить не собаку, а барыню,
Ваня Тургенев поймет и простит».*

Некоторые читатели высказывают недоумение по поводу того, что, дескать, в строке «Надо убить не собаку, а барыню» поэт призывает кубийству. Мол, жизнь человека дороже, чем жизнь собаки... Однако тут можно и нужно поспорить. Человекоподобное существо, которое за несколько лет украло у народа собственность на миллиарды долларов, – это тоже Человек с большой буквы?! Поэт, а вместе с ним и миллионы граждан России с этим категорически не согласны.

А может быть, в стихотворении таким образом просто поставлен вопрос: олигархи сегодня обнаглели до предела, – и с ними надо что-то делать?

И, наконец, ведь убить барыню советует вовсе не автор стихотворения. Это летит к нему чей-то голос. А вот чей, поэт не указывает, предоставляя задуматься читателю. То ли это голос человека из народа, то ли божий глас.

Особого внимания заслуживает стихотворение Михаила Анищенко «Шинель». Глубина идейного содержания в нем надежно впаяна в мастерски отточенную художественную форму. Поэт говорит то, о чем думает его сердце.

*Когда по родине метель
Неслась, как сивка-бурка,
Я снял с Башмачкина шинель
В потемках Петербурга.*

Прочитав первые четыре строки, читатель до конца пока не понимает, что из себя представляет

лирический герой. Кто он? Просто грабитель, позарившийся на новую шинель? Это уже прочтя все стихотворение, понимаешь, что главная мечта этого персонажа – не какая-то шинелька, а громадные деньги и власть на верхних этажах. А человек, захваченный идеей, становится ее заложником. Как видим, Н.В. Гоголь помог поэту написать начало стихотворения.

*Была шинелька хороша,
Как раз – и мне, и внукам.
Но начинала в ней душа
Хождение по мукам.*

Как тут не вспомнить роман Алексея Толстого «Хождение по мукам»?

Лирический герой говорит, что было не все так просто. Для достижения своей цели, ему пришлось пережить нравственные муки, затоптать в своей душе все человеческое, все хорошее, что было в ней. И что это только начало долгого пути. Стоит один раз покривить душой – и тяга к гимнастике останется у нее на всю жизнь. Наши сегодняшние олигархи тоже начинали с малого: кражи, спекуляции, мелкое мошенничество, обман в торговле и т. п. Тоже, считай, сняли с Башмачкина (читай: с рядового труженика) шинель. А если не впотьмах шинель, то среди белого дня что-то другое: деньги, акции, ваучеры, небольшую собственность...

*Я вспоминаю с «ох» и «ух»
Ту страшную обновку.
Я зарубил в ней двух старух
И отнял Кистеневку.*

Чтобы в числе первых приобрести первоначальный капитал, «герою нашего времени» уже пришлось идти на убийства и крупные мошенничества с привлечением продажной судебной системы. Уже «новый русский» внаглую начинает отбирать собственность то у своего приятеля, то у компаньона, то у вчерашнего сослуживца, то у родственника... И тут Михаил Анищенко упоминает пушкинского отставного генерала Троекурова, хотя и не называет его. И сразу читателю приходят на ум фамилии сегодняшних троекуровых, которые вдруг стали долларовыми миллионерами. Чувство собственного достоинства они легко подменили чувством достойной собственности.

*Шинель вела меня во тьму,
В капканы, в паутину.
Я в ней ходил топить Муму
И мучить Катерину.*

На дороге к большим деньгам и к власти «новых русских» ждали и многочисленные капканы, и паутина самого неожиданного пошиба. Многим из них пришлось побыть в роли тургеневского Герасима и

топить свою Муму. А кому-то для достижения своей цели вести себя, как Кабаниха из пьесы А.Н. Островского «Гроза», и мучить свою Катерину. И вот тут возникает вопрос: если все дети Бога, то почему так часто их воспитанием занимается дьявол?

*Я в ней на радость воронью,
Лежал в кровянице немо,
Но пулей царскую семью
Потом спровадил в небо.*

Вспомнил поэт и Первую мировую, где «маленький человек» пролил большую кровь. Автор создал уникального героя, который живет не только в настоящем, но и параллельно в прошлом (и это почему-то совсем не воспринимается как элемент фантастики или чертовщины). И за свою пролитую кровь и другие беды, полученные от власти, безжалостно расправился с самодержавием.

*Я в ней любил дрова рубить
И петли вить на шее.
Мне страшно дальше говорить,
А жить еще страшнее.*

Не так страшен черт, как те, в ком он сидит. Ради получения новых богатств не жалко никого. Даже если пришлось «петли вить на шее» кого-то. Но на потенциальную просьбу читателя «поподробней в этом месте» герой стихотворения отвечать уклоняется. Весь свой ад носит с собой. Лишь признается, что «жить еще страшнее». Может потому, что судьба сначала подает нам знак, а затем – счет. Хотя и охрана многочисленна, и высокие заборы с видеокамерами, но врагов столько, что страх потерять жизнь или собственность становится постоянным спутником.

*Над прахом вечного огня,
Над скрипом пыльной плахи,
Все больше веруют в меня
Воры и патриархи!*

Ну, воры понятно. Они всегда без колебаний будут веровать в такого героя. А вот почему «все больше веруют» патриархи? И причем самого разного профиля? Да потому, что с изменением общественно-экономической формации у патриархов деформировалось и сознание. И деньги, и власть стали мечтой этих «уважаемых людей». А мечты, как известно, могут далеко завести и там бросить.

*Никто не знает на земле,
Кого когда раздели.
Что это я сажу в Кремле
В украденной шинели.*

В этом абсолютно уверен лирический герой стихотворения. Однако и поэт, и читатели знают, кто и

когда «раздел» простых тружеников России. И кто из сидящих в Кремле «в украденной шинели».

В последние годы по телевидению все чаще говорят о торжестве справедливости. Однако торжество справедливости обычно длится до команды «Снято!» Законам трудно сдержать свое слово. И уже нет сомнений, что сегодняшняя жизнь приобрела сомнительную репутацию. Впрочем, все плохое рано или поздно кончается. Даже жизнь.

2

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, КАК ЛЮБЯТ НЕЗЕМНОЕ

Великий пролетарский писатель А.М. Горький восклицал: «Прославим поэтов, у которых один бог – красиво сказанное бесстрашное слово правды!» И таким поэтом, у которого все это было, с уверенностью можно назвать Михаила Всеволодовича Анищенко. Поэт писал о судьбе России, о состоянии своей души, о людях, о родной природе – и везде у него звучало «бесстрашное слово правды». Искренно и проникновенно он писал и о любви и дружбе. Давайте почитаем некоторые его стихи на эту тему.

Звонок

*Дождь барабанил по окнам.
Тренькнул звонок.
Он встал,
Снял трубку:
– Алло?! –
И вздрогнул,
И крикнул в нее: – Я ждал!
Вы где? На вокзале? Я буду!
Не слыша в ответ ничего,
Кричал он и верил,
Что чудо
Сбывается в жизни его.
Потом он бежал через ливень
Туда, где светился вокзал,
И, мокрый до нитки,
Счастливым,
Шептал, задыхаясь:
– Я ждал!..
А там, у большого вокзала,
В сырой непролазной ночи,
Она еще трубку держала
И слышала, как он кричит.
Поодаль мужчина с вещами
Крутил ее старенький зонт.
И вновь репродуктор вещал им,
Что поезд сейчас отойдет.
И ждать было глупо чего-то.
Но было обидно и жаль,
Что тот, кто играл ее зонтом,
Ни разу вот так не кричал.*

В одном стихотворении – целая повесть о любви. И мурашки по коже при чтении. И не хочется здесь выискивать ни удачных метафор, ни ярких эпитетов, ни других художественно-изобразительных средств. Почти у каждого из нас была в жизни или безответная любовь, или расставание с любимой по глупости. Со временем ко многим приходит и осознание утраты чего-то необыкновенного, и жажда любой ценой вернуть утраченное. Но не всегда и не у всех это получается. Не получилось и у лирического героя стихотворения. И какую великолепную поэтическую находку мы увидели в стихотворении! Он – без зонта в ливень (то ли забыл в порыве, то ли у него его нет вовсе) и другой мужчина – «тот, кто играл ее зонтом».

Элегия

*Надрывается ветер заблудший,
Колобродит всю ночь в камыше.
И чем хуже погода, тем лучше
Почему-то теперь на душе.
Ничего, я с дороги не сбился
И совсем не знаком с ворожкой.
Я в счастливой рубахе родился
И снимал ее только с тобой.
А теперь возле дома слепого
Я хожу, словно вор, без огня...
Хорошо, что ты любишь другого,
Как когда-то любила меня.
Хорошо, что без боли и страху
Ты мне машешь рукой на ходу,
Что мою голубую рубаху
Носит пугало в нашем саду.*

Лирический герой встретил женщину, которую полюбил («Я в счастливой рубахе родился») и был ей предан («и снимал ее только с тобой»). Теперь у нее другой мужчина, но лирический герой по-прежнему желает ей только добра и таких же светлых чувств, которые когда-то она испытывала к нему. И как у порядочных людей, расстались, но тепло друг к другу в душе не выветрилось. Чувства «выцвели», как старая рубаха, которую «носит пугало в нашем саду».

Видимо, это стихотворение – часть биографии поэта: с первой женой он разошелся и жил с другой женщиной.

Когда больше узнаешь о жизни Михаила Анищенко, то видишь, что разрыв между личной жизнью и стихами у него минимальный. Поэт много раз признавался в своей лирике, что жить ему тошно:

*Я устал от тоски. Я не сплю.
Я стою у окна. Замерзаю.
Боже мой! Как я мир не люблю,
Как устройство его презираю.*

И он искал для себя опору в любви. И нашел женщину, близкую ему по духу, которую стал называть

Омелией. Жили они в селе Шелехметь в полуразвалившемся доме. А накануне, как писал Михаил Анищенко, «мы бросили город, бросили все, что было, переплыли через Волгу, словно через Лету, и стали жить в деревне. Вернее – выживать. Мы жили без денег и благ. Замерзали зимой без дров. Жили без электричества, сжигая запас толстых хозяйственных свечей...».

Поэту помогали выживать поддержка любимой и литературное творчество:

*И я разгибаюсь в ночи как подкова,
Как олух небесный, глаголю: «Держись...»
Спасибо за жизнь тебе, русское слово,
За то, что ты снова богаче, чем жизнь.*

Есть у Михаила Анищенко стихотворение «Я воду ношу», которое сегодня исполняется как романс:

*Я воду ношу, раздвигая сугробы,
Мне воду носить все трудней и трудней.
Но как бы ни стало и ни было что бы,
Я буду носить ее милой моей.*

*Река холоднее небесного одра.
Я прорубь рублю от зари до зари.
Бери, моя радость, хрустальные ведра,
Хрусти леденцами, стирай и вари.*

*Уйду от сугроба, дойду до сугроба,
Три раза позволю себе покурить.
Я воду ношу – до порога, до гроба,
А дальше не знаю, кто будет носить.*

*А дальше – вот в том-то и смертная мука,
Увижу ли, как ты одна в январе
Стоишь над рекой, как любовь и разлука,
Забыв, что вода замерзает в ведре...*

*Но это еще не теперь, и дорога
Протоптана мною в снегу и во мгле...
И смотрит Господь удивленно и строго,
И знает, зачем я живу на Земле.*

Знаем и мы, зачем жил на Земле человек, которого звали Михаил Анищенко. Казалось бы, поэт набирает воду в реке и несет ведра домой. И, на поверхностный взгляд, это все, о чем сказано в стихотворении. Но это далеко не так. В этом шедевре множество смыслов: и заботливое отношение к любимой женщине; и обеспокоенность будущностью этой женщины, когда он уйдет из жизни; и паршивое физическое самочувствие поэта, и пейзаж суровой зимы, и сомнение в православном обещании жизни после смерти («Увижу ли, как ты одна в январе»). Это стихотворение носит очень личный характер. Будто бы поэт пишет жене письмо, в котором высказывает все, что его мучает, пока носит воду.

*Концы с концами не сведу.
Темна последняя тетрадка.
И я, любимая, уйду,
Сгорю, растаю без остатка.
И я, любимая, уйду
Туда, где смерти не боятся.
И ты, как ласточка в аду,
Начнешь над памятью метаться.
Но там, где муки, тлен и плен,
Ты будешь вечною женою...
«Скажи, мой миленький, зачем
Ты не забрал меня с собою?»
Скажу: «Любимая, живи,
Топчи заветную дорожку!
От нашей веры и любви
Теплее родине и Богу.
Живи в остуде и бреде,
Во сне живи и круговерти,
Живи, как ласточка в аду
И как зачатые после смерти!»*

Литературоведам еще предстоит изучить многогранный поэтический язык Михаила Анищенко, и, я уверен, они увидят в его поэзии много того, что мы, рядовые читатели, не видим. Есть же какая-то тайна в его поэзии? Иначе бы мы не восхищались художественно-изобразительными средствами в его лирике. Он очень тщательно, до изнеможения работает над Словом, – поэтому и сам пишет, что «синеглазый майский гром плохие рифмы ставит к стенке и рубит штампы топором». Следующие строки поэта подтверждают этот вывод:

*Любить. В тумане краснотала
Ломать всю ночь сережки верб
И понимать, что жизни мало,
Уже идущей на ущерб,
Чтобы любить ее, токую
В ночи, без проблеска огня...
Любить ее. Одну. Таковую,
Уже забывшую меня.*

Как и большинство мужчин, поэт не раз увлекался женщинами:

*Я буду грустить, улыбаться,
Смотреть на тайгу за окном,
В случайных попутчиц влюбляться
И мучиться долго потом.*

Однако по-настоящему Михаил Анищенко любил в своей жизни, видимо, только два раза. О любви нельзя написать талантливо, если не было большого чувства. В этом мы убедимся, если прочитаем стихотворение поэта «Ищу тебя»:

*Во мне ты видишь пору листопада,
Когда прозрачны мысли и мечты,*

*Когда ни слов, ни музыки не надо,
Когда и так все помыслы чисты.
Ты вся во мне, и мы с тобою двое...
Среди миров, затерянных во мгле,
Люблю тебя, как любят неземное
Потерянные люди на земле.*

В вопросах любви всю жизнь нам приходится «сдавать» экзамены: разлуки, ревность, мимолетные увлечения... Судя по лирике Михаила Анищенко, он был однолюбом, и в одном из стихотворений он признается: «но возил любовь в салазках над обрывами разлук». И такой вывод подтверждается выдержкой из его другого стихотворения:

*Бьет в лицо снегопадом.
На земле гололед.
Но любимая рядом
Как спасенье идет.
Эти руки и губы
Не остыли во мгле.
Значит, есть однолюбы
И на этой земле.
Тихой музыкой вея,
Открывается даль.
За любовь и доверье
Даже жизни не жаль.*

Как-то, сидя с друзьями на берегу Волги у костра, разговорились мы на разные темы, в том числе и о любви. Я сказал, что любовь – это когда готов отдать жизнь за то, чтобы любимая тобой женщина не умерла. А если не готов отдать жизнь, то это – не любовь, а увлечение. Один мой приятель не согласился с моей позицией, а другой – промолчал.

В стихотворении «Письмо» у поэта звучит одновременно тема и любви, и дружбы:

*Другу такое горькое
Письмо почтальон принес,
Что дым от моршанской махорки
Весь вечер доводит до слез.
А рядом мерцанье деревьев,
Усыпанный звездами пруд...
И тысячи верст до деревни
Где песни на свадьбе поют.
Там лихо скандируют:
– Горько!
Там дым дорогих папирос...
А тут вот простая махорка
Весь вечер доводит до слез.*

Удивительно! В стихотворении всего две «маленьких» метафоры («мерцанье деревьев» и «усыпанный звездами пруд»), а скребет душу, вызывает сопереживание и другу, и автору, который, как видит читателю, весь вечер сидит рядом с другом и курит махорку. В стихотворении не говорится, почему Она

вышла замуж за другого, который живет «за тысячу верст». Но что-то подсказывает читателю, что причина тут в материальной стороне: тут курят моршанскую махорку, а «там дым дорогих папирос». Здесь поэт очень удачно использует противопоставление и тем самым усиливает восприятие текста читателем. Лучшего эпитета, чем «горькое», к слову «письмо» в этой ситуации и не придумаешь.

Переехав жить из Самары в село Шелехметь, Михаил Анищенко стал жить бедно. Множество бывших друзей и приятелей сразу забыли о нем. В стихотворении «Снова в деревне» он прямо говорит:

*Я глух и нем, как эта стенка.
В дыму, в потемках и во рже,
От мира прячусь, словно Стенька,
Друзьями преданный уже.
А вот выдержка из другого стихотворения:
Не напрасно дорога по свету металась,
Неразгаданной тайною душу маня...
Ни врагов, ни друзей на земле не осталось...
Ничего! Никого! – кто бы вспомнил меня.*

Потере друзей способствует и то обстоятельство, что многие из них стали меняться на глазах под воздействием лозунгов новой жизни в России:

*Время сбилось с извечного круга –
Все пророчества воспалены.
На лице у любимого друга
Я увидел оскал сатаны.*

Но тех немногих, кто остался и впал в отчаяние, поэт старается поддержать. Одного он убеждает так:

*Не сдавайся, брат, не кисни,
Не стреляйся на плацу.
Я и сам бежал по жизни,
Словно слезы по лицу.*

Вадим Карасев дал очень точную характеристику поэту: «Михаил Анищенко – передатчик традиций настоящей культуры, идущих из глубины веков. Мне кажется, внимательный читатель, прочитавший произведение самарского поэта Михаила Анищенко лет через сто получит представление о том, что мучило и что радовало талантливого и совестливого русского человека времен распада империи». И с этим трудно не согласиться.

3

МИР ВАМ, РОЦИ ДА ИЗЛУКИ

Наша жизнь проходит на фоне каких-то бытовых картинок, политических событий, радости и горя, встреч и разлук, восхищений и разочарований, собственных ошибок и прозрений... Но одним из самых важных «фонов» является, конечно же, природа. И

особенно природа близка человеку, проживающему в сельской местности.

Михаил Анищенко немало лет прожил в селе Шелехметь Самарской области. И, видимо, поэтому во многих его лирических стихотворениях события разворачиваются на фоне природы. И душевные переживания лирического героя тоже часто «соседействуют» с природой. Пейзаж у поэта усиливает эмоциональное звучание произведений, углубляет их идейное содержание, способствует раскрытию основной мысли.

В гостях

*Плес и лес.
И плеск листвы лесной.
На зарю распахнутые ставни
И дымок над старенькой избой,
Где гостюю я у дяди Вани.
Мы живем меж двух российских рек,
За окном береза зеленеет.
Дядя Ваня, русский человек,
Ни души,
Ни хлеба не жалеет.
Мы к плетню выходим покурить.
Лес шумит.
Кольшется осока.
Дядя Ваня тихо говорит:
– Хорошо, когда не одиноко...*

Казалось бы, простенькое стихотворение, и весь диалог состоит из одной фразы, а сколько в ней мудрости и тепла. Из пятнадцати строк стихотворения в шести строках рисуется разными красками природа. И это не случайно. Именно на фоне природного пейзажа лучше показать широту души простого русского человека, его хлебосольство и чувство коллективизма. Автор создает и эмоциональный фон, на котором разворачивается действие: «на зарю распахнутые ставни и дымок над старенькой избой», «мы к плетню выходим покурить». Великолепно! И, кроме того, пейзаж в этом стихотворении выступает как часть национальной действительности.

Журавль

*Припомню вновь
Тот день перед зимою,
Остывшие в два счета берега
И журавлей
Над северной рекою,
Что уходила в глубь материка.
Теряла листья
Рожица сырая,
Закисшем чаем
Пахли озерца...
Я слушал,*

*Непогоду проклиная,
Как бьются журавлиные сердца.*

Уже в первой строфе, изображая картины природы, поэт настраивает читателя на то, что рассказ о журавле будет грустным. Метафоры «остывшие в два счета берега», «теряла листья рожица сырая» сразу в нашем воображении рисуют унылый пейзаж поздней осени.

*Неслось навстречу
Снега мельтешенье.
Один журавль
Вдруг съежился и сник,
Казалось,
Что земное притяженье*

Лишь на него влияет в этот миг. Кто или что поможет журавлю, когда «неслось навстречу снега мельтешенье»? Пейзаж здесь очень удачно выступает как средство развития сюжета.

*Он опускался
Медленно и тихо,
Охваченный бессильем,
Как огнем.
Но верил я:
Вернется журавлиха
Чтоб разделить
Несчастье с журавлем.
Но шаг зимы
Все так же был размерен,
И ширь реки
Не делалась теплей...
Он был один.
А я-то был уверен,
Что так бывает только у людей.*

Заключительную часть стихотворения и комментировать не надо: эти строки не просто волнуют, а обжигают душу.

Пускай!

*Забудь слова, приметы, лица,
И, счёты с миром не сводя,
Попробуй взять и раствориться
В холодных капельках дождя.*

*Попробуй тихо, неумело
Войти в деревья и ветра.
Пусть без тебя побудет тело
На мокрой лавке до утра.*

*Пускай тебе легко летится
Над беспризорною судьбой,
Пускай сверчки, цветы и птицы
Легко становятся тобой.*

*Лети божественным созданием,
Поземкой лунною пыля,
Когда одним твоим дыханием
Согреты небо и земля.*

*И пусть, как ниточка, порвется
Нездешней жизни волшебство...
Но в тело грешное вернется
Не то, что вышло из него.*

*Отныне в нем легко и строго
Огонь божественный горит.
Плывет туман. Пылит дорога.
Звезда с звездой говорит.*

Поэт с помощью художественно-изобразительных средств объяснил нам, почему для полноценного отдыха мы отправляемся именно на природу. В лесу, у озера, на берегу реки, под восходы и закаты солнца, под пенье птиц, вечером у костра – в такие минуты мы по-настоящему чувствуем душевный комфорт. И не противопоставляем себя природе, а ощущаем, что мы – всего лишь ее малая толика. А то ведь получается, что человек выделил себя из природы и объявил ее окружающей средой. Но все равно в глубине души зреет понимание того, что без природы человеку трудно оставаться самим собой. И, возвращаясь домой, мы «привозим» с собой уже несколько другое тело, потому что «отныне в нем легко и строго огонь божественный горит».

Хорошо

*Снегири мои, зяблики, вороны,
Туготравье и батюшка-лес,
Хорошо, когда каждому поровну
Достается земли и небес!*

*Хорошо мне от тихого дождика,
Хорошо, что у храмов и слез
Для святого отца и безбожника
Одинаковый сыплется снег.*

*Хорошо, что березы не бедствуют,
Не злословит речная вода,
Что душа моя с небом соседствует
И сливается с ним навсегда.*

*Хорошо, что с холодного пенышка
Можно с неба смотреть без помех,
Где мое заповедное солнышко
Поднимается сразу для всех.*

Очень удачно поэт раскрывает характер лирического героя, показывая его отношение к природе. А фразой «не злословит речная вода» поэт как бы бросает упрек людям: а вы злословите, ненавидите, злитесь, ревнуете...

Нередко у Михаила Анищенко тема природы «вплетается» в тему Родины. И это не удивительно, потому что «широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек...»

*Теперь все песни о любви!
И все слова без капли желчи!
Пускай ночные соловьи
Переворачивают ночи!*

*В моей душе одна любовь,
Одна, но вечная зарница!
Мне отдают сегодня кровь
Ромашки, бабочки и птицы.*

*Лягушки квакают в пруду,
У них сегодня мусикия.
Скажи, какую же беду
Не расхлебаеть ты, Россия?*

*Что люди? Господи, прости!
Они немного заплутали...
И им бы просто дорасти
До золотой душевной тали.*

*А им бы выйти из домов
И сосен шум услышать снова,
И колокольчики коров,
Где даль до неба василькова!*

*Вот то-то станет любота
Среди людей родных, как травы!
И светозарные уста
Припомнят дни российской славы.*

В этом стихотворении природная гармония контрастирует с противоречиями социальной жизни, общественных отношений. Поэт не случайно использует устаревшие слова «таль» (оттепель), любота (то, что нравится), уста (рот, губы). Говоря о сегодняшней России, он как бы оборачивается назад, – потому что без прошлого нет и настоящего. И напоминает нам, что в истории нашей страны было немало славных побед, которыми мы вправе гордиться.

У поэта много стихотворений о Родине. Но писать так о России, как говорит и разговаривает с ней он, может только Михаил Анищенко. Из стихотворения «Корешок»:

*Разгребет он землю, растревожит
И простой какой-то лопушок
Тянет, тянет – вытянуть не может
И порвать не может корешок.
Упадет он в травы. Как мессия –
Разведет руками облака
И прошепчет: «Матушка Россия!
Как же ты, родная, глубока!»*

А вот какой пейзаж рисует поэт в начале стихотворения «Озеро»:

*Лодку направлю по курсу зари,
Выну восторг из-под слуда.
Белое озеро с небом внутри,
Здравствуй, забытое чудо!
Вот и закончилось время беды,
Снова сквозь ивы и клены
Гладит измявшийся ситец воды
Солнца утюг раскаленный.*

И мы видим уже композиционную, обрамляющую роль пейзажа. Поэтическую, эстетическую роль пейзажа мы наблюдаем в стихотворении «Осень»:

*А рядом туманится Волга,
Печальна она и пуста...
И длится, но длится недолго
Паденье сухого листа.*

Пройдут годы, и эти строки будут наизусть учить школьники при подготовке к уроку. В стихотворении «Дорога» раскрытие внутреннего мира лирического героя происходит путем реакции его на внешний мир в определенном состоянии. Здесь просматривается пейзаж, контрастный настроению героя. Пейзаж служит для анализа психологического состояния лирического героя, подчеркивает и проявляет душевные переживания:

*И я пошел.
И путь мой долгий
Завлек,
Околдовал меня
Простором нив,
Величьем Волги,
Хоть все трудней день ото дня.*

В стихотворении «Приговор», которое было написано незадолго до смерти, Михаил Анищенко оставил свои восторженные пожелания родной природе:

*Мир вам, рощи да излуки,
Шелест, шепот... Камыши...
Навсегда. До смертной муки.
До бессмертия души!*

Как хорошо, что жил на этой земле поэт Михаил Всеволодович Анищенко и писал такие проникновенные, а порой и по-есенински пронзительные стихи!

4

Я УБИТ ПРИ ПОПЫТКЕ К БЕГСТВУ...

У любого выдающегося русского поэта тема Родины занимает особое место в его творчестве. И это не случайно. Классики стали выше на голову

собратьев по перу именно потому, что, кроме своего неповторимого литературного таланта, были и душой, и телом вместе со своим народом при любых обстоятельствах: разделяли с ним и радость военных и трудовых побед, и горечь поражений. И в этом Михаил Всеволодович Анищенко не является исключением. Чем больше лет проходит после его кончины, тем глубже и отчетливее мы понимаем значение его поэзии и в нашей жизни, и в русской литературе. Кто войдет в школьные хрестоматии когда будут изучать русскую поэзию начала 21 века? Ну не Переверзев же, не Бояринов, не Губайловский... И уж никак не Дмитрий Быков и не Вера Полозкова. (Хотя эти имена постоянно мелькают перед нашими глазами как надоедливая бестолковая реклама).

Несмотря на все тяготы и лишения, которые преподнесла ему судьба, Михаил Анищенко не жалел, что родился русским человеком. Об этом его стихотворение «Родиться русским»:

*Свою судьбу, рассыпав снегом,
Шепчу над Родиной святой:
«Родиться русским человеком!
Какое счастье! Боже мой!»
Родиться русским. Петь и драться.
Писать стихи, брести домой
В худой одежде голодранца...
Какой счастье, Боже мой!
Родиться русским! Парус ладить,
Сжимать в руках цветы и плетть,
Все полюбить и все утратить,
И ни о чем не пожалеть!*

Такое стихотворение мог написать только истинно русский человек, с детства полюбивший свою Родину и никогда не изменявший ей.

Фразу «все полюбить» поэт не расшифровывает, надеясь, что его будут читать те, кто знает, в чем заключается «загадочная русская душа». Здесь существует как бы «обратная невидимая сторона» стихотворения, в которой заключены все смыслы, начиная от героической истории России и кончая понятием «русский характер».

И вот грянул 1991 год. В школе жизни главные уроки мы получаем во время перемен. Что такое 90-е годы в нашей стране, разъяснять не нужно. Все мы испытали это на собственной шкуре. А если испытал на собственной шкуре, это уже не шкура, а наглядное пособие. Испытал на собственной шкуре «преlestи рыночной экономики» и Михаил Анищенко. Он переехал из Самары в село Шелехметь и жил там в стареньком домишке.

Помню, в 90-е годы в одной компании зашел разговор о событиях в стране, о Родине. И некая дама, приятная не во всех отношениях, спросила меня: «А какая у вас зарплата?» Я ответил. А она говорит: «Конечно, за такую зарплату можно Родину любить».

Михаил Анищенко жил в Шелехмети, нигде не работая и не получая зарплаты, но его любовь к своей Родине от этого не стала убывать. Он мог бы, конечно, открыть лавочку, чем-нибудь торговать и материально жить гораздо лучше. Но тогда бы он был мелким буржуа, а не выдающимся русским поэтом.

Всматриваясь в окружающих его людей, Михаил Анищенко видел, что бурно меняющаяся страна изменяет и людей: больше стало агрессии, злобы и других негативных проявлений в жизни. Все это нашло отражение в стихотворении «Наперекор». Вот лишь часть этого произведения:

*Куда ни взглянешь – всюду топь.
Шагнешь на мост – а он сгорает.
Как будто это речка Злобь
По всей России протекает.
...Дорога – сон, а даль пуста,
Страданье русское – бессрочно.
Но Русь, как Дева у Креста,
Во мне чиста и непорочна.
Пускай проходят времена,
Меняя лица и одежды...
Но только Родина одна
Вернее славы и надежды.*

Невозможно даже представить, чтобы автор таких пронзительных строк собрал чемодан и уехал на постоянное жительство в Европу или Америку, как это сделали многие «инженеры человеческих душ».

Михаил Анищенко заметил, что чем дальше страна идет к «светлому капиталистическому будущему», тем больше он и сам меняется, и не в лучшую сторону: «Подменили мне Русь, подменили мне Бога, подменили мне мать и меня самого». Это отчетливо видно, если прочитать и часть его стихотворения «Опять мороз идет по коже»:

*Страна березового ситца
Еще как будто бы жива...
Но на престол уже садится
Иван, не помнящий родства.
И я, грядущему не веря,
Вдали от мира и людей,
В своей душе лелею зверя
И убиваю лебедей.*

Но поэта не устраивает такое состояние души. И чуть позже он пишет стихотворение «Мне прилечь бы»:

*Мне прилечь бы, пасмурная родина,
Под кустом растаять как сугроб...
Чтобы снова белая смородина
Красной кровью капала на лоб.
Чтоб забыть всю злость и наущения,*

*Жажду мести, ставшую виной;
Чтобы белый ангел всепрощения,
Словно дождик плакал надо мной.
Чтоб платить и ныне, и сторицею
За судьбу, сиявшую в глуши;
Чтобы гусиплыли вереницею
В небеса распахнутой души.*

Дальнейшие события в России продолжали терзать поэта. Из стихотворения «Отчаяние»:

*Тянет гниющей травой из лога,
Дождик косой, как сапожник, идет.
Родина горькая, словно изжога,
Мучит ночами и спать не дает.*

Часто приходится читать статьи о современных поэтах, но стихи, которые приводятся в этих статьях, не подтверждают восторженных отзывов о талантливости того или иного литератора. К стихотворениям Михаила Анищенко можно не давать развернутых комментариев. Читатели и сами поймут идею и художественную ценность произведения. Здесь каждая строка радует нам душу или обжигает ее, заставляет читать следующие стихотворения и не останавливаться. Уникальный поэт!

Проходили десятилетия, но для основной массы населения в России мало что менялось. Не изменялась к лучшему и жизнь поэтов, даже выдающихся. О своей жизни в этот период Михаил Анищенко пишет во многих стихотворениях. Вот, например, отрывок из стихотворения «Вот и ты живи...»:

*Не сдавайся, брат, не кисни,
Не стреляйся на плацу.
Я и сам бежал по жизни,
Словно слезы по лицу.
Я и сам плутал в тумане,
По вокзалам стыл и дрог;
И меня твои дворяне
Не пускали на порог.*

А вот отрывок из стихотворения «Круги», где звучит эта же тема:

*Двадцать лет темнота над родимой землей,
Я, как дым из трубы, еще пробую высь...
Но кремнистый мой путь затянулся петлей,
И звезда со звездой навек разошлись.
Истоцилось в писаньях духовное брашно,
Я устал и остыл. Я лежу на печи.
Умирать на земле мне почти и не страшно,
Но весь ужас скрывается в этом «почти»...*

Случайно ли поэт употребляет устаревшее слово «брашно» (у Даля: пища, кушанье)? Видимо, не случайно.

Нередко стихи о Родине у Михаила Анищенко выглядят как просьба; он просит Россию. О чем? Печитаем:

*Россия, Русь! В тоске величья,
К кругу неверия и лжи,
Меняй одежды и обличья,
Но дух нетронутым держи!
Среди земных и горних множеств,
Объятых тьмою и огнем,
Ты велика, как безнадежность,
Что в сердце вызрела моем.
Пройдут наркоз и летаргия,
Взойдут из пепла зелена...
Храни, храни свой дух Россия,
Хотя бы в сердце у меня!*

Нередко Михаил Анищенко выбирает соответствующую интонацию и разговаривает с Россией как с близким человеком (из стихотворения «Родине»):

*Мне теперь что назад, что вперед,
Спотыкаться, скользить и кружиться...
Но на веру твою, как на лед,
Я уже не могу положиться.
Оглянусь – ты стоишь у плетня,
Ожидая, что все-таки струшу...
И жалеешь, и любишь меня,
Как свою уходящую душу.*

В каждом стихотворении Михаила Анищенко вызывают восхищение его художественно-образительные средства. Хочется остановиться на них, разложить «по полочкам», лишней раз процитировать, чтобы полнее отобразить высочайшую степень таланта поэта. Но не буду этого делать: это отдельный большой разговор. Кроме того, цель этой статьи другая: еще раз привлечь внимание к поэзии Михаила Анищенко и расширить аудиторию читателей; чтобы она была не меньше, чем у Сергея Есенина или Владимира Высоцкого.

Поэт не только пишет о сегодняшнем дне и всматривается в будущее своей Родины, он оглядывается и на прошлое. А советское прошлое нередко вызывает у него светлые чувства. В этом плане интересно его стихотворение «Барабанщик»:

*Царизм, инквизиция, пряник и кнут,
Все горше в России и горше...
Но все, что сегодня нещадно клянут,
Люблю я все больше и больше.
Никто не сочтет безымянных утрат...
Но помня о русской Победе,
В последнем трамвае последний парад
По улице Сталина едет.
На грязной подножке стоит идиот,
Сияя зубами и славой;
А следом за ним барабанщик идет,
Убитый потом Окуджавой.*

Кого-то настораживает строка «На грязной подножке стоит идиот». Кто он такой – этот «идиот»? Мне представляется, что поэт вложил в этот образ понятие «сверхпорядочный человек». Да, тот самый образ, который создал Ф.М. Достоевский в своем романе «Идиот». И это утверждение косвенно подтверждается тем, что Михаил Анищенко часто берет на вооружение в своей поэзии («Шинель», «Барыня» и др.) образы из нашей литературной классики. Кроме того, он всегда точен в использовании значения слов. И, наконец, в пользу такого прочтения говорят последние две строчки стихотворения: барабанщик – глашатай Победы. Но пройдет время, и его «убьет» Окуджава, который уже не поет «и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной».

У Михаила Анищенко были сложные отношения со своей Родиной. Однако, даже думая о своей собственной смерти, он не может не думать о России:

*Опускай меня в землю, товарищ,
Заноси над бессмертием лом.
Словно искорка русских пожариц,
Я лечу над сгоревшим селом.
Вот и кончились думы о хлебе,
О добре и немереном зле...
Дым отечества сладок на небе,
Но дышать не дает на земле.*

Удивительно, что в Самаре среди богатых людей не нашлось ни одного, кто на свои деньги издавал бы книги Михаила Анищенко. А впрочем, чему удивляться. Современные господа и бизнес-леди смотрели на Михаила Анищенко как на «ватника», «нищоброда». Это уже другая Россия. И у представителей этой России совсем другие ценности: Канары, Испания, мерседесы, изысканная еда в лучших ресторанах... В крайнем случае – «шедевры» Донцовой или Пелевина.

Михаил Анищенко так и не принял новую Россию с ее «рыночными отношениями». За несколько дней до своей смерти он написал:

Полыхнуло огнем по детству, полетел с головы картуз.

Я убит при попытке к бегству... Из России – в Советский Союз.

Поэзия Михаила Анищенко делает свои первые шаги по России. И нет сомнения в том, что с каждым годом эти шаги будут звучать все громче и отчетливее.

5

РАЗБИТ МОЙ МИР, РАСТОПТАН И ПОДАВЛЕН...

Эпиграфом к этой статье можно было бы поставить короткое стихотворение Михаила Анищенко:

*Разбит мой мир, растоптан и подавлен
И, в ожиданье божьего суда,*

*Я, как свеча, над родиной поставлен.
Чтобы сгореть от вечного стыда.*

У поэта много стихотворений, которые по меркам литературоведов относятся к разряду гражданской лирики. И каждое из них не может оставить равнодушным читателя.

Вина

*Над храмом менялись закаты,
И слышалось ночью и днем:
«О Господи! Мы виноваты!
Мы все виноваты во всем!»
Неслышно душа погибала.
Вина молотила людей:
Сначала к земле пригибала,
Потом превращала в червей.
«Покайтесь!» – лукавый мессия
Крестил механический лоб.
Мы падали ниц. И Россия
Ложилась живою во гроб.
Я проклял и храм, и Отчизну,
И понял в дырявой избе:
Вина – есть предательство жизни,
Еще непонятной тебе.
Я вижу иную дорогу,
Где помнит мое естество:
Вина – есть пощечина Богу,
За все, что пришло от него.
В стране и учениях – ложно.
Темно за поповским плечом.
Божественно все, что безбожно,
Никто не виновен ни в чем!*

Нас уже много лет призывают покаяться. В том, что совершили Великую Октябрьскую социалистическую революцию, на знамени которой было написано «Заводы и фабрики – рабочим, землю – крестьянам, мир – народам!» В том, что в сжатые сроки провели индустриализацию – и тем самым укрепили обороноспособность страны и спасли ее от нашествия европейских варваров. В том, что открыли тысячи вузов, техникумов и ПТУ для детей рабочих и крестьян. В том, что победили немецкий фашизм, который англичане с французами не смогли одолеть. В том, что первыми вырвались в космос. Виноваты и в том, что вырастили Игоря Курчатова и Жореса Алферова, Георгия Жукова и Константина Рокоссовского, Сергея Бондарчука и Эльдара Рязанова, Михаила Шолохова и Александра Твардовского... Да всего тут не перечислишь, за что нам надо каяться.

Михаил Анищенко – поэт-гражданин. Он всегда чувствовал свою ответственность перед обществом, – что и отразилось в его творчестве. Переживания за все происходящее были в его жизни самыми удручающими и горькими до физической боли в сердце.

Шпалы

*Здесь зреют посевы невиданной злости,
Над партами всходит великий бурьян.
Мои одноклассники – кожа да кости,
Мы дети рабочих и дети крестьян.
Враждебные вихри кружатся над нами,
В деревне разруха, в полях недород;
И наши вожди, обнимаясь с попами,
Во тьму крепостничества гонят народ.
Я эту судьбу никогда не приемлю.
Не помня себя и не зная вины,
Родители наши ложатся на землю,
Как черные шпалы под рельсы страны.
И если убрать круговые завесы,
То можно увидеть сквозь слезы и пот,
Как мчатся по ним золотые экспрессы,
Везущие в рай православных господ.*

Поэт подчеркивает, что люди, имеющие власть и богатство, думают только о себе. Они предатели своего народа. Заметим, что достоинство стихотворения в психологически точном изображении чувств и переживаний лирического героя. Плохое питание – и результат «кожа да кости», потому что они «дети рабочих и дети крестьян». И это не остается без последствий: «здесь зреют посевы невиданной злости». При чтении строки «Враждебные вихри кружатся над нами» сразу вспоминается революционная песня «Вихри враждебные веют над нами, темные силы нас злобно гнетут...».

Современная «тьма крепостничества» – это понятие довольно широкое: нет денег – сиди безвыездно по месту жительства, не могут родители заплатить за учебу – дорога в вуз тебе перекрыта, хочешь отдать детей научиться танцам – плати бешеные деньги, не хочешь в старости ходить беззубым – скопи миллион рублей ... и этот список можно продолжать и продолжать. Для чего же «родители наши ложатся на землю»? (Ученые подсчитали, что в результате экономического геноцида общие демографические потери России с 1991 по 2010 год составили около 32 миллионов человек.) Ответ на этот вопрос сформулирован в стихотворении четко и ясно: чтобы золотые экспрессы развозили православных господ по всему миру в райские уголки.

Злость «невиданная», бурьян «великий», завесы «круговые», экспрессы «золотые» – эти яркие эпитеты усиливают эмоциональность при чтении стихотворения. А метафора «родители наши ложатся на землю» и сравнение «как черные шпалы под рельсы страны» подчеркивают весь трагизм свершившегося.

Поэт уверен: до тех пор, пока актуальна тема страдания народа, художник не вправе ее забывать. В этом отношении поэзия Михаила Анищенко и Н.А. Некрасова – «родственные души».

День Победы

*День Победы. Смертная тоска.
 Как вагон, Россию отцепили.
 Подменили даты и войска,
 И героев павших подменили.
 Мир спасен. Америке – виват!
 Для России – водка и корыто.
 Что ты плачешь, маленький солдат,
 За проклятым Одером зарытый?
 Возрождайся, память, без обид
 Под сияньем воинского флага!
 Что Париж, Варшава и Мадрид,
 Что весь мир без взятия Рейхстага?
 Русский дом измазали смолой,
 Оплели лукавыми словами.
 Встань, солдат, над пеплом и золой,
 Посмотри в утраченное нами.
 Там, вдали, где праведники лбом
 Бьются в пол святого каземата,
 Спит Земля в сиянье голубом
 Под пилоткой русского солдата.*

Драматизм содержания первой строфы определяет всю последующую тональность стихотворения.

Есть такая профессия: бороться с Правдой. «Историки-демократы» сегодня вбивают в головы молодежи мысль, что героями Великой Отечественной войны были вовсе не такие, как Александр Матросов или Зоя Космодемьянская, а такие типы, как генерал Власов, который, якобы, «боролся с тиранией Сталина». И, к сожалению, кто-то, в том числе и среди взрослых людей, уже «клюнул» на эту «наживку».

Рассказывая о создании стихотворения «Я убит подо Ржевом», А.Т. Твардовский отмечал: «...неизбывное ощущение как бы себя в них, а их в себе, – так приблизительно можно определить эту мысль и чувство». То же самое мы видим и в этом стихотворении. Поэт обращается к «маленькому солдату» как к живому. Этот солдат «за проклятым Одером зарытый», лучшего эпитета «проклятый» к слову «Одер» и придумать невозможно. «Мир спасен. Америке – виват!» Михаил Анищенко совершенно верно заметил, как беснуются некоторые политики и лжеисторики, переписывая историю типографской краской; ту историю, которая писалась кровью наших дедов, отцов и матерей.

«Для России – водка и корыто», «Русский дом измазали смолой», – в этих строках и щемящая любовь поэта к России, и мучительные переживания за ее судьбу, и упреки в ее адрес. Обратим внимание еще на одну особенность лирики Михаила Анищенко: он хорошо знает историю своей страны, обычаи и нравы и часто использует это. Раньше по деревенскому обычаю дегтем или смолой мазали ворота того дома, в котором живет девушка, не отличающаяся нравственным поведением. Бывали случаи,

когда таким образом пытались оклеветать человека. Вот и сегодня измазавшие «ворота» России живут в надежде, что в нашей стране найдутся те, кто тоже будет презирать и оскорблять ее.

Михаил Анищенко с горечью предлагает павшему солдату посмотреть на «утраченное нами», – тем самым бросая упрек и всему нашему поколению. К счастью, наш президент «услышал» призыв поэта, что надо возрождать память «под сияньем воинского флага» – отсюда и Крым, и Сирия. И как бы подводя черту, поэт констатирует, что «спит земля в сиянье голубом» именно «под пилоткой русского солдата», а не под пилоткой английского, американского или, уж тем более, французского солдата.

Есенину

*Пора в последнюю дорогу.
 Пришла повестка – не порвешь.
 И мы уходим понемногу
 Туда, где ты теперь живешь.
 Глаза прищурены до рези...
 Во тьме, за линией судьбы,
 Мы тоже жили в «Марсельезе»
 И Русь вздымали на дыбы.
 Мы тоже видели с пригорка
 Погосты, храмы и кресты.
 И золотой закат Нью-Йорка
 Мы ненавидели, как ты.
 Но снова сумрак над землею,
 Народец холоден и сер;
 И свято место под петлю
 Свободным держит Англетер.
 Давай, Сережа, громко свистнем
 И, в ожидании весны,
 В одной петле с тобой повиснем,
 Как герб утраченной страны.*

Интонация стихотворения такая, как и должна быть: в тексте звучит что-то личное, казалось бы, не для огласки. Но даже здесь, в этом личном послании, слышен голос поэта-гражданина. Да, уже сломленного обстоятельствами жизни, но ни на сантиметр не сошедшего с дороги Чести, Совести и Правды. Почему именно к Сергею Есенину обращается поэт, а не к А.С. Пушкину или другому классику? Видимо, потому, что Михаил Анищенко чувствовал свою «поэтическую» и житейскую близость именно с Сергеем Есениным. «Новый» Есенин верит, что он тоже останется в анналах русской литературы. В одном из стихотворений Михаил Анищенко пишет: «Ухожу... Но, словно Пушкин, весь я тоже не умру». Именно поэтому и готов вместе с Сергеем Есениным сунуть голову в петлю, чтобы все наглядно увидели, как выглядит «герб утраченной страны».

«Мы тоже жили... И Русь вздымали на дыбы». Этими строками поэт говорит от лица своего поколения, когда одни вздымали на дыбы Россию, а

ПАМЯТЬ

другие, и их было подавляющее большинство, безропотно молчали. В стихотворении мы наблюдаем предельную искренность и ясность мысли. Virtuозно созданные метафоры помогают не только глубже понять идейное содержание произведения, но и получить читателю эстетическое наслаждение. Каждая строфа поражает остротой восприятия мира поэтом. И метафоры, и удачно подобранные эпитеты усиливают чувство безысходности, тоски.

Самое ценное, что у нас есть – это смысл жизни. Не захотел Михаил Анищенко жить в «мире банановых господ» и вернулся в село Шелехметь, в

«нищету и грусть». Бедность не страшна тому, кто не стремится к богатству. Поэт понимал, что страдание приближает нас к истине.

И безвременье имеет своих героев. И один из них – выдающийся поэт Михаил Всеволодович Анищенко. У него была счастливая творческая жизнь. Но беда в другом: если у человека была счастливая жизнь, это еще не означает, что и сам он был счастлив. Поэт заслужил бессмертие души, потому что бессмертие души – это духовные ценности, которые живут после смерти их автора. Настоящие поэты как звезды: излучают свет и после смерти.

Валерий РУМЯНЦЕВ

ИЗ В И К И П Е Д И И:

Михаил Всеволодович АНИЩЕНКО-ШЕЛЕХМЕТСКИЙ (9 ноября 1950 – 24 ноября 2012). Советский и российский поэт, прозаик, журналист. Член Союза писателей России. Жил в Куйбышеве (ныне Самара). Работал фрезеровщиком, слесарем, сантехником, сторожем, помощником мэра, журналистом. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Был учеником Юрия Поликарповича Кузнецова. Лауреат Всесоюзной премии Николая Островского (1980), премии журнала «НС» (2000), премии «Серебряный стрелец», премии С. В. Михалкова, премии «Народный поэт». В Самаре каждый год осенью проходит Всероссийский молодежный литературный фестиваль имени поэта.

Ганна ШЕВЧЕНКО

Родилась в городе Енакиеве Донецкой области. Публиковалась в журналах «Арион», «Дружба народов», «Новая Юность», «Октябрь», «Сибирские огни», «Новый Журнал» и других изданиях, а также в сборниках и антологиях поэзии и короткой прозы. Рассказы входят в сборники ведущих издательств, включая «АСТ» и «Эксмо».

Финалист поэтической премии «Московский счет», лауреат международного драматургического конкурса «Свободный театр», лауреат премии Gabo Prize Winners (Великобритания) за переводные стихи и Международной премии имени Фазили Искандера за книгу стихов «Обитатель перекрестка», лауреат Международной литературной премии им. И.Ф. Анненского за повесть «Шахтерская Глубокая». Автор книг «Подъемные краны» (2009), «Домохозяйкин блюз» (2012), «Обитатель перекрестка» (2015), «Форточка, ветер» (2017), «Забойная история, или Шахтерская Глубокая» (2018), «Путь из Орхидеи на работу» (2020), «Что кричит женщина, когда летит в подвал?» (2020). Член Союза писателей Москвы и Русского ПЕН-центра.

АТМОСФЕРНО

* * *

Тепло. Не страшно. Атмосферно.
Затишно. Изморось приятна —
по тротуарам пешеходы
идут-бредут туда-обратно.
Сорвавшись с крыш, клубятся звезды,
текут машины, окна светят,
осуществляют перекрестки работу,
лучшую на свете;
а человек рукою машет,
так непосредственно и просто,
как будто он не полицейский,
а тренер личностного роста.
По тротуарам, словно лодки,
плывут скучающие пары.
текут машины —

хороводы
ведут стремительные фары.
Я посмотрю на это дело,
и расскажу потом супругу,
что на конечной остановке,
маршрутки бегают по кругу,
что там, на улице не страшно,
тепло,
а изморось приятна,
что проплывающие пары возможны,
но невероятны,
что сбросив скомканные листья,
деревья призрачность недели,
и хорошо, ч
то я не знаю,
какой сегодня день недели.

* * *

Оттрубив свою смену в цейтноте,
поворчав на холодное лето,
забываю блокнот на работе
и пишу на трамвайном билете.

Это вроде речного улова,
или вдруг уголенного пыла —
написала красивое слово
и в нагрудный карман положила.

Перед стиркой встряхнула сорочку —
вместо денег стихи по карманам.
Як помру, поховайте в рассрочку,
но об этом пока еще рано.

* * *

Мы брали снег и делали огонь,
но нам сказали, ждите, будет осень,
на пустыре, похожем на ладонь,
сегодня, возле виселицы, в восемь.

Мы так решили: встанем и пойдем,
посмотрим, для кого она желтела,
среди травы, исколотой дождем,
найдем ее измученное тело

и воскресим. Пусть радость чистоты
красивых женщин, что на распродаже
себе купили новые зонты,
но ими не воспользовались даже,

пусть эта радость капает с крыльца
на острова засушенных газонов,
на двери, на улыбку без лица,
на улицы повешенных сезонов.

* * *

Медлительно, как древняя пирога,
боками дымноватыми алея,
плывет рассвет. Окраина. Дорога.
Век двадцать первый. Эра Водолея.

Земля нетленна, густонаселенна,
над ней столбы застыли часовые,
внутри двора от тополя до клена
натянуты веревки бельевые.

Поэзия закончилась. Ни песню
не сочинишь, ни горестную оду.
Лишь изморось над крышами, хоть тресни,
да санкции на зимнюю погоду.

Мой дом выходит окнами на небо —
я на него смотреть предпочитаю,
но Бог давненько в наших сферах не был,
здесь Докинза архангелы читают.

Вот и лежу в миру материальном,
смотрю из незаправленной кровати,
на то, что оказалось идеальным:
косяк двери, розетку, выключатель.

* * *

Ягода ветра похожа на каплю —
сорванный плод у рябины в горсти.
Дворник поджег бесполезную паклю,
сажа над городом нервно летит.

Чайник ли, птица, носатая в профиль,
в форточку сквозь мимолетный дымок
смотрит, как я нарезаю картофель
и отбываю положенный срок,

как я сижу в обывательском кресле,
и рассуждаю: посудина, чиж?
Что за глаза мне приладили, если
птицу от чайника не отличишь.

Хочется плюнуть, зарваться, взбеситься,
топнуть ногою, окно распрямить.
Тихо свистит закипевшая птица,
ветки волнуются, пакля дымит.

* * *

Над районом каркнула отмычка —
это ночь крадется, как бандит,
что за неприятная привычка —
каждый вечер снова приходить.

Божий свет преступно убивает,
а к утру становится бела —
я-то знаю, ночи не бывает,
это тень на здание легла.

Пожалей ты нас, умалишенных,
тех, о ком печалится луна,
для кого в карманах заоконных
тьма на черный день припасена.

УБОРКА

Неподвижную стену
луч прожжет добела —
вытрешь попеременно
все свои зеркала,

словно делаешь запись
на скулах лица,
отраженья касаясь,
как вод озера.

Есть четыре картины,
а образа нет —
неподвижность гардины,
скрывающей свет,
вдруг наводит на думы
о свойстве фактур.

Продолжаешь без шума
свой утренний тур,
есть под ванной Vanish
и промывочный ерш —
проспать устанешь
и однажды уснешь.

* * *

Ореолом своим звенит,
источается светом лап —
это солнце ползет в зенит,
неуклюжее, словно краб.

Тонок каждый его сустав,
металлический панцирь бел —
мы ведь тоже войдем в состав
каталога небесных тел.

Оставляя дымящий шлейф,
как бессмысленный атрибут,
унесемся, преодолев
силу трения о судьбу.

* * *

Сколько одежду ни разнообразь,
тесные образы портят осанку —
то ли я в теле чужом родилась,
то ли надела себя наизнанку.

Солнечный дом, синева над бугром,
белые птицы кудахнут в неволе,
молнией света задерганный гром
перетекает из облака в поле.

Мимо две ели бегут на цепи,
словно щенки, оцетинили тени,
были они единицей в степи,
но раздвоились еще при рождении.

Пересекутся они у ручья,
ровная уравнивает кривую —
это последняя точка, где я
переоденусь в себя неживую.

* * *

Дерева раскачивал ветер,
дождило, шуршала листва,
что может быть лучше, чем эти
особенности естества.

Стучат полуночные оси,
заснуть бы сейчас под шумок,
но жизнь осмысления просит,
и кошкой трется у ног.

Вот с неба сбежавшие воды,
а это гардина с пятном,
на червы из старой колоды
похожа листва за окном.

И вот потому, потому я
брожу, как собака, в плаще,
смотрю на листву поцелуя,
на тополь, на мир вообще.

* * *

В своем физическом убранстве,
непогрешима и тверда,
вещь проявляется в пространстве
и замирает навсегда.

Рулем становится, сиреной,
решеткой темного окна,
параболической антенной,
что чуть над зданием видна.

И если складываешь вещи,
не разворачивай назад,
как говорил одной из женщин
учитель нежности, де Сад.

* * *

Погода ни на что не повлияла —
не рухнул дом, не смыло тополя;
верблюжий дождь похож на одеяло,
которым укрывается земля.

Недалеко от облачного слепка,
под солнцем, над заводами, внизу,
ворона, мимолетная прищепка,
промокший воздух держит на весу.

Водой богато место у карниза,
но быстро уменьшается моток —
двугорбый ливень, шелковый и сизый,
уже продет в игольный водосток.

* * *

Гибискус красный утомленно
стоит, склонившись к монитору,
над батареей раскаленной
сквозняк пошатывает шторы.

И кажется, что в этой нише,
в житейском, удаленном шуме,
когда-нибудь родится Ницше
и сообщит, что Бог не умер.

И восстановится из пыли
посуда с ручками из стали,
дуршлаг, салфетница, бутылки,
черпак и прочие детали.

* * *

Небо из пропилена, травы из ковролина,
солнце течет акрилом сквозь бледноватый смог,
но к каблукам все так же липнет живая глина,
и рисовал округу, кажется, сам Ван Гог.

Здесь, у подъездов справа,
вывеска «Бизнес-ланчи»,
там, на парковке слева, «опель» стоит, разбит,
вшить бы себе в петлицу сорванный одуванчик,
взять бы себе машину и не платить кредит.

Слава всем утонувшим в безднах,
на дне кварталов,
всем, получившим ордер, въехавшим в этот мрак,
воздух ножом разрезан, чтобы на всех хватало —
здесь зародилось время с меткою «Доширак».

Солнце уходит в космос. Спи, мой район убогий
менеджеров, кассиров, клинеров, поваров;
боги вращают Землю с помощью технологий,
вертятся шестеренки пластиковых дворов.

* * *

Главной улице в пору
новогодний размах —
и гирлянды на шторах,
и огни на домах.

Праздник куплен в рассрочку,
но теперь посмотри,
как бредет оболочка
без подсветки внутри.

Прохождение ступенек,
продолжение житья —
посмотри, современник,
это, может быть, я

или ты. Нереально
в темноте различить,
кто сейчас из кармана
извлекает ключи.

* * *

Ползет, рубинов и неровен,
туманов мантию влача,
как лепесток, как выплеск крови
из-под удара палача.
Многоэтажные детали,
навстречу окна оголив,
во всю длину горизонтали
смиряют солнечный прилив,
и бьются, словно волноломы
в проем заоблачный, косой,
в травы изящные наклоны,
овеществленные росой.
Пион. Сочающаяся язва.
Неон. Нечаянность. Не сон.
Он кем-то был рассветом назван
и поутру произнесен.

* * *

У машин золотые глаза
и четыре железных крыла —
я сегодня хочу рассказать,
как по городу зимнему шла.

Я ступала, и огненный след
дорастал до плеча моего,
мне казалось, что города нет
и что я сочинила его.

Я взлетала и видела дом,
этажи и последний пролет,
но под ноги ложились потом
мокрый снег и подтаявший лед.

Обгоняли меня ходоки,
выдувая бесформенный пар,
перламутром цвели огоньки
в сердцевинах несущихся фар.

И слышался в синей тиши
звук, похожий на шелест весла, —
это мать, опасаясь машин,
по дороге коляску везла.

* * *

Слоняясь по жизни, по тесным квартирам,
таская грешки в багаже,
себя как предмет наблюдений за миром
рассматривать скучно уже.

А дождь интересно рассматривать. Выйдешь,
бывает, и смотришь на дождь,
туда, где водою содеянный кипеш
не выстелешь, не зачерпнешь.

Забиться бы напрочь, предаться бы лени,
все листики перелистать,
зарыться бы носом в охапку сирени
и розовым воздухом стать.

* * *

Ты говоришь мне: страхи,
я говорю: не те,
ночь — это личный опыт зрения в темноте,
выучка, дрессировка, внутренних сил обкат,
дело привычки, способ
двигаться наугад.

Ты говоришь мне: мама,
я говорю: посметь,
жизнь — это биопроба, важный эксперимент,
цех наш не очень дружен, холоден, грязноват,
вырастить сердце нужно, в ребра упаковать.

Ты говоришь мне: бомба,
я говорю: пустяк,
если не получилось, что-то пошло не так,
не отключай конвейер, перегрузи прибор,
прыгай, дурачься, смейся, ерничай, жми повтор.

* * *

Суетливые мамы на всех парусах
уплывают с детьми по домам,
я, железный солдат, оживаю в глазах
удивленных, взволнованных мам.

Я сама себе сын. Я сама себе спесь.
Я сама себе враг и стекло.
Время детских площадок закончилось здесь
и в песочницы перетекло.

Но цветущая груша безумствует так,
что за светом не видно ствола,
засыпающий город, как толстый гусак,
колыхает звезду у крыла.

Остаюсь равнодушной к его гадежу,
к пролетающим грушам в цвету,
как простой пианист на скамейке сижу
и руками ищу темноту.

* * *

Это муж мой, он тысячу лет
меня лямкой жалеет,
надевает железный браслет
и ведет к батарее,

это снова какой-нибудь он
восседает на муле,
он устал, он ведет легион
электрических стульев —

бородач, воскрешенный старик,
басурман горбоносый,
я жена твоя, вот мой парик,
оторви мои косы —

это сон о прохладе ручья
тишину обнажает,
потому что я ночью ничья —
ни своя, ни чужая.

* * *

У меня внутри поют сверчки,
и блуждает леший с бородой,
беленая хата у реки,
вербы над прохладною водою.

Через реку переброшен мост,
за рекою — ивовая чаща,
где волшебный, одинокий дрозд
исполняет гимн животворящий.

Что еще об этом рассказать?
Кукуруза зреет в огороде,
голосит соседская коза,
да перины сохнут на природе.

В переулке солнце пролилось
и детишки в лужицах играют,
дед Иван вколачивает гвоздь
в лестницу, приросшую к сараю.

Золотая внутренность моя,
космос, оплетенный виноградом —
без тебя я фантик, чешуя,
бабочка, разорванная «Градом».

* * *

Что такого глаза мои видели
в магазинах, витринах аптечных,
чтобы день замедлением выделить
из потока других, быстротечных?

Ничего.
От кипящего ужина

СТРОФЫ

к потолку потянулись туманы.
Боже, чем это счастье заслужено —
под Шопена тушить баклажаны?

Табуретка с распластанным томиком,
Снова несколько строк сочинилось.
На кухонных часах стрелки домиком.
Вот и все, что сегодня случилось.

* * *

Склеили из плоти и духа,
а потом ушли, обманули.
Если пуля свищет над ухом,
уклоняйся, детка, от пули.

Выглянешь на улицу — ветер
гонит на убой самолеты,
направляйся, детка, на север
к леммингам, песцям и койотам.

Угол наклонения оси
изменился. Тронулась суша.
А медведей, детка, не бойся,
человек страшнее и хуже.

Наши шкуры — верх дешевизны,
удаляйся, жми на педали,
этот мир опасен для жизни,
но другого не предлагали.

* * *

Отползает в сторону куда-то
день тягучий, словно пастила,
в огороде брошена лопата
и другие важные дела.

Завтра будет ветреней и суше,
а сейчас, в закатном серебре
медленно плывут святые груши,
нимбами красуясь при дворе.

Травы за сараями примяты
оттого, что встретили пчелу
дикие, ушастые котята
в мусоре, оставленном в углу.

И теперь не то, что подорожник,
чистотел лежит, как заводной

и идти, поэтому, несложно
к крану за поливочной водой.

Хорошо здесь. Солнце как пружина
стягивает свет за тополя
и встает над точкою зажима
мертвенная, лунная петля.

* * *

Сердцелистный, равнобокий,
весь в пушистой седине,
что ты, тополь серебристый, распоясался в окне,
колобродишь, наклоняясь, ветер лапами долбишь —
ты во мне переломаешь всю мечтательную тишь.

У твоих корней расселась стайка легких воробьих,
расскажи мне, расскажи мне что-то страшное о них.
Я услышу, испугаюсь, в одеяло завернусь,
и придет ко мне лягушка — перепончатая грусть;
одарит меня прохладой, изомнет мою кровать,
мы с ней будем обниматься
и друг друга целовать.

Я пока еще живая, мой стишок еще не спет —
если ты меня волнуешь, значит, скоро будет свет.
Тополь, ты такой красивый,
как перчатка на столбе,
я ль тобой не любовалась, не молилась о тебе?

Все. Меня не существует. Я распалась изнутри.
Сотвори меня из пуха, белый тополь, сотвори.

* * *

— Грабли с прохода убрать не забыли?
Все ли перенесено?
Что вы там делали?

— Жили да были,
мокли, ходили в кино.
Сорные заросли уничтожали,
камни бросали в мешок,
сеяли, веяли, редьку сажали.

Боже мой, как хорошо —
близится вечер, открыты ворота,
светится окнами дом.
Жизнь состоит из любви и работы
под непрерывным дождем.

Рашида СТИКЕЕВА

Родилась в 1964 году в г.Алма-Ата (Республика Казахстан). Начала заниматься прозой с 2010 года. Публикации в журналах «Книголюб», «Литературная Алма-Ата», «Нива», «Темир Жолы», «Автограф». Призер Международного Грушинского Интернет-конкурса 2015 в номинации «малая проза». Номинант литературного конкурса «Славянские традиции» (лонг-лист), жанр «малая проза» 2015 г. Номинант театрального конкурса «Новая драмы», шорт-лист 2015 г. Две электронные книги: сборник рассказов «Путешествие в обратно», повесть «Ключ».

ПОДРУГИ

Она все же опоздала. Приехала, когда пассажиры уже выходили густой толпой. Гуля вбежала в здание аэропорта и заметалась, зацепив глазом уныло стоящую в стороне полную женщину, по всей видимости, иностранку, в темно-сером плаще, с большим пестрым чемоданом и в громоздких дымчатых очках.

– Гуля! – очки взметнулись на макушку головы толстухи. – Боже мой, Бекетова!

– Юлька! – подруги бросились навстречу друг другу, обнялись, расцеловались.

– Ты давно ждешь? Прости! Вечно опаздываю.

– Узнаю подружку!

– А ты?! Где та спортивная девчонка? – Гуля оглядела Юльку с головы до ног.

– Где, где... рассталась с формой после первого же года эмиграции. Начала поправляться... все от нервов... рот не закрывался, все время ела, не переставая... – быстро-быстро заговорила Юля.

Гуля подхватила тяжелый чемодан и понеслась к выходу, на ходу оглядываясь на не умолкающую подругу.

– Семипалатинск стал теперь Семей? – гостя отчаянно крутила головой рассматривая

город за окном машины. – А изменился-то как! Не пойму, то ли постарел... или... наоборот помолодел?!

– Да, перемены большие! Больше постарел, потому что облысел. Парки и скверы вырубил. Был областным центром, стал – районным. Все фабрики закрыты, заводы как – то еще дымят. Не город, а большая барахолка. В остальном все – тоже раздолье для ветра с песком. Все как всегда, но скажу тебе откровенно, люблю свою провинцию!

Город мелькал серыми коробками новостроек и яркими зазывными вывесками торговых центров. Ничего яркого архитектурного. Город, как всегда, спокойный, скучный, с легким налетом тоски. Вот разве только новый красавец мост, перекинутый через обмелевший Иртыш. Юля отметила про себя, что и дороги стали лучше, шире и чище.

– Слушай, в сосновый бор выберемся?

– Съездим, он очень поредевший, но все же... там душа отдыхает! Если помнишь, зимой там лыжная база, сейчас можно просто гулять и собирать грибы. Обрати внимание, на нашу набережную – очень уютная и зеленая, – Гуля притормозила: – Вот там видишь яркую выв-

ску? Это для деток детский парк аттракционов и биологический центр – такой минизоопарк, правда, последнее время количество животных все меньше и меньше.

– Все равно, – Юлька заволновалась – здесь жить как-то... просто, без суетности... он для меня, так остался теплым уголком, несмотря на всю его серость.

– ...еще слушаешь утром... перезвон церковных колоколов и пение муэдзинов одновременно... теперь у нас так, – и обернулась к притихшей подружке.

Уже цвели тополя. Тополиный пух мягким войлоком стелился в тех местах, где они еще росли. Здесь эти деревья в основном были малорослые с редкими ветвями, но встречались и мощные, плечистые с густой лиственной кроной. Одно такое росло прямо возле Гулиного подъезда.

– Помню, помню... вот это дерево, помню! – воскликнула Юля, тяжело выбираясь из машины.

Юлю Бибикову Гуля помнила с четырнадцати лет. Жили в одном дворе. Каждый вечер Юлькин отец ставил свои синие «Жигули»-шестерку в гараж напротив окон Бекетовых. Говорили, что он – большая городская шишка, но она в это не очень верила. Он был молод, улыбчив и носил редкие в те времена молодежные джинсы.

Бекетовы-старшие выясняли отношения многими годами и в домашних скандалах мать солировала. Отца же Гуля жалела. Иной раз, ненавидя мать, становилась между ними, храбро защищая его, не вникая в суть очередной ссоры. Бабушка отмалчивалась, проявляя тем самым солидарность в сторону зятя.

Летними воскресными вечерами Гуля из своего окна наблюдала семью Бибиковых в полном сборе. Вечно довольную Юлю и ее отца – Виктора, неспешную, с прямой спиной и с высокой прической мать – Милу, старшего брата Андрея и неизменную собаку: крупную, породистую. Когда они счастливо-усталые вываливались из машины, после воскресной поездки на природу, с рыбой в дырчатых сетках или ведрами полными грибов-ягод. Рыбу и грибы тотчас раздавали во дворе всем желающим.

Позже Виктор приносил чищеную ягоду Гулиной бабушке, очаровывая ее, просил сварить варенье, настаивая непременно оставить баночку и себе. Бабушка таяла от одной его улыбки и жалела: его жена, красавица Мила, была полной неумехой.

Гуля смотрела в окно и очень хотела дружить с Юлей – только собак она страшно боялась.

После развода родителей с отцом почти не виделась. Мать активно налаживала личную жизнь, Гуля же ушла жить к Бибиковым. Нет, сначала они, конечно, крепко подружились. Потом бегали друг к другу ночевать и, наконец, после появления в семье отчима, старший Бибиков вручил ей ключ от дома, предварительно переговорив с Гулиной мамой.

Мать не возражала. Ее семейная жизнь только-только налаживалась, а тут подросшая дочь с трудным характером и со всеми возрастными показателями.

Так Гуля и жила: с понедельника по пятницу – дома, в пятницу вечером пересекала двор и появлялась в другой семье, к облегчению родных.

Квартира Бекетовых – две маленькие комнаты. В одной, той, что больше – мать с отчимом, в маленькой – внучка с бабушкой. Мать с отчимом ворковали день и ночь, бабушка – ворчала, дочь – мечтала бывать реже дома.

У Бибиковых – четыре комнаты. К моменту появления Гули с ключом на шее, чтобы, ни дай Бог, не потерять, Юлькин старший брат – Андрей – стал студентом архитектурного факультета столичного строительного института и появлялся в доме только на каникулах. Свободного места было навалом, хоть на велосипеде катайся или с собакой бегай наперегонки, что они, собственно, и делали. Кстати, с собакой Гуля тоже подружилась, но бояться не перестала.

Юля прошла в комнату, но вдруг что-то вспомнив, вернулась в прихожую и разулась, сама себе при этом улыбнулась:

– Ты посмотри, как все у вас изменилось?! Вот здесь стояло пианино, ты же вроде училась в музыкальной школе? Здесь... сейчас вспомню... стол письменный, и мы с тобой вдвоем умещались за ним. А в этом кресле сидела твоя бабушка и вязала. И вот еще... накрахмаленный тюль на окнах и кружевные накидки на подушках – это меня так восхищало! – прохаживаясь туда сюда по квартире вспоминала гостя.

– Да, все было, и все были. Только... сто лет назад, – ответила Гуля, накрывая стол для обеда. Юля при этом задумчиво прохаживалась по квартире.

– И запах... запах только ваш! У вас всегда пахло малиновым вареньем, печеной сдобой...

«Какая же она хорошая, – расчувствовалась Гуля, – а я... так редко с ней общаюсь, совсем забыла...»

– Ты знаешь, тогда мне наша квартира казалась такой большой! Просто огромной! Четыре комнаты! Помнишь, как бегали, скакали, как соседи стучали по батареям из-за шума? Сейчас я

живу в трехэтажном особняке, и мне кажется, что мы сидим друг у друга на головах.

– Конечно, у тебя три собаки, двое детей, муж...

– Наоборот: муж, трое сыновей и две собаки. Еще кот, очень дорогой породы. Правильней сказать – редкой, муж обожает его, и я прямо трясусь над ним!

И продолжила без остановки:

– Помнишь, как ты прикрыла меня, когда у меня над головой рассыпался абажур лампы. Это братец его накануне разбил и склеил обычным канцелярским клеем, дурак! А еще, как мы застряли возле озера, и ты побежала к дороге, пригнала грузовик и общими силами вытащили нашу машину. Ведь девчонка совсем была, не боялась с мужиками договариваться. Отец тебя тогда хвалил... м-да, столько лет прошло!

– Как братец-то твой поживает? – сели, наконец, за стол.

– Хорошо поживает! – Юля с удовольствием втягивала запахи и разглядывала еду на столе. – Толстый стал, женился на американке... ребенок... собака тоже. Я помню, как ты его любила, – при этом, не торопясь, с удовольствием наложила еды себе в тарелку и принялась, есть, тщательно пережевывая.

Гулю ожгло. Эти воспоминания принадлежали ей одной и никому больше. Несколько лет она обмирала от звука его голоса, от шагов, в глаза ему смотреть было страшно, а когда он не видел ее, то смотрела на него, не отрываясь, даже, кажется, и не дышала в эти мгновения.

Не догадывалась, что все вокруг уже все поняли и Мила в том числе. Пожалуй, только родная мать ничего не знала и не хотела знать. Она утонула в новом муже и дальше него головы не поворачивала. Ей с такой же страстью хотелось жить, любить, носить яркие кофточки...

Гуля принесла горячее блюдо.

– Ой, это же манты?! Опять запах...просто волшебство! Как я об этом мечтала в своей Америке! – воскликнула Юлька.

– Ну, ты ешь, ешь, я пока чайник поставлю... – обедать Гуле расхотелось. Она открыла кухонное окно и, подставив сквозняку лицо, закурила, стряхивая пепел прямо в подставленную ковшиком ладонь.

Страдания были нешуточные. Гуля круглолицая, высокая, с длинными ногами-руками была еще по-детски нескладна, но притягательна. Страсть ее высушила, убрала подростковую мягкость, лицо заострилось, под глазами легли трагические тени, подчеркнув тем самым яркость глаз, в которых и без того жгуче блестело отчаяние.

Чуть позже к роковому образу еще добавилась юбка – критическое мини: пятьдесят сан-

тиметров и не миллиметром больше, которая крутилась вокруг худосочных чресел, не зная преград. Жесткие густые волосы, укладывались в высокий хвост, плюс острые каблук и сумка с крупными аппликациями, собственного изготовления.

Ко всему этому сделала себе наколку на левом предплечье и перед сном, раздевшись в ванной, с удвоенным страданием разглядывала ярко-темную надпись «Андрей». Спустя пять лет пришлось сводить разными способами.

Наконец, он заметил ее. Застал в собственной комнате, когда она, встав на цыпочки с безопасного расстояния, почти у порога, пыталась рассмотреть его карандашные наброски, брошенные на столе. Она тогда уже ходила в художественную студию и серьезно занималась графическим рисунком. Ох, как она испугалась! От страха веснушки побледнели совсем, тонкая шея порозовела, и только бесстрашно сверкали глаза.

Разговор завязался сам собой: про краски, про цвета, про светотени. При следующей встрече они подробно рассматривали его работы, потом обменялись альбомами. Затем она передала ему книгу «Художественные галереи Мира», привезенную отчимом из Москвы ко дню рождения. Он, в свою очередь, показал новый художественный каталог авангардистов и далее, еще альбомы...

Вечером подруги созвонились с агентом по недвижимости, заранее предупрежденным Гулей, назначили встречу на следующий день у нотариуса. Адрес и телефон Юля тщательно записала к себе в записную книжку

– Ты знаешь, мне все равно за какую цену я продам мамину квартиру. Для меня ее смерть была страшным горем и до сих пор, хотя прошло столько лет...

Тут Юлька зашмыгала носом, достала салфетку и принялась тщательно вытирать слезы. Слезы набегали очень быстро. Гуля смотрела на нее с удивлением: так обильно она плакала в юности, также плачет и сейчас. Слезы капали частым дождиком, только успевай подтирать.

Тогда Юлины родители прибегали к разным действиям против ее слезливости. Так, например, одним из любимых была реплика отца:

– Мать, беги за туфелькой, будем Юлькины слезы собирать. Они у нее драгоценные...

Юлька, пошмыгав носом, быстро затихала и снова – улыбка во весь рот.

Вот и сейчас, поймав Гулин взгляд, быстренько утерлась, тихонечко высморкалась, вновь улыбка засияла на толстых губах и продолжилась:

– Я тебе так благодарна, что помогла с квартирой. Нашла хорошее агентство по недвижимости и квартирантов тоже. Так повезло! Удивительно! Это же надо... столько лет одна семья снимала. Спасибо тебе!

– Да ладно... что мы – чужие люди?!

– Знаешь, я ведь так за мамой ухаживала, берегла ее, но она, как сказали врачи, не хотела продолжать жить, медленно так... угасала и во сне умерла. – Юлька опять достала салфетку, но, поймав Гулин взгляд, спрятала в карман и виновато добавила: – Мы ее кремировали.

– Сколько лет прошло? Лет пять? – Гуля с трудом вспоминала тот ночной разговор по телефону: долгие слезы, всхлипы, причитания.

– Нет, что ты?! Бо-о-льше, а папа... и того namного... Он же тогда совсем молодым погиб, – Юлька мысленно пыталась подсчитать: – А твоим сколько?

– Маме с отчимом больше двадцати, а бабушка еще при тебе умерла.

– Да, помню перед самым моим отъездом... – подруги замолчали.

Сырым осенним вечером «москвич» с отчимом за рулем, матерью рядом и дачным урожаем в багажнике попал по колеса пьяного КамАЗа. Хоронить помогали соседи со всего двора. Гуля тогда была беременной. От ужаса вся окаменела, уговаривая себя думать только о ребенке. Сын родился в срок.

– Совершенно здоровый ребенок! – восхищалась участковый педиатр. – Сейчас таких детей нет, сама понимаешь, но ты молодец! Вот что значит, серьезно относиться к беременности!

Вечером пили чай на кухне. Юля брала ложечкой варенье, аккуратно клала в рот и, зажмурившись от удовольствия, рассасывала, потом запивала чаем:

– Тебе сын часто звонит из Петербурга? – оторвавшись, наконец, от варенья, поинтересовалась Юлька.

– Да, часто. Все зовет в гости. – Гуля внимательно разглядывала подружку. Теперь после дневной суеты и эмоций виделось то, что укрылось от первого и второго взгляда.

– Не смотри на меня так, знаю: старая и толстая, – смущалась Юля.

– Да вроде нормальная, – кисло поддержала Гуля, все же оглядывая растекшуюся Юлькину фигуру и лицо, все сплошь испещренное мелкими морщинками.

Она и в юности была не худенькая, только материнский строгий взгляд удерживал от лишнего куска, поднесенного ко рту. От прежней крепкой спортсменки остались только круглые голубенькие глазки-пуговицы, с частыми рыже-

ватыми ресницами, да короткая стрижка светлых волос.

– А ты нисколько не изменилась. Такая же длинноногая и юбки все те же – короткие и волосы также... Знаешь, если бы не мама... – опять завелась было Юлька. – Я бы эту эмиграцию не пережила. Муж, конечно, поддерживал, но мама...

– Послушай, ты первые семь лет жила с Дэвидом, даже детей не сразу завели, потом только забрала мать и брата, – перебила не совсем вежливо Гуля.

– Да, когда родила – это было мое условие для Дэвида. Он очень хотел детей. До ее приезда я не жила... существовала, – Юлька опять полезла за платком. – Да еще Андрей ей нервы помотал. Ты же в курсе? Он уезжать не хотел, идиот!

Гулю снова ожгло. Он действительно не хотел уезжать.

Бибиковы младшие были совсем разные. Схожего родства между братом и сестрой не наблюдалось даже при пристальном рассмотрении. Светлая, высокая и округлая Юлия во всем походила на отца и любила его всем своим мышинным существом. Даже регулярные занятия баскетболом – только чтобы доставить приятное отцу.

Милу она откровенно боялась, хотя та не имела привычки повышать голоса. Но голос всегда звучал твердо и иронично. Как-то, после телефонного разговора с матерью, Гуля расстроилась, и Мила в свойственной ей манере спросила:

– Что-то случилось? Ты забыла пойти домой?!

Иногда, конечно, мягко поругивала своих домашних, ворчала, иногда даже закатывала глаза. Повод для такого эмоционального всплеска давал старший сын, который позволял себе говорить с матерью зачастую в язвительном тоне. Что уж они там выясняли, никто толком понять не мог.

В отличие от бледной сестры, он был ярким брюнетом, хотя и невысокого роста. В противоположность ей имел низкий красивый голос и ярко выраженный темперамент, при всем при этом головокружительно обаятелен и умен.

После скоропостижной смерти отца, несчастный случай на охоте, Мила как-то сдала. Бдительность над сыном подрастеряла, интерес всей жизни теперь лежал на стороне дочери.

Это она, Мила, приняла решение об эмиграции. Для начала Юльку, по ее плану, надо было пристроить замуж.

В Гулином подъезде на третьем этаже вдруг вышла замуж некрасивая Анька Бочкарева. По-

ехала с туристической группой в Москву, там сложилась ситуация, где она заменила заболевшего англоговорящего гида, имея в активе диплом учителя английского языка педагогического института, и познакомилась с американцем. Как уж там завертелось неясно, все явно попало авантюрой, но домой она примчалась с предложением руки и сердца. Через полгода благополучно отчалила за кордон.

Гуля ее терпеть не могла, еле здоровалась. Анька – та еще пройдоха, промышляла мелкой проституцией, ради покупки импортных тряпок, за что, не раз, была бита матерью. Историю Анькиного счастливого замужества Гуля рассказала Бибиковым по случаю, добавив от себя, что не верит в эту романтическую историю.

Мила озадачилась, снизошла до разговора с Бочкаревской матерью, подробно обо всем расспросив, взяла адрес и в тот же вечер заставила дочь написать письмо свежее испеченной американке с упоминанием, что в свое время Бибикив-старший, прикрывал ее задницу от милиции – пришел час благодарности. Гуля тогда только плечами пожала, к чему это все?! Анька, шалава шалавой, но училась хорошо и институт аккуратно к девяносто первому году закончила, а у Юльки полтора образования: техникум и два курса художественно-графического института?!

Но мама Мила знала свое дело. Через три месяца пришло письмо от Анны Саммерс. Она писала, что добро помнит, сильно скучает по родине и приложит все усилия...

Гуля тогда временно перестала общаться с Бибиковыми. Но только с женщинами. С Андреем к этому времени отношения сложились удивительно теплыми, местами переходя на градус выше. Он вернулся домой. Занялся проектированием домов для нуворишей.

Они часто перезванивались, протянув телефон на длинном шнуре через всю квартиру, говорили сидя каждый в своем туалете, не найдя в доме места более укромного.

В этот же период Гуля начала писать стихи. Конечно, эти четверостишия трудно было отнести к серьезному стихосложению, но кое-кто находил их довольно благозвучными.

Они говорили обо всем на свете, так она больше ни с кем говорить не будет: искренне, весело и не раздумывая. Книги, фильмы, что увидел за окном, что рисуешь? А ты?

– Вот послушай, какая забавная рифма пришла в голову... это я придумала, пока набросок делала...

– Я вчера нашел интересный рисунок совершенно случайно...

И так часами. Когда сталкивались, в доме, на улице он делал шаг навстречу, весь светился,

стоял рядом, улыбался. Потом, правда, быстро исчезал.

Их первое свидание состоялось в лютой мороз. От холода и волнения руки и губы сводила судорога. Они забрели в подъезд незнакомого дома. Некоторое время молча стояли, оттаивая и согреваясь, разложив на старой ржавой батарее шапки и Гулины варежки. Входная дверь изредка хлопала, разводя парочку на мгновение в сторону.

Наконец губы нашлись, соединились. Руки после робкого плутания в одеждах обожгли тело и оттого, было так желанно, так сладко! Долгим-долгим был тот поцелуй в темном пахнущем кошками подъезде.

– Гуленька, – шептал Андрей.

– Ты знаешь как мое настоящее имя? – он помотал головой: – Нет!

– Мое полное имя Гульвета. Мать с отцом не могли договориться. Она хотела – Светой, а он – тогда была популярна песня о девушке по имени Гульнара. Вот и решили! Но, кажется, так и не договорились, разошлись в итоге. А я для всех осталась – Гуля.

Гуленька... многие годы ласкало душу, казалось, так ее мог звать только он.

Несколько коротких встреч полных страсти в такие же снежные вечера в темных подъездах, долгие телефонные разговоры. Наконец весной, Мила собралась в гости, на дачу к друзьям. Юля и собака сопровождали ее.

Они остались одни в квартире. Немного помолчали, сминая неловкость. Оба были напряженные и смущенные дневной близостью. После незначительного разговора он, наконец, стиснул ее обеими руками. Бесконечно долго и подробно перебирал губами ее шею, уши, плечи – не отпуская, не давая передохнуть, не позволяя расцепить объятия.

И вот – решился, смял, упали на диван, изнемогая от желания. И случился праздник! Все пропало до полного растворения, потеряв представление о действительности. Под натиском яростной любви диван, звякнув пружинами, не выдержал, они с хохотом скатились на пол. Продолжили все на полу, в разных вариациях, сгорая на костре чувств.

Под утро угомонились. Не спалось. Тихо болтали о всякой всячине, затем полуголые пили чай на кухне, смеясь по поводу и без. Вновь валялись на полу, целовались, хихикая, лениво возились под одеялом.

В то утро ей казалось, что удалось проникнуть в глубину его запечатанного нутра, понизить градус стоического противостояния чему-то или кому-то. Он казался таким искренним, таким нежным...

Последующие редкие стихийные встречи были особенно страстными. После таких сви-

даний Гуля плохо спала: металась, искала или наоборот пыталась скинуть объятия его рук. Непонятно, но почему-то он не переходил в открытые отношения, а последние полгода и вовсе случались некоторые замирения: Андрей просто исчезал из ее жизни. Гуля тогда жила возле телефона, ломая голову: что не так?

Миля делала вид, что ничего не знает. Оставалась любезной и приветливой. Теперь при редких Гулиных набегах в дом Бибиковых, всегда присутствовала при чаепитиях, принимала участие в разговорах, даже карты раскидывала на девчонок, был у нее и такой талант.

– Мы тоже живем в небольшом городе – Ла-Кросс, штат Висконсин. – Юлька говорила громко, быстро и с выражением, как будто давала отчет о проделанной работе.

– Я знаю, – напомнила Гуля, – ты лучше расскажи, как ты живешь? Как муж?

– Все хорошо! У меня все замечательно! – и опять эта глуповато-виноватая улыбка. – Муж у меня хороший, мальчишки замечательные, собаки добрые...

Форма никак не соответствовало содержанию – интонация была наигранная.

– Но больше всего я была счастлива при жизни мамы, – Юлька вновь вступила на опасный путь.

Тут Гулю обожгло еще раз.

– С братом мы не общаемся. С мамой они часто ссорились. Он ее в чем-то все время упрекал, отношения выясняли громко. Сейчас он живет в другом штате, звонит очень редко. Говорит, что у меня одна извилина и та материна. И что временами сильно на нее похожа. – Юля засмеялась, – А я этому рада!

Гуля вспомнила, как Юлька перед отъездом в Америку набивала чемодан книгами.

– Зачем ты все это берешь с собой?

– Это же книги! Мама сказала, надо взять, сколько смогу. – Дочь даже не обсуждала рекомендации матери.

– Кстати, ты те валенки ... довезла? – хихикнула Гуля.

– Да, но они негодились, мама так беспокоилась... штат-то северный. А ты бы не так сделала?

– Прежде всего, думала бы своей головой, – резко ответила она.

– И что твоя голова?! Ребенка одна растила. Мама говорила, ты с художником жила, а он вроде бросил тебя?

– Еще что говорила твоя мама? – закипая, процедила Гуля.

– Не сердись! Ну, чего ты? – виноватилась Юля.

Все отношения с Андреем закончились одним летним вечером.

Гуля в ту пору уже училась в институте, на художественно-графическом факультете и крепко дружила с ребятами-авангардистами из новой Арт-студии. Вечерами собирались дружной компанией, танцевали, обсуждали, выпивали и конечно, заводились романы. Там она и подцепила Вадика. Вадик был приезжий, из Омска.

Скуластый, с большими грустными глазами и ранней седой прядью в богатой гриве волос. Высокий и худой, он приходил ленивой раскачивающей походкой, садился в стороне, потягивал пиво и слушал разговоры. С девушками вел себя интеллигентно, что было большой редкостью в этом художественном шалмане.

В тот вечер вся компания изрядно напилась, отмечали чей-то день рождения. Гуля переживая очередную паузу с Андреем, тоже хлебнула лишнего. Вадик, оказавшийся рядом, вызвался проводить даму, дама не только не возражала, но даже не совсем понимала происходящее. Они благополучно добрели и потом долго поддружески сидели на скамейке перед Гулиным домом. Она, положив голову ему на плечо, мирно дремала, он, молча покуривая. На следующий день Андрей бросил трубку. Спустя три дня не подошел вовсе, и через неделю тоже.

Любовное облако развеялось. Так и не случилось: ни дождя, ни солнышка.

Гуля проплакала три дня, вздрагивая от каждого телефонного звонка, потом еще неделю просидела у окна, затем пришла злость и раздражение. И злилась она на весь белый свет, на себя больше всех. Выяснить отношения? Она не чувствовала себя виноватой. Но и залатать эту пустоту не получалось. От отчаяния закрутила с тем же Вадиком во всю мощь. После бурных двух месяцев близкого общения выяснилось, что она беременна.

Теперь они с Андреем не виделись и не искали друг друга – все это случилось уже после отъезда Юли. Разумеется, замуж она не пошла. К чести Вадима, он настаивал на женитьбе, но Гуля наотрез отказалась.

Вадим давно уехал в Омск, при этом всегда поддерживал с ней и с сыном связь, как казалось ей ненужную. Через несколько лет перебрался в Питер. Еще пять лет спустя забрал сына к себе, оплатив ему образование. Позже помог и с работой.

Все подробности жизни своего несостоявшегося мужа, отца своего ребенка, Гуля знала. По-доброму болтала с ним по телефону, а позже по скайпу, но на предложение приехать всегда отнекивалась и к себе не звала. Единственный раз сын упрекнул ее:

– Ну, что ты мам, не хочешь приехать?! Отец тебя до сих пор ждет.

В сорок лет она жила в родительской квартире, при любимой работе, с кучей друзей – знакомых и с чувством материнского выполненного долга, прежде всего, перед собой, казалось, все сложилось, но в постель давно ложилась одна. Глушила все мысли: а если бы, а может, не так надо было...

Точкой отсчета своей жизни считала тот летний пьяный вечер.

Так случилось, что в течение недели подруги мало говорили и мало виделись. Юля проводила время одна, у Гули случилось много работы. Но, встречаясь по вечерам за ужином, она больше слушала и чем больше слушала, тем глубже вникала в Юлькину жизнь.

С грустной улыбкой та поведала, что американская действительность обернулась тяжелой жизнью в маленьком домике на краю захолустного городка, северного штата. Дэвид, нет, не обманывал, когда объяснял, где и как он живет – это Юля плохо знала английский язык.

Несколько лет ушло на изучение языка и получение водительских прав. Передвигалась долгое время автобусом, беспросветное безденежье, считалась каждая копейка. Юля, не привыкшая к строгой экономии, не раз собирала чемодан, но звонок к маме отрезвлял и прибавлял уверенность в завтрашнем дне.

Наконец жизнь повернулась светлой стороной. Некая крупная корпорация выкупила близлежащие земли для строительства комбината. Территория, принадлежащая семье Дэвида, по плану уходила под застройку. Ему предложили подписать договор, но он уперся. Юля, которая к тому времени бегло читала и хорошо говорила по-английски, сходу все поняла, к тому же посоветовалась с мамой, на упрямство мужа устроила сцену с битьем посуды и хлопаньем дверей.

Дэвид все осознал и подписал необходимые документы. За землю они получили хорошие деньги, но из Ла-Кросса не уехали. Ничего не помогло. Дэвид в этот раз уперся всеми четырьмя точками, к тому же его приняли на работу в компанию, по специальности.

Купили большой дом в центре города, машину для Юли и вызвали ее родственников. Но привычка есть привычка. Дэвид все также требовал от жены кассовые чеки после посещения любого магазина. Дети не ходили в детский сад, чтобы нанять няню и речи не заводили, дом участок и собаки – также требовали рук и участия. Юлька не роптала, изредка плакала, опять же по привычке.

Глубоких чувств к мужу не испытывала. Все время тянуло к матери.

«Интересно, – думала Гуля глядя на Юлю, – а про других кандидатов в мужа она Милу спрашивала или так же мозгов не хватило. Ведь должна же понимать, что были и другие письма...»

Предпоследний вечер провели дома. Смотрели фотографии, говорили, вспоминали общих знакомых, наконец, Гуля решилась.

– Послушай, Юлька, про... про меня Андрей вспоминал? – она от волнения вся пошла красными пятнами.

– Про тебя? Зачем про тебя? Что про тебя? – Юля вытаращила глаза.

Гуля молчала.

– Но... но ведь он тебя... не хотел. Он же не хотел, это ты сама вешалась на него.

– Я?! Я вешалась?! – вскрикнула Гуля вспыхивая, но тут же с силой заглушила в себе этот порыв. Мрачно убрала фотокарточки в альбом. Чай допили молча и молча легли спать.

Впервые за долгие годы она плакала, беззвучно и безутешно, как в юности.

Последний день прошел в молчании. Наконец, за ужином помирились, вспомнив Аньку Бочкареву.

– Как она там живет, предприимчивая наша? – Гуля усмехнулась.

– Отлично! В третий раз замужем. Богатой дамочкой стала. С предыдущими мужьями разводилась, все отбирала. Теперь владеет компанией.

– Молодец! – восхитилась Гуля. – Вы дружите?

– Ты знаешь, как-то странно она себя повела при встрече уже в Америке. Мама же с ней как договаривалась, что она разместит мои данные на сайте знакомств и отберет более и менее приличных кандидатов... А мы тут решим, кому писать... Вроде так было?! Только при первой же встрече она почему то спросила: ты что – выбрать не могла лучше себе мужа? Выбрала, дескать, этого мухомора?! А я ей ответила: так он один письмо прислал с фотографией и приехал опять же. Выбирать-то не пришлось. Она как-то странно... обиделась что ли?! И с мамой они сразу не ладили почему-то. Один раз приезжала, звонила тоже немного... и все... пропала. Я ничего не поняла!

«Зато я поняла», – подумала Гуля, вздохнув. Немного помолчала, вся сгруппировалась, как перед прыжком с парашютом и выдала:

– А у тебя действительно был выбор, только ты его не получила.

– Как это?

– Было еще два письма. – Гуля помолчала, глядя в Юлькины выцветшие глаза. – После твоего отъезда я пришла помогать с уборкой, Мила попросила. Книжная полка обвалилась,

книги вывалились, а там два больших конверта. Я посмотрела на конверты, они из Соединенных Штатов Америки. Спросила Милу, что за конверты, она ответила, что дело прошлое. Дескать, женихи несостоявшиеся.... Один летчик. Он точно дочери не нужен: что ж она одна сидеть будет и ждать его сутками. А вот второй... – тут Гуля замедлила: говорить – не говорить, но все же продолжила: – мать твоя решила себе его оставить. Уж больно хорош! Со всех сторон: и внешне, фотокарточка была приложена, и при деньгах и старше тебя намного. Мать твоя сказала, что с тебя и Дэвида хватит... Только он ей не ответил. Видно стара она для него была, молодую жену хотел.

– Это все ложь! – глаза у подруги стали темными.

– Так же, как и то, что я не нужна была Андрею, так же, как и то, что я вешалась на него! – Гуля уже кричала, вскочив со стула. Кричала от души, тем самым облегчаясь: – Ты ведь ничего не знала! А слушала и верила своей матери.

– Замолчи! Не трогай маму! – теперь уже кричала Юлька, тоже соскочив и опрокинув свой стул.

– Ты не поняла? Ты ничего не поняла, она же жизнь тебе сломала и брату твоему!

– Не смей, слышишь, не смей про маму! – хлесткая пощечина отозвалась гулом в ушах. Гуля упала обратно на стул. Боли не почувствовала, ничего не чувствовала, только темную злость, от которой плыли яркие круги перед глазами и сухость во рту.

– Это неправда! – Юлька давилась брызжущими слезами. – Она... не могла так поступить.

Толстая Юля рыдала уже в голос, всхлипывая, запивая свою бездонную печаль остывшим чаем, утиралась то краем скатерти, то салфеткой, переводила дыхание, и снова заливалась слезами.

Она все вспомнила: как мать любезно встретила Дэвида здесь в Семипалатинске. Юля тогда разочарованно мычала при виде низкорослого улыбающегося во весь рот лысого американца: дескать, он ей никак не нравится, может, подождать еще писем, Анька ведь обещала. Но Мила твердым голосом убеждала, что это хороший вариант для замужества: добрый, веселый и взрослый, на тринадцать лет старше, значит, будет твердая мужская рука, и дочь, как всегда, уступила. Как первые месяцы брака не хотела и боялась ложиться с ним в постель. Как бесконечно плакала, плакала и плакала. После рождения детей совершенно обездушила к мужу и превратилась в безумную мамочку, любящую только своих сыновей.

Напротив сидела злая Гуля, держась за щеку и сверкая обиженными глазами.

Спустя некоторое время ярость улеглась, а с ней наступила полная опустошенность. Только щека саднила. Они сидели напротив друг друга, но обе смотрели в окно.

Ночью Гуля увезла гостью в аэропорт. Больше они не общались.

НЕМНОГО НЕ ЛЮБИТ

В суде оказался обеденный перерыв. Досадно, но был смысл подождать: до конца ее собственного обеденного перерыва оставалось минут сорок, и она еще успевала.

Ждать на ступеньках не хотелось, и Ляля Михайлова пошла в сторону сквера.

Начало октября, день был пасмурный, но не холодный. С утра сеял дождик, сейчас перестал. Мимо сквера проносились машины, обдавая прохожих жидкой грязью. В сквере почти никого не было. Палые мокрые листья лежали темным настилом под деревьями. И если идти близко к ним, казалось, будто вился от них легкий дымок – то ли запах прежней жизни, то ли первого тления.

Дождя не было, но ветки, веточки, сучки деревьев были унизаны множеством водяных капель, темно – серебристых на фоне пасмурного дня.

Переложив сложенный зонтик в ту же руку, где была сумочка, Ляля стала подводить пальцы под капельки и снимать их. В каждой крупной капле, как в микроскопическом зеркальце, отражались и Лялины темные узкие плечи в куртке, и коротко стриженная голова, и даже переплетение ветвей над ней, в светлом небе.

Она забылась на короткое время, охотясь за каплями покрупнее, принимая и принимая их то на ноготь, то на подушечку пальца. Ляля понимала, что ведет себя, как собственная десятилетняя дочь, но было отчего-то очень интересно.

Совсем рядом послышались шаги. Ляля испуганно оглянулась. Проходивший мимо человек не видел ни забавы Ляли, ни ее самой – он был из тех, кто замечает на улице только крупные машины или машины ГАИ.

В форменном синем костюме, работника юстиции, по фигуре крупный, со слегка выпи-

рающим вперед животом. Он шел уверенно, не торопясь, на ходу ковыряя в зубах, сыто и рассеянно глядя перед собой. Ляля проводила его тревожным взглядом...

Следом за ним пробежала молодая женщина, на ходу строго, но торопливо объясняя что-то по телефону. Поравнявшись с мужчиной, она поприветствовала его и умчалась далеко вперед, не отрывая от уха трубки.

Ляля, стараясь не оглядываться, пошла дальше по аллее. Ее вдруг охватило беспокойство. На ходу проверила телефон, ткнув пальцем в нужную кнопку, но экран был пуст: ни звонков, ни сообщений.

Дошла до центра сквера, немного постояла, подумала. Расстегнула верхнюю кнопку куртки и, нащупав под блузкой маленький нательный крестик, на миг замерла, затем развернулась и направилась обратно к зданию суда.

Наконец, обед закончился, и всех запустили внутрь.

Ляля нашла нужный кабинет, постучала и несмело открыла дверь.

– Можно?

В кабинете сидела та самая молодая женщина с озабоченным лицом, только без телефона. Вокруг нее громоздились горы папок. Она то смотрела в очередную папку, то поднимала взгляд к экрану компьютера.

– Заходите! – не то пригласила, не то приказала она, не отрываясь от папок. По-прежнему не глядя на Лялю, продолжила:

– Я вас слушаю.

Ляля подумала, что надо было подготовиться к разговору, потому что кроме слез ничего существенного представить дежурному адвокату она не могла.

Она вздохнула, напряглась, испугалась и... затихла. Так они посидели чуть-чуть. Адвокат занималась своими бумагами и, казалось, совсем забыла про посетительницу, а Ляля мучительно собиралась с силами и словами.

Было слышно, как в коридоре шла своя неторопливая жизнь: раздавались голоса, шарканье ног, хлопанье дверей, звон телефонов. За окном жизнь бурлила звуками машин, шорохом дождя и шумом деревьев.

Здесь же было напряженно тихо. Пахло некрепкими духами неясного аромата. Наконец, адвокатесса встрепенулась и, снова не глядя на Лялю, спросила все тем же бесцветным голосом:

– Вы готовы? Я слушаю вас.

Ляля выпрямилась, громко щелкнула замком сумочки, сжала левой рукой сложенный зонтик и объявила:

– Я хочу развестись с мужем.

– Причина? – не дав опомниться, спросила адвокат.

Ляля растерялась. Было видно, что все это дается ей с большим трудом, что силы ее сейчас подведут, и она расплачется, к тому же дверь вот-вот откроется, и заглянет следующий посетитель.

– Видите ли... мой муж... он... меня не любит...немного... – она обреченно замолчала.

– Понятно, – кивнула адвокат. – Пьет?

– Нет, что вы! – испугалась Ляля. – По праздникам – да... немного.

– Бьет? – не меняя интонации, продолжила адвокат.

– Да что вы?! – от возмущения у Ляли округлились глаза. Представив мужа со сжатыми кулаками, в смешных полосатых домашних штанах и стоптанных тапках, невольно улыбнулась.

– Тогда что? К ребенку плохо относится?

– Да вы что? С ума сошли?! Он обожает дочь! – тут Ляля вспомнила про утренние слезы и полезла за салфеткой. – Я же говорю... он меня... не любит.

Она вдруг заметила, что прямо над головой дежурного адвоката, на полке, сидели в горшках очаровательные фиалки. Ее любимых сортов – Розмари и Огненные мотыльки, правда, поникшие. Удивилась самой себе, что не сразу заметила цветы и, чуть полюбовавшись, отметила, что стоят они в неправильном месте, надо бы на подоконнике, где больше тепла и света.

Женщина напротив, тяжело вздохнув, отложила очередную серую папку с белыми шнурами, подняла голову и с интересом уставилась на Лялю.

Вблизи лицо ее оказалось довольно бесцветным, но глаза были цепкими. Несколько секунд Ляля честно смотрела в них, умирая от неловкости.

– Не любит, говорит?

– Немного...

– Немного. Это как раз о многом говорит. Вот вам бумага, излагайте письменно.

На ее лицо легла тень бесконечной усталости, даже безысходности, как будто говорила с тупым, как стена, человеком.

Ляля поерзала на стуле.

– Хотите, возьмите с собой? Дома спокойно все напишете.

– Нет, я здесь... В коридоре напишу.

Ляля вышла в коридор, встав к окну лицом, всплакнула, затем, неудобно пристроившись у подоконника, начала писать заявление.

Что излагать, она не имела ни малейшего представления, но, взяв себя в руки, написала исключительно официально: «...по причине несхожести характеров» и так далее, изо всех сил

стараясь как можно четче формулировать. Пока дописала, совсем измучилась.

– Вот, возьмите! – она вновь зашла в знакомый кабинет и протянула листок бумаги.

Пока чиновница читала заявление, Ляля стояла, переминаясь с ноги на ногу, но сесть без приглашения не решилась.

– Хорошо, вот здесь и здесь распишитесь. Все, теперь ждите извещения на заседание суда, – адвокатесса закрыла журнал регистрации, где Ляля только что расписалась, и повернулась к компьютеру.

Ляля чуть помедлила, поискала в сумочке перчатки и неуверенно спросила:

– Можно идти?

Ей молча кивнули: «Идите».

* * *

Через месяц Ляля сидела в том же коридоре, но только в другом конце. Через стул от нее сидел муж Виктор. Сидел спокойно, даже чересчур, сложив руки на груди.

Месяц супруги почти не разговаривали, хотя ели за одним столом и спали в одной кровати.

Дед и дочь, свидетели этой размолвки, тоже помалкивали.

Третьеклассница Оля, очень самостоятельная девочка, по утрам бежала в школу, находившуюся во дворе. После обеда неслась в другую – в музыкальную, и не особо присматривалась к родителям.

Восьмидесятилетний Степан Григорьевич не принимал случившееся всерьез – милые бражники, только тешатся – и не отвлекался от своего жизненного распорядка.

Все было так глупо: этот развод при совместном проживании. Делить, кроме дочери, нечего, идти тоже некуда, да и денег у Ляли практически не было. Совсем недавно они купили машину, и все накопления были вложены туда.

В конце коридора появился грузный мужчина в форменном синем костюме, работника юстиции. Ляля проводила его испуганным взглядом, она видела его тогда, месяц назад, в сквере.

Вновь охватил страх: каковы последствия столь дерзкого поступка с ее стороны? Она было собралась поплакать, вдруг вспомнила, как обожгло: разве она могла забыть?! Сегодня в семье пекли пироги: традиция, заложенная давно умершей матерью Виктора. Каждый год в этот день Степан Григорьевич ставит тесто и печет пироги по рецепту своей Лидочки. Невестка должна присутствовать и помогать, а она – здесь!

Утром Степан Григорьевич деликатно промолчал, а она... и по давню забыла. Позвонить,

что ли, свекру? Придется объясняться, оправдываться... Ляля глубоко вздохнула и решила быть твердой – сегодня обойдутся без нее.

– Михайловы! Пройдите в зал заседания! – раздавалось в коридоре.

За длинным столом, посередине, сидела женщина-судья. С высокой прической и круглыми щечками. Сдвинув на кончик носа очки, она разглядывала бледную полуобморочную жену-истца и надутого, похоже, очень сердитого мужа-ответчика.

Судья, выждав паузу, обратилась к Ляле.

– Истец, прошу вас! Вот вы тут пишете... муж... м-м-м... не любит. Поясните, пожалуйста, суду конкретней?

Ляля смело вышла вперед, но потом испугалась, впала в ступор и начала плакать.

Минуту судья слушала Лялины всхлипы, подперев полной рукой круглую напудренную щеку, затем кивнула, разрешая сесть, и обратилась к ответчику:

– Теперь вы, пожалуйста! Что можете дополнить от себя?

Виктор встал, но кроме выразительного раздраженного лица ничего не представил.

– Понятно! – судья быстрым движением ткнула в пышную прическу кончик остро заточенного карандаша, поморщилась, как от укуса, затем бросила его на стол рядом с папкой и громко объявила:

– Даю на примирение месяц. Все, заседание суда объявляю закрытым!

И принялась неспешно складывать бумаги в папку, поглядывая на измученную Лялю.

Виктор с перекошенным от злости лицом вышел из зала заседаний быстрым шагом. За ним, утираясь мокрой расплзающейся салфеткой, двинулась было и Ляля, как вдруг судья жестом подозвала ее к себе и грозным шепотом сказала:

– Так, Михайлова! Чтобы я тебя здесь через месяц или еще когда-нибудь не видела! Поняла? Разводиться она вздумала! С мужем помирись! Немедленно! Все, иди!

Ляля закивала головой, зашмыгала носом и бросилась к дверям.

Пока шла к выходу, успокоилась, только опять подумала: как все глупо, нелепо, некрасиво получилось. Возле крыльца стоял муж или теперь уже ответчик?

– Садись в машину! – Виктор подхватил ее под руку. – Поедем домой, нам надо поговорить.

Она села на заднее сиденье. Нашупала влажной рукой все тот же тонкий крестик и вздохнула. Отчего-то было радостно.

Дома Виктор, не дав Ляле опомниться, быстро снял с нее верхнюю одежду. Торопливо

сбросил свои ботинки и куртку, подняв жену на руки, отнес ее, совсем растерянную, на кровать. Запер дверь, и супруги надолго уединились в спальне.

* * *

В четыре часа с базара вернулся дед Степан Григорьевич.

Дома было тихо и уютно. Он долго пил чай на кухне, прислушиваясь то ли к шорохам из спальни, то ли к тиканью больших кухонных часов на стене. Или он просто думал о чем-то своем, глядя в забрызганное дождем окно.

Наконец, напившись, чаю, дед принялся перебирать купленные для пирога курагу и изюм. Перебрав, принялся мыть под сильной струей воды. Промывая, снова перебирал, убирая мелкий, почти не видимый глазу сор.

Покончив с этим, он разложил на широком подоконнике, на толстом полотенце, все промытое и очищенное для естественной сушки.

Достал из ящика кухонного стола поваренную тетрадь покойной жены, надел очки и принялся неспешно перечитывать рецепт приготовления теста, будто и не занимался этим каждый год.

В дверь громко и нетерпеливо постучали, по всей видимости, ногой. Дед едва успел справиться с замком, как она распахнулась и вбежала внучка Оленька.

Девочка бросила на пол рюкзак, спихнула с ног обувь, дергая за пуговицы, принялась расстегивать кофточку, не переставая при этом тараторить:

– Дедуля, ты представляешь, там... такой... котенок сидит на дереве, а кошка... она мяукает и мяукает...

Дед, вернувшись на кухню к своей тетради, продолжал бубнить:

– Яйца – три штуки – есть, муки просеянной – есть... соды... молока... Молоко – забыл, вот... беда... забыл ведь... эх!

Шерзод АРТИКОВ

Родился в 1985 году в г. Маргилан (Ферганская обл., Республика Узбекистан). Окончил Ферганский политехнический институт. Пишет в основном рассказы и эссе. Победитель национального литературного конкурса «Марварид улкам» («Мой жемчужный край») в номинации «Проза». Печатался в русских сетевых журналах «Камертон», «Топос», «Автограф», «Дактиль» (Казахстан), на литературном сайте Сербии «Nekazano», литературном сайте Турции «Dilimiz ve edebiyatimiz».

КНИГА МАРКЕСА

Я люблю октябрь. В октябре больше ветра и дождей. Погода часто бывает облачной. Под ногами шелестят желтые листья, а листопадная пора придает сердцу спокойствие и утешение.

Вчера было ветрено, а сегодня шел дождь. К вечеру хотя было тихо, горечь, которая распространялась от земли вокруг, и влажный запах все еще задерживались в моем дыхании. Вечером температура сильно упала, поэтому я простыл, стоя на балконе.

В моей уютной комнате была длинная и большая книжная полка. Я подошел к ней и на мгновение не знал, что делать. Я не был склонен читать книгу. Голова болела, а сердце стучало. Читать книгу в подобной ситуации просто невозможно.

Когда опустился на один из стульев в комнате, я снова вспомнил, что Нафиса не просила книгу, как это было в последние дни. Она взяла «Сто лет одиночества» Маркеса ровно десять дней назад. С тех пор ни книги, ни ее не видно.

Со временем боль в голове усиливалась. Надо принять лекарство. Вдобавок выпил свежесваренный горький кофе. После этого начал ходить в комнате вперед и назад...

...В доме через дорогу от меня жила русская старуха. Она умерла два месяца назад и Нафиса со своей семьей переехала на ее кварти-

ру. Сын старухи, живущий за границей, продал им дом. Отец Нафисы был военным, а она сама, если не ошибаюсь, преподавала английский язык в школе.

Должно быть, она слышала от соседей, что у меня есть личная библиотека. Сама никогда не спрашивала меня об этом. Потому что когда встретила меня на улице, только кивнула головой в знак приветствия, не приронив слова...

– Можно мне что-нибудь почитать из ваших книг? – попросила она однажды, внезапно появившись перед моей квартирой.

Сначала я был очень удивлен. Никто раньше не просил у меня книг. Тем не менее, пригласил ее войти в дом.

– У вас так много книг.

Она посмотрела на мою библиотеку и радовалась, как маленький ребенок. Я молча стоял перед окном, прижимая сигарету к губам. Не хотел отвечать ей. Думал, что она задаст больше вопросов, если отвечу. Я не привык отвечать на вопросы.

– Можно взять Джека Лондона? – спросила она.

Я кивнул в знак согласия, вдыхая сигаретный дым и поворачиваясь к ней спиной. Нафиса взяла книгу и от души поблагодарила меня:

– Большое вам спасибо! Я прочитаю ее быстро!

Ее первой книгой был «Мартин Идеен». Через три дня она пришла вновь. Затем сделала привычкой приходить ко мне. Мы мало общались, она немного стеснялась разговаривать со мной, тем более, когда видела, что я не обращаю на нее внимания. Она видела, что я равнодушно курю перед окном, осторожно клала прочитанную книгу на полку, затем брада другую понравившуюся, поспешно выходила из комнаты.

Подобный сценарий повторился несколько раз. Но в последний раз, когда она пришла ко мне, все было иначе. Я даже не знаю, почему. На этот раз я не курил перед окном. Наоборот, сидел в кресле и не сводил с нее глаз. Она тоже не спешила уходить, оставив одну книгу и взяв другую. Долго, чем обычно, стояла перед полкой: казалось, в этот раз ей трудно было выбрать книгу. После долгой паузы она взяла Маркеса «Сто лет одиночества» и с интересом рассматривала ее, стоя в центре комнаты.

– Оказывается, вы любите читать мировую литературу, – сказал я, пристально глядя на нее.

Когда она заметила, что я смотрю на нее, густо покраснела.

– Да, я часто читаю мировую литературу, – ответила она, сохраняя самообладание и продолжая перелистывать страницы книги.

Всякий человек, посмотрев на нее, не назвал бы ее привлекательной. Ног в ней была какая-то изюминка, она была скромной и деликатной. И в то же время она была спокойна, в ней чувствовалась жажда жизни, которая сияла в ее глазах. И это привлекало.

– Вы прочитали все книги, которые находятся здесь? – спросила она, подняв голову от книги и пристально на меня посмотрев.

– Почти, – ответил я, поглядев на шкаф.

– Я завидую вам, – она закрыла книгу, показывая тем самым, что ей надо уходить.

– Хотите чашечку кофе? – спросил я внезапно, когда она уже была у порога. – Сегодня подходящая погода, чтобы пить кофе.

– Ну, если вы не возражаете... – согласилась она смущенно.

– Вам с сахаром или без?

– Пусть будет без сахара.

За чашечкой кофе я забыл про всю свою нелюдимость и застенчивость. С энтузиазмом говорил о книгах, которые прочитал, об авторах, которых ценю. Она слушала с интересом и большим вниманием. В ответ она с удовольствием рассказала о своих прочитанных книгах, ничуть не уступая моему энтузиазму. Слушая ее, я понял, что очарован: ее взгляды были похожи на мои, как две капли воды. Именно этого сладостного удовольствия мне и не хватало.

Она ушла, и я снова остался один перед книгами. Один, как всегда. Я ошибался, ожидая, что мое сердце, привыкшее к одиночеству, снова начнет тихо блуждать в его пустынных уголках. Впервые я почувствовал себя глубоко одиноким, ощущал все взлеты и падения этого мрачного одиночества в четырех стенах.

Когда я вышел из дома на следующий день, случайно встретил Нафису на улице. Рядом с ней шла ее сестра-школьница. Как всегда, я поприветствовал ее и даже хотел поговорить, но раздумал. Почему-то смутился, испугавшись ее сестры. Мы молча дошли до остановки. Я сел в такси, они с сестрой сели в автобус.

Мне почему-то стало мечтаться, чтобы она прочитала Маркеса побыстрее и вновь пришла ко мне за новой книгой.

Прошло четыре дня. Нафиса не приходила. На пятый день я стал волноваться, в моей душе появился непонятный дискомфорт. На шестой день, вопреки моей одинокой природе, мое настроение окончательно упало, я начал нервничать. На седьмой день, как обычно, когда курил перед окном, пришел к выводу, что невозможно не закончить чтение этой книги Маркеса за неделю, и этот вывод привел меня почти к припадкам.

Я не мог спокойно работать – а работал я в известной страховой компании. Я не мог представить, что можно читать книгу из трехсот восьмидесяти шести страниц так долго, и постоянно думать об этом. Разные мысли возникли в моей голове. Наверно, у Нафисы не было времени, чтобы прочитать книгу, успокаивал я себя, но руки у меня все равно опускались. А может, ей просто не понравилась книга, и она забыла вернуть ее мне.

Большинство моих коллег не любили читать, за исключением Ферузы Анваровны в отделе «Управление риском». Ей было около тридцати пяти лет, искренняя и очень умная женщина. В перерыве я решил с ней посоветоваться:

– Феруза Анваровна, скажите: сколько дней вы будете читать книгу из триста восьмидесяти шести страниц?

Феруза Анваровна немного подумала.

– Это зависит от того, что это за книга. Если меня это заинтересует, я закончу читать через неделю. Если нет – я не смогу закончить даже через месяц.

Один из клиентов оказался книголюбом, и на мой вопрос он ответил так:

– Вероятно, я прочитаю ее за две недели.

Когда возвращался домой на такси, не утерпел и задал этот вопрос водителю

– Честно говоря, я не интересуюсь книгами, – ответил он.

Вернувшись домой, я прислонился к стене коридора и долго стоял в таком положении – ми-

нут двадцать, если не больше. Я ждал Нифису, ждал стука в дверь. Думал, что она придет за новой книгой. Но...

Разочаровавшись, я вынул пачку сигарет. В ней осталась одна единственная сигарета. Зажег. Затем подошел к книжной полке, взял оттуда несколько книг. В одной оказалось двести пятьдесят четыре страницы, в другой – сто семьдесят три, а в третьей – сто двадцать четыре. Я оставил последнюю именно потому, что в ней меньше всего страниц, остальные положил обратно на полку. Я перелистывал ее от начала до конца, не так и решил рекомендовать ее Нафисе на следующий раз...

...Хождение туда-сюда, вперед-назад по комнате вскоре истощило мои ноги. Я устало откинулся на спинку кресла. Боль в голове постепенно проходила, но сердце все еще колотилось. Я положил голову на край кресла и на мгновение закрыл глаза. Я увидел перед собой Нафису. Ее лицо, ее походку, ее голос. Я нервничал, настро-

ения не было никакого. И все из-за того, что я ее ждал. Я с детства был приучен ничего и никого не ждать, а тут ждал ее несколько дней, совершенно измучившись. Я с нетерпением ждал, когда она снова придет ко мне, поговорит со мной, и ее приятный голос снова прозвучит по моей комнате. Зачем мне лгать? Ведь на самом деле для меня не имело значения, как долго она будет читать Маркеса. Да хоть всю жизнь, только бы пришла.

Когда я признал этот факт, вдруг рассмеялся. Мой смех был полон боли, тоски и грусти. Я продолжал смеяться. Мой голос становился все громче. В этот момент в дверь постучили. Прежде чем открыть, я поправил галстук, согнутый в шее, застегнул все пуговицы на рубашке. И только после этого открыл дверь. Нафиса стояла на пороге, держа в руке книгу:

– Я с трудом закончила, – сказала она виновато, пытаясь улыбнуться, протягивая мне книгу.
– Маркес заставил меня сильно задуматься...

Ефим ГАММЕР

Родился в 1945 году в г. Оренбурге, жил в Риге, закончил русское отделение журналистики Латвийского госуниверситета, автор 25 книг стихов и прозы, лауреат ряда международных премий по литературе, журналистике и изобразительному искусству, обладатель Гран-при и медалей международных выставок в США, Франции, Австралии. Среди литературных премий – Бунинская, серебряная медаль, Москва, 2008, «Добрая лира», Санкт-Петербург, 2007, «Золотое перо Руси», золотой знак, Москва, 2005 и золотая

медаль на постаменте с надписью «Лучшему автору», 2010, «Петербург. Живет в Иерусалиме. Главный редактор и ведущий авторского радиожурнала «Вечерний калейдоскоп» – радио «Голос Израиля», член израильских и международных союзов писателей, журналистов художников, входит в редколлегии журналов «Литературный Иерусалим», «Литературный Иерусалим улыбается» (Израиль) и «Приокские зори» (Россия).

СТИХОДЖАЗ

Однострок и импровизация на его тему

ЖИЗНЬ НАША ЗАЧАТА С ТОСКИ

Жизнь наша зачата с тоски.
Зачать иначе не сумели.
И ни к чему здесь параллели,
когда история — витки.

КОГДА ИСТОРИЯ — ВИТКИ

Когда история — витки,
дожить попробуй до зарплаты.
Не видно в будущем ни зги,
и прошлое — отнюдь — не рядом.

И ПРОШЛОЕ — ОТНЮДЬ — НЕ РЯДОМ

И прошлое — отнюдь — не рядом.
Оно в петле, где стыд и горе.
Соваться же туда не надо:
петля окажется на горле.

ПЕТЛЯ ОКАЖЕТСЯ НА ГОРЛЕ

Петля окажется на горле,
Когда история — витки.
Товарищей не встретишь ныне в стойле,
Сегодня там тусуются братки.

Две строки — одна импровизация

ПОЗНАНИЕ

Сократ (470—399 до н. э.)

*«Я знаю только то,
что ничего не знаю».*

Судьба моя размечена тобой.
А мне дано не жить своей судьбой,
тобою жить, себя не постигая.
Не пройдено. Не вымерено. Снова
земная боль душевной слепоты.

И ты... И ты... Всего лишь только ты...
 А жизнь всего лишь — обречение слова
 на горсть годов, до окончания срока,
 отмеренного с выходом на свет.
 И нет, и нет ни Пушкина, ни Блока,
 как нет и Бога, если Бога нет.
 Я знаю все, я ничего не знаю...

ФИЛОСОФИЯ

Мартин Бубер, философ, первый президент Академии наук Израиля

*«Если сказано Ты,
 то вместе с этим сказано Я».*

Мир красоты
 Неделим — Земля...

И я, и ты... Бескормица свобод.
 И я, и ты... Разомкнуто пространство.
 И я, и ты... А с нами небосвод,
 и светизна, и простота убранства.
 И я, и ты... Не старимся, дожив
 до возраста, достойного пророка.
 И я, и ты... И пусть за смертью миф.
 Но что нам миф, важнее нам дорога.

На срезе лет, сквозь толщи мироздания,
 в горячем дыхании ночей,
 живой и в мертвом — данностью преданья
 и данностью оплавленных свечей,

я — вечность, слово и прочтение,
 ты — постижение, логика, резон.
 Я — перебор, сечение, разлучение.
 Ты — приговор, расплата и разор.
 Я — человек, ты — истина познания.
 Наш век размечен у древнейших стен.
 Мы — алеф-бет — пролог сказанья,
 земная ось израилевых колен.

Джазовая комедия на тему «Кто виноват?»

ТЕМА

Тропинки вымокли лесные.
 Водой залиты следы.
 Дожди, дожди по всей России.
 И грусть. И ропот. И суды.

Импровизация первая:

Дожди, дожди по всей России.
 Из дали в даль. Из края в край.
 Дожди, дожди. И часовые.
 И затяжной собачий лай.

Гниют наличники резные.
 И рожь гниет, не видя свет.
 Дожди, дожди по всей России.
 И нет Мессии. Нет и нет!

Импровизация вторая:

Приметы времени такие —
 не разобидеть бы кого.
 Кто виноват? Пишу стихи я,
 и знать не знаю ничего.

Емелька из легенд отозван.
 Прогнали Стеньку сквозь экран.
 И боль — тоска. Но поздно, поздно
 рвет на груди меха баян.

Импровизация третья:

Но нет, но нет стези заветной,
 всесветной, ясной и прямой!
 Умом я тронусь! Незаметно
 я стану кем-то, но не мной.

Чиновником, партийцем, боссом,
 властителем, чужой судьбой.
 А я хочу бежать — пусть босым! —
 но лишь за истинным собой.

Импровизация четвертая:

Уходят малые — большие.
Уходят люди невзначай.
И незаметно... Были-жили,
хлеб с маслом ели, пили чай.

Им ничего уже не страшно!
Так пусть они доскажут речь.
А где? Как будто это важно...
Важнее камень скинуть с плеч.

Импровизация пятая:

Забытье — странная улада.
Но вот проснулся, и опять
на выбор: ад иль то, что рядом,
с названьем — рай. Куда шагать?

Податься в рай? Пустое дело.
Баклуши бить? Гулять в саду?
А замордованное тело
работы просит хоть в аду.

Вдруг — сверх зарплаты — рубль положат?
Путевкой в рай вдруг наградят?
Что размышлять? В руках все Божьих.
И спорить что? Привычной ад.

Импровизация шестая:

Но донесли. И по начальству
пришлось наладить обходной,
чтобы послали в одночасье
опять за долюшкой земной.

— Привычной ад? Ну, что ж, не сетуй!
Сейчас запустим в твою мать!
И запустили, как ракету,
туда, где жаждал побывать.

Импровизация седьмая:

И вот я там, в земной прихожей.
В конце туннеля — свет и гам.
— Мессия — да? Посланец Божий?
— Посланец. Да! Послали к вам!

— Пришел по адресу, Россия!
Ты не робей, ходи сюда!
...И вышел я. Дожди косые.
И грусть. И ропот. И суды.

АВТОР ДЖАЗОВОЙ КОМЕДИИ

Кто виноват?
Бум-бум! Бам-бам!

Направо — нос.
Налево — глаз.
А истина ночует
там,
где нас...
Нет нас.

Джазовая композиция на тему
«Былое и думы»

ТЕМА

Все призрачно,
что вижу я в былом...
Колблемый
незримыми ветрами,
Иду сквозь жизнь.
А жизнь,
меняя рамы,
идет во мне —
и тоже —
напролом.

Импровизация первая:

РОЯЛЬ

Страдать, стыдиться, увядать
и сознавать тайком,
что больше, чем случилось знать,
не знать уже потом.

На болевые рубежи
не побежать стремглав,
кочки израненной души
лечить настоем трав.
Не изыскать в себе путей —
неведомых, как встарь.
И ощущать среди людей
сгоревшей тайны гарь.
Страдать, стыдиться, увядать
и строить мертвый дом,
где больше, чем случилось знать,
не знать уже потом.

Импровизация вторая:

САКСОФОН

В строке не сыскать нам
уютного слова,
такого родного —
не слова, а крова.
И мучиться, мучиться,
мучиться снова,
как будто мученья —
основа живого.
Куда ни податься,
Везде мы «не здешни»,
И всюду нам «здесьние»
сны безутешны.
А вешние ветры,
как прежде, поспешны.
Но наши углы
уже вовсе не смежны.

Импровизация третья:

КОНТРАБАС

И на той, и на этой
чужбине
плачут козыри
битыми картами.
Обернулись
Ваалы Астартами,
запекаются идолы
в сплине.
Заплутали
заемные боги
на дороге,
датами высланной.
И подобно
последнему выстрелу,
при последнем
затеряны вздохе.

Импровизация четвертая:

КЛААРНЕТ

Поднимался
паводком души
и кружил
по суводи рассвета.
Если и случались
миражи, —
не на лжи,
больной
тоской и бредом.
Если и случались, —
за гроши
миражи
я раздавал поэтам.

Импровизация пятая:

УДАРНЫЕ

Флаги
спускают
по умершим.
Мертвые
сраму
не имут.
Мертвые
кости
не стынут.
Мертвое
сердце
не греет.
Мертвая
совесть
молчит.

АВТОР КОМПОЗИЦИИ

Астрономы,
сидящие
под блестящими на солнце
куполами глаз
моей возлюбленной,
обнаружили
на расстоянии
тысячи парсеков
голубые туманности —
мои
голубые глаза.
И все они
тотчас
были удостоены
Нобелевской премии —
стоило мне
всего раз улыбнуться...
Посмеемся над этим,
друзья.

ИМПРОВИЗАЦИЯ НА ТЕМУ
СТРОЧКИ ЕВГЕНИЯ ЕВТУШЕНКО:
«Пусть натянуты нервы как провода»

И над городом «Нет»,
и над городом «Да»
Божий высверкнул след,
но исчез без следа.
«Пусть натянуты нервы
как провода»,
город «Нет» город «Да»
поцелует в уста.
В их священный союз
не допущен порок.
город «Нет» скажет: «Да!»
С тем и спустит курок.

ИМПРОВИЗАЦИЯ НА ТЕМУ
СТРОЧКИ АНДРЕЯ ВОЗНЕСЕНСКОГО
«голос, украденной тьмой Лужников»

Не выгляжу покойником
на фоне мудрых слов,
а соловьем-разбойником
из наших Лужников
свищу-свищу напористо,
два пальца в рот вложив.
Свищу, и мне не боязно.
Свищу, пока я жив.

ИМПРОВИЗАЦИЯ НА ТЕМУ
СТРОЧКИ БОРИСА ПАСТЕРНАКА
«Как птице мне ответит эхо»

Мой друг охотится за эхом.
И потому не любит город.
Однажды он ко мне заехал
и пригласил с собою в горы.
Я согласился, и мы вместе
карабкались по горным складкам.
Неверный шаг — и ухнешь в бездну,
вдогонку за душой, ушедшей в пятки
Но эхо нас не сбило с толку.
Ущелья нас не подвели.
И голос — в небо, гулкий, долгий,
как отражение земли.

ИМПРОВИЗАЦИЯ НА ТЕМУ
СТРОЧКИ МАКСИМИЛИАНА
ВОЛОШИНА

«Кто передаст потомкам нашу повесть?»

Ну что сказать? В архивах — ничего.
Ущербный век истории не ведом.

Укрылся вымыслом, на откуп дан поэтам
и превратился в мускул речевой.
Ну что сказать? Лес срублен топором.
А выдумки растут, в легендах роясь.
Чем дальше, тем объемней повесть.
И нет живых. Лишь мертвые крутом.

ИМПРОВИЗАЦИЯ НА ТЕМУ
СТРОЧКИ ЕЛЕНЫ ИОФФЕ:
«Когда мне исполнится вечер»

1

Исполнится вечер, исполнится.
Исполнится вечер полночью.
Еврейская удаля да русский размах —
исполнится вечер. Но полных парах
приблизится поезд. А в небе — вечер! —
настырное скопище бодрых ворон.
И каждый чернец лихо каркает — с понтом:
«Я стрелочник ваших земных горизонтов»
Исполнится вечер, обручится с ночью,
и снова сквозь бестолочь плыть к многоточью
слезе, обожженной выдохом солнца,
либо надежде, что кто-то спасется.

2

Душеприказчики мысли.
Душенастройщики нови.
Веет библейской жизнью

в сердце, душе и слове.
Когда вдруг исполнится вечер,
окажешься наготове,
что вечер твой тоже не вечен,
пришло: исполняться в слове.

ЦИТАТА — ЗАТЕМ ИМПРОВИЗАЦИЯ

1

Цецилий Стацкий

«Живи как можешь, раз нельзя как хочется».

«И жизнь войдет в такой виток,
Что даже добрая пророчица
Тебя не пустит на порог».

2

Бодлер

«Работать не так скучно, как развлекаться».

«Сколько ни смейся, устанешь смеяться».

3

Свифт

«Лишь очень немногие живут сегодняшним днем.
Большинство готовится жить позднее».

«И лупят о стенку расквашенным лбом
В надежде на выигрыш в лотерею».

4

Герберт Джордж Уэллс

«Цинизм — это юмор в плохом настроении».

«Душа не болит, если занята тлением.
И сердце не греет, и мысль не горит.
И лодка сверхсчастья разбита о быт».

5

Станислав Ежи Лец

«Подсунь свою мечту врагам».

Чтоб им ослепнуть, тут и там
Увидев при посредстве призм
Построенный в боях социализм».

Рисунки автора

Людмила РОМАНОВА

Родилась в 1949 году в Москве. Закончила МГПУ по специальности инженер-механик. Работала в МОСГОРТРАНС начальником ПТО и 25 лет в ВГТРК в Управлении МТО. Член Интернационального Союза писателей (ИСП) и Союза писателей Северной Америки (СПСА). Прошла курсы сценаристов под руководством М. Хмелик.

Имеет награды ИСП: за творческий вклад в современную русскую литературу (2016); диплом Набокова (2018); диплом Антуана Сент-Экзюпери (2018); благодарность ГД ФС РФ за активное участие в литературном процессе России (2019).

В настоящее время пенсионер, ветеран труда.

ПОДАРОК НА РОЖДЕСТВО, или НЕВЕРОЯТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ В МОСКОВСКОМ МЕТРО

ГРУСТНОЕ УТРО ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

Если бы не «будильник», который был встроен в ее организм! А он требовал проснуться и встать с постели. Если бы не он, то Лена, наверное, наплевала бы на то, что ей скажет шеф, когда она явится на работу с опозданием, и поспала бы еще минут двадцать! Но, дисциплинированный механизм, требовал: – Встать, встать, встать! И идти, идти, идти!

«О, Боже!» – подумала она, посмотрев на часы, и, надеясь, что там будет на десяток минут меньше. Но, все было, как всегда. Поэтому ничего не оставалось делать, как выполнить требования «будильника».

Лена встала, и как лунатик, направилась в ванную. Потом, нажав пальцем пулг от телевизора и, запустив другим пальцем ноутбук, она одним глазом смотрела новости, а другим, следила за туркой с кофе на кухне. Кофе бодрило, и свое утро она всегда начинала с него. Это было еще и маленькое удовольствие, и даже подачка самой себе за то, что нельзя поваляться.

С дрожью и надеждой Лена открыла почту «Яндекс». Она почти что молила компьютер, она

гипнотизировала его. «Ну, пожалуйста, пожалуйста, пусть там будет письмо!» – посылала она импульс почтовому ящику. Но никакого письма от ее молодого человека Геннадия там не было!

Оставалась надежда, что он позвонит ей на работу. Елена вздохнула, и, прослушав астрологический прогноз и советы по приготовлению ризотто, натянула на себя свитер, куртку и шарф, и, подхватив сумочку, ровно в восемь выскочила к лифту.

СПОКОЙСТВИЕ, ТОЛЬКО СПОКОЙСТВИЕ

Один из эскалаторов станции метро дождался окончания ремонта, и поэтому у входа в метро Лену встретила толпа, которая терпеливо, сантиметр за сантиметром, продвигалась к дверям. Лена вошла в эту толпу, и постаралась вписаться в промежутки между фигурами людей. И, как стадо пингинов, вместе со всеми, она монотонно, и на самой маленькой скорости, стала пробираться к ступенькам работающего эскалатора.

В середине пути ее вдруг обожгла мысль: «Боже! Я, по-моему, не выключила фен!!! А воду в ванной???» Она на секунду запаниковала, но

выйти из процессии было уже не воз-мож-но! Толпа плотной стеной двигалась четко вперед! Пробрить эту стену и выйти наружу против движения, было бы утопией! Представив, сколько сил и времени займет эта борьба, прибавив к этому минут двадцать на лишний путь туда-сюда, она со вздохом продолжила свой траурный марш.

«Успокойся!» – сказала она сама себе. – Первый раз, что ли? Не выключила! Не закрыла! Ах! Ах! Посмотришь, вечером все будет нормально!»

Да, такие мысли приходили к ней не первый раз! И, даже, приходили очень часто, и всегда именно тогда, когда возвращаться уже было себе дорожке! Эти мысли, рисующие пожар, охвативший квартиру из-за оставленной гореть конфорки, затопление всех этажей из-за не закрытого крана, и пустую квартиру после посещения воров из-за незапертой двери. Они портили несколько минут ее жизни. Они зудели и велели: «Вернись, быстрее вернись! Может быть, еще не поздно, и ты еще успеешь предотвратить весь этот надвигающийся кошмар!» А потом, когда она все-таки возвращалась домой, оказывалось, что все нормально, потому что другого и быть не могло! Все было на автомате – «закрыть, выключить», поэтом и не запечатлелось в голове как факт.

Была последняя пятница перед Рождеством, и мысли об этом празднике, на счастье Лены, снова заполнили ее голову, и они вытеснили из нее все беспокойства, на удивление, очень быстро. Она просчитала в голове, не забыла ли она что-то купить для праздника в доме. Представила, как все в отделе будут охать, и расхваливать ее салат, который она несла, как свою лепту к праздничному столу. И как она будет выглядеть с новой прической... И... конечно, что она скажет Генке, если он ей позвонит.

БЫВАЮТ ЖЕ ТАКИЕ!

Опомнилась от своих мыслей Лена только тогда, когда двери в вагоне захлопнулись, и она, припертая другими втиснувшимися счастливыми к двери, с досадой отметила, что ей придется стоять в этом сдавленном положении двадцать минут! И все бы ничего, если бы не каблук и сумки! Ее новые сапожки с высокими каблуками, и внушительная сумка, в которой уместились миска с салатом, коробка конфет и бутылка вина, заметно усугубляли это состояние, которое, по всей видимости, могло уллучшиться только на Павелецкой, когда многие пассажиры должны были выйти.

Она с ненавистью посмотрела на молодого человека в черном пальто, который занимал своим накачанным телом и широко расставленными ногами в два раза больше положенного места: Черная Гора, а не человек! Будь он джентльме-

ном, то уступил бы свое место, на котором могли без труда уместиться и она, и еще одна худенькая девушка, читающая электронную книгу. Они с девушкой понимающе переглянулись и послали в голову молодого наглеца свой фонтан негатива. Но он, равнодушно взглянув на девушек, даже не изменил своего выражения лица, продолжая сидеть в той же вульгарной позе: мол, он готов дать кулаком по башке каждому, кто посмеет нарушить его покой.

СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ

На Павелецкой народу действительно поубавилось. Но сидячие места по-прежнему были заняты. И так как ноги, закованные в новые сапоги, уже ныли, Лена решила скоротать одну остановку, разглядыванием пассажиров. А что оставалось?! Это была единственная возможность переключить свои мысли с боли в ногах на другую тему.

«Ничего, еще только две минуты, сто двадцать секунд, и будет следующая остановка!» – подумала она.

Лена еще раз бросила свой взгляд на Черную Гору и представила, как он, нахально смахнув остальных, сидящих рядом пассажиров, лег, протянув ноги на всю лавку... и свалился...

– Ха, ха, ха! – Лена давилась от смеха, представив этот позор парня. Но, испугавшись, что Черная Гора примет ее ухмылку агрессивно, она быстро переключилась на остальных пассажиров. На юную парочку, обнимающуюся около дверей напротив. На сухонькую старушку в черной шляпке с вуалью, у которой из-под юбки виднелись две тонкие ножки в черных ботинках, которые не доставали пола. Из-за этого она выглядела комично, словно Шапокляк из мультфильма.

Чтобы не рассмеяться, Лена посмотрела на другую старушку. Та была крупная, но одетая также старомодно, как и сухонькая, и напоминала Фрекен Бок! Эта разница тоже рассмешила Лену. Но, боясь обидеть бабушек, она перевела взгляд на троих друзей с огромными чемоданами, стоящими посреди вагона и залепившими собой, и своей громоздкой поклажей весь выход. Они не обращали на это своего внимания, а о чем-то громко спорили, и, иногда, также громко смеялись.

Рядом с бабульками сидел молодой человек с айпадом. Он усиленно перебирал пальцами, уткнувшись в экран, и даже мотал от напряжения головой. Наушники делали его похожим на моряка, нервно стучащего: «СОС! СОС! Помогите!»

Лену возмутила безвкусно одетая женщина, которой было лет пятьдесят: на ней было такое пестрое разнообразие, которое усугублялось ее

кошмарной сумкой. Женщина увидела взгляд Лены и показала ей рукой – садись, если хочешь!

– Нет! Нет! Что вы! – Лена в душе обругала себя за слишком резкую критику одежды такой доброй женщины. Она решила, что хватит разглядывать пассажиров, и, опершись на поручень, закрыла глаза, и предалась воспоминаниям и мечтам.

В голове у нее крутился ее последний роман с Генкой. И все что она сказала ему, и что ей посоветовала подруга. Потом ее мысли переключились на то, как она почти что унижалась, пытаясь объяснить ему, что он не прав. Как он ушел... три дня назад! И ни разу не позвонил, и не написал! Это воспоминание ударило словно током, отчего, Лена открыла глаза и вернулась в действительность.

СОМНЕНИЯ

«Странно, – подумала Лена. – За какую-то минуту столько пробежало в голове!»

Поезд еще шел со скоростью, и, из этого, она сделала заключение, что прошло только около минуты. Лена попробовала переступить с ноги на ногу, чтобы убрать боль из более нагруженной ноги. Ее ноги уже не просто напоминали о себе, а почти что орали от давления на каблучки.

«Надо поставить сумки на пол, все полегче будет», – решила Лена, но в это время ее вдруг как будто прижало к стене, и если бы не поручень, то она бы, может быть, растянулась бы на полу вагона, такой силы была пружина.

«Не желай зла!» – подумала она, вспомнив, как готовила эту пикантную участь Черной Горе. В следующий момент ей стало до невесомости щекотно внутри, как будто, она падала в безвоздушное пространство, и, наконец, все успокоилось. «Господи, кого только не сажают за руль электрички!» – подумала Лена, принимая привычную позу, готовую к выходу. Все эти непонятные силы притяжения она отнесла к торможению перед станцией.

Но поезд не остановился! Он продолжал ехать! Теперь уже плавно, без покачиваний в разные стороны, без звука стука колес о рельсы, и без привычного вида в окно. Свет в вагоне стал настолько яркий, что темнота за окном стала еще гуще и еще непроницаемее. Теперь там не было видно даже привычных ламп и лент кабелей. Там не было ничего, кроме бархатной темноты! И, эта темнота была красива своим волшебным синим оттенком. Лена еще несколько секунд всматривалась в окно. Потом, подняв сумки, подошла еще ближе к двери, чтобы быстрее выйти на остановке.

Но, поезд продолжал ехать! Прошло уже более двух необходимых минут, да что там говорить,

пока Лена соображала, прошло уже пять или?.. Она судорожно стала проверять свои подсчеты прошедшего времени, и уверенность в том, что с момента ее входа в вагон и теперешним мгновением, прошло уже более десяти минут, поразили ее! Лена с опаской посмотрела на окружающих, ожидая в их глазах увидеть подтверждение своего открытия и опасений, но!

Парочка целовалась, и для нее время шло никак! Старушки дремали, впрочем, как и остальные сидящие счастливицы, а девушка напротив, читала книгу. Друзья с чемоданами, шумно о чем-то беседовали, и казалось, они и не думали о выходе!

«Наверное, я ошибаюсь!» – подумала Лена.

Но оттого, что поезд продолжал мчаться, от этой странной и таинственной темноты за окном и от отсутствия привычного шума и тряски вагона, она все-таки, продолжала беспокоиться. Что-то неясное и тревожное терзало сомнениями ее душу! Лена решила начать отсчет с начала. И для объективности засекала время.

«На часах было восемь тридцать. Я вошла в метро восемь десять, – вспомнила она время на часах в метро. – Двадцать минут точно соответствовали моей поездке до Павелецкой. До следующей остановки две минуты! Но прошло больше, судя даже потому, что я считала, смотрела и думала. На все это тоже нужно было время!»

Чтобы ощутить и почувствовать размер времени, она стала считать. Сначала до ста, потом до двести, до тысячи. Поезд продолжал ехать, если не сказать, с той же, но, с еще более высокой скоростью! Потому что, в ушах появилось ощущение, как при взлете. Лена посмотрела на часы, там было все те же восемь тридцать! Поджилки у нее затряслись, и ей стало просто необходимо спросить у кого-нибудь – что же происходит?

И сделав спокойное лицо, чтобы пассажиры не приняли ее за сумасшедшую, она обратилась к девушке, которая оторвалась от книги, и, с вниманием, посмотрела на Лену.

– Вам не кажется, что мы что-то очень долго едем? – робко спросила Лена у девушки. – Должна быть Новокузнецкая, но, почему-то, ее все нет!

Девушка недоуменно посмотрела на Лену?

– Я думала, что уже Белорусская. Действительно! Я прочла уже целую главу! Я, конечно, читаю быстро, но, не настолько, чтобы прочитать ее за двадцать минут. А вы не ошибаетесь? Я зачиталась, и, обычно, я на автомате отрываюсь от книги на своей остановке, и Белорусская должна быть примерно через одну.

– Да нет же! Я-то не читала! – воскликнула Лена. – Я, правда, задумалась, но не так, чтобы не заметить, что двери открывались и закрывались. А люди? – она критически огляделась. –

Все те же, и ни на одного человека нового, и ни одного потерянного.

Девушка снова заглянула в книгу, но потом закрыла ее и тоже осмотрелась вокруг, глянув на часы.

– Да! Все правильно! Часы стоят, но едем мы уже давно. За это время я уже бываю на переходе. Может быть, мы стояли в туннеле, вы не заметили?

– Вот, вот! – округлила глаза Лена. – Мы не стояли! Мы все время едем! А на часах и у вас 8-30! Они остановились, как и у меня!

Девушка с книгой, положила ее в сумочку, и, оценив обстановку, подошла к парочке, которая вошла в раж, не стесняясь окружающих.

– Эй, вы, хватит лизаться! – обратилась к ним она. – Кажется, мы проехали все остановки!

– Чего, все проехали? – посмотрели на нее мутными глазами, и заулыбались молодые.

– Едем уже двадцать минут, а двери ни разу не открылись. Это почему?

– Да ладно! – ответила вторая девушка, поправляя прическу. – Мне все равно: открывались, не открывались! Я бы со своим Валеркой еще часок так покаталась!

– Разуйте глаза! Если мы едем тридцать минут и нас не высаживают, то почему? Прикиньте! – воскликнула девушка с книгой. – Тридцать минут без остановок!

– А! – взвизгнула девушка. – Валер, я боюсь!

– Спокуха! – сказал Валерка, парень лет восемнадцати, в джинсовой куртке с мехом. – Щас, все узнаем!

Придав себе солидный вид, для чего он встряхнул плечами, чуть согнул руки в локтях и сжал кулаки, на тонких кривоватых ногах, раскачиваясь, он подошел к мужикам с чемоданами, которые рассказывали анекдот про какого-то москвича

– Тебе че? – оглянулся один, с явным акцентом, далекой деревни.

– Мужики, вы не заметили, что мы чего-то долго едем, – неуверенно сказал Валерка.

– А сколь надо? – удивился кучерявый. – Едем и едем, когда надо, высадят, здесь не оставят. Слышь, а до Аэропорта еще далече?

– Вы чего из деревни? – спросил парень. – Сами-то мы не местные? – съюморил он, оглянувшись на девушек.

– Мы с Курдянска, на заработки едем! А че?! Документы показать?! Ты ж не мент! Че надо!? Москвич?! – нахально посмотрел на него кучерявый мужчина.

– Да ладно тебе! Не возникай! Не тот момент! – не обращая на агрессивность мужчины, продолжал Валерка. – Тут такое получается. Между остановками две-три минуты, а мы едем уже двадцать! Ни одной остановки! Это же нонсенс!

– не обращая на агрессивный тон мужика, продолжал Валерка.

– Нонсенс, какой-то! Сказывай по-русскому! – захихикал мужчина, глянув на своих друзей, и ища у них поддержки.

– Смолкни, Колян, слушай, что пацан говорит, – не поддержал его рыжий приятель. – Чего говоришь-то? Объясни, – обратился он к Валерке, увидев, что вокруг них собрались три девушки и два парня, которые стояли с такими же вопрошительными глазами.

– Если мы не останавливались, то получается, что нас куда-то везут. А куда? – продолжил Валерка. – Вот в чем вопрос!

– И почему? – робко вставила девушка парня Марина.

Увидев, что от гастарбайтеров ничего нельзя добиться путного, Валерка озабоченно посмотрел на остальных пассажиров, примеряясь к кому бы подойти еще. «Черная гора» его не вдохновляла, и он подошел к старушкам.

– Бабульки, бабульки, – толкнул он их легонько за руку.

– А? Что? Уже выходить? – заскрипела худышка.

– Это как? Остановка? – очухалась ото сна толстушка.

Парень обреченно махнул рукой и, кивнув девушкам, робко подошел к Черной Горе: – Парень, ты меня слышишь?

Черная Гора открыл наглые глаза и потянулся.

– Чего тебе?! – сунул он руку в карман, в котором обнаружилось что-то напоминающее ствол пистолета.

– Парень. Ты ничего не заметил? Мы едем уже двадцать минут! – закинул свой вопрос Валерка.

– Меня это не волнует, – буркнул парень. – Отошел быстро, чмо!

– Да, двери не открывались ни разу! – закричала Лена, приходя в раздражение от такой тупоголовости. – Нас куда-то везут! Включи мозги!

– С чего ты взяла, кукла! – посмотрел на нее Черная Гора, поеживаясь.

– Ну, в общем, так! Объясняю! Между остановками максимум три минуты, а мы едем уже двадцать! – быстро затараторила Лена. – Разве, такое бывает?

– Прикинь, братан! – миролюбиво поддакнул парень с чемоданом Костя, который тоже подошел к Черной Горе. – Нужно че-то делать. Я не знаю, как у вас в Москве, а у нас я бы че-нибудь придумал! Это точно!

Лена оглянулась вокруг и увидела, что весь вагон уже пришел в движение, кто-то смотрел за окно, кто-то сидел, вжав голову в плечи, а кто-то стоял в их кругу и ждал, когда, кто, что скажет

умное. Черная Гора с кривой усмешкой посмотрел на Валерку и остальных, стоящих рядом с ним пассажиров, и постучал пальцем у виска. Он встал с сиденья, и сильным движением нажал на кнопку вызова машиниста.

– Идиоты! Здесь же есть обратная связь. Жми водиле и спрашивай!

Ему ответила тишина!

– О! – хлопнул парень себя по лбу. Он полез в карман, и вытащил оттуда совсем обычный, не крутой телефон. Победно посмотрев на тупых, окружающих его пассажиров, он набрал номер, и приложил ухо к трубке.

Ему ответила тишина!

Глядя на него, все догадались и тоже достали из карманов мобильники, и, судорожно начали набирать свои номера. Они набирали и набирали, но видно было по реакции остальных, и по удивленным глазам звонящих, что телефоны не отвечали!

ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

– Прошло уже больше часа, – объявила Лена. – Хватит маяться дурью. Связи нет никакой! Но выбираться надо! Давайте вместе думать. Не можем же мы ждать, когда здесь умрем от голода! Может быть, мы так неделю ездить будем! Кто знает!

– Бери выше, – сказала женщина в платочке, Надежда Николаевна, с загадочным выражением лица. – А если нас везут на органы?!

Кто-то хихикнул, но потом сделал серьезное лицо.

– Здесь в метро, говорят, есть дорога прямо в бомбоубежище! Это на случай атомной войны, – компетентным тоном проскрипела худенькая старушка, со своего места. – Может, туда нас и везут!

– А зачем?! – удивилась Лена, немного усмехнувшись на осведомленную старушку, ловко вступившую в разговор.

– Так стрелку, наверное, не передвинули! Бывает такое! Это же техника. А она тоже ломается! Вот мы и поехали не туда. Ну, ничего! Скоро остановимся! – подняла брови и спокойно прошепелявила толстенная старушка, и подмигнула худенькой. – Как ты думаешь, Серафимушка? Не на северном же полюсе это убежище! Здесь под Москвой где-то.

– Именно так, Феофилушка. Это вполне может быть! – поддакнула худенькая старушенция. И, качнула тонкими ножками, как пятилетний ребенок на лавочке.

– А чего? Здорово! Это же бесплатная экскурсия! Такого просто так не увидишь! – воскликнула Марина бодрым голосом. – Нам повезло! Вот потом в техникуме расскажу! Обалдеют!

– А мы думали, что здесь так далеко надо ехать до следующей остановки, мы ж в первый раз, – вставил один из чемоданщиков, парень с рюкзаком, Федя. – И че дальше? Мы ж к Петьке опоздаем! Он нас столько ждать не будет! А потом че? Мы сами не доберемся до стройки. Мы же на него надеялись.

– Спасут! Начальство все видит! Скажут им, что поезд пропал, вот они искать и начнут, – вставил авторитетно гражданин с лысиной. – Может быть, мы по запасному пути катаемся. Вычислят. Вечером будет диспетчер отчет делать. Одного поезда нет! Куда же он пропал?! – перешел на женский голос и театрально развел руки лысый гражданин.

– Ну, скучно нам здесь не будет! – засмеялся добродушно Черная Гора. – Театр в вагоне! – объявил он поставленным голосом Левитана.

– Во! – поднял большой палец вверх гражданин с толстым портфелем. – Молодец, Толик! Так держать!

– А если в бункер?! – воскликнул Федя, и даже открыл рот от довольной улыбки. Там ведь еды полно! А с харчами, не пропадем, пока искать будут, питаемся! Там, говорят, запасы на сто лет! Тушенка, вода, крупа, водочка! – снова заулыбался он. – Водочка обязательно, это стратегический продукт! Для солдат. И раны промыть можно!

– Консервы! А открывать чем будем? – сощурил глаза включенный мужчина. Юрий Николаевич.

– Во! Открывалки у нас с собой! – Костя достал из кармана открывалку и повертел ею в воздухе. – Наедемся! С голоду не помрем, и помощи дождемся! Да там, наверное, и охрана есть. Люди! – радостно заулыбался своему открытию он.

– А если это военный бункер, там не охрана, там все на автоматике?! – воскликнул Славка, парень с «айпадом». – Ну, конечно, как же еще? Век компьютеров. И чтобы попасть к жратве, нужно знать код! Так что пограбить бункер будет проблемно!

Вздых разочарования вырвался у пассажиров.

– А если, он охраняется, то тоже ничего хорошего, – сказал рыжий парень, Костя.

– Почему? – удивились девчонки.

– Потому что мы будем – лишние свидетели! – ехидно проговорил включенный гражданин Юрий Павлович и подмигнул Косте.

– Прав мужик! Кому же нужны лишние свидетели?! Может, там еще чего секретное держат. А мы тут всей кодлой! «Они слишком много знали!» – вставил он фразу из детектива, и показал, как расстреливает присутствующих.

– Или в тюрюгу запрут, – показал решетку мужчина с колючим взглядом и наколкой на руке.

– И никто не узнает! – вздохнул Костя.

– И никому не расскажут! Все шито-крыто! – поддакнул ему Колян.

Черная Гора тряхнул головой и снова нажал с силой на кнопку. Не отрывая палец от кнопки, он приготовился говорить и уставился в громкоговоритель.

– Эй ты, придурок, ты куда нас везешь, зашнул что ли!? – прокричал он в микрофон, не дождавшись ответа.

Ему ответила тишина. Парень с досады стукнул по корпусу вагона.

– Ну, ты, Шварценеггер, потише! – набросились на него несколько пассажиров.

– Сила есть, ума не надо! – поддакнули другие.

– Сядь! Не распускай руки! – взвизгнула на него худенькая бабулька.

Парень нагнул голову, сел на сидение, расставив, как и прежде ноги и, облокотившись на спинку, покраснев снова.

У Лены вдруг опустились плечи, и все ее мышцы потеряли твердость, она закрыла глаза и села на лавку. Девушка с книгой, села рядом и прошептала ей на ухо:

– Я, я очень хочу! Если еще минут десять ехать, то что делать!?

– Я тоже, – сказал Черная Гора, поняв по разговору и жестам девушки, о чем идет речь.

– Если нас не высадят, я налью прямо здесь. Плевать мне на все! Пусть, лучше лопнет соевая! – воскликнул Костя.

– Вот в этом ты, парень, прав! – опять заухмылялся Колян. – Этак, и всем нам мужикам конец придет! А жить-то, хочется! Сколько еще ехать будем!? Никто не говорит!

– Давайте поделимся на мальчиков девочек, – предложил Костя.

– Все сюда! – воскликнул громко лысый гражданин. – Думать нужно. Эй, ты, с «падом», пиши!

– Чего писать?! – удивилась Лиза, девушка с книжкой.

– Пусть пишет: «Сели в вагон на остановке такой-то, время такое-то, сколько человек...» Нужно написать все имена. Если нас не найдут, так хоть в списках будем! – объяснил он. – Порядок – самое главное!

– Ладно, бухгалтер вы наш, сейчас заведу страничку. Так, – сказал Славка, с «айпадом», – готово! Начинай по очереди. Имя, и что думаете, по поводу нашего вояжа.

Лысый гражданин поднял вверх сжатые руки и одобрительно улыбнулся Славке:

– Именно так! – кивнул он ему.

– Началась атомная война! – выдал гражданин со включенной кучкой волос и представил: – Юрий Николаевич Быстров. Пиши, пиши.

Потом, кто знает... – поднял он плечи и сделал скорбную физиономию.

– Если бы она началась, ты бы уже первый здесь лежал! – буркнул Черная Гора.

– Сбилась система контроля. Поезда остановились, а у нас что-то случилось с водителем, и поэтому мы едем по кругу, – сказала девушка с книжкой. Меня зовут Лиза Пашина.

– Возможно, и это был бы неплохой вариант, но в таком случае отключили бы питание, – сказал Валерка. – Я – Валерий Кузнецов!

– На нас проводят испытание, что будет делать человек, попав в такую ситуацию. Или снимают скрытой камерой, – предположила Лена. – Лена Вялова,

– Возможно! – подозрительно посмотрел вокруг и на присутствующих Черная Гора. – Ну, если обнаружу, придушу! Давай, сознавайся, кто с камерой?! Лучше говори сейчас!

Все молчали. И все же эта фраза закралась в их душу надеждой. Пассажиры стали оглядываться и искать подозрительного человека с камерой.

– Если скрытая камера, то оператор сам не выдержит. Сколько можно без питья и туалета сидеть в этом пространстве?! – возразила Лена сама себе.

– Камера, может быть, встроена в вагон, и тогда они ничем не рискуют, а мы, как дураки! – неуверенно сказал Славка, который писал на айпад.

– Да, точно! – подтвердила Лиза. – Она где-нибудь наверху, чтобы все было видно. Ой, а мы про туалет! Стыдоба!

– Давай! Ты, ты и ты! Все смотрим и ищем камеру! – скомандовал Черная Гора, покрутив желваками.

– Как зовут-то? Молодой человек! – спросил въедливо Юрий Николаевич.

– Обойдешься! – буркнул Черная Гора.

– Обойдешься! – передразнил его Юрий Николаевич. Он встал в середину собравшихся в позу лектора, еще больше взлохматив волосы рукой, торжественно провозгласил: – Слушайте меня! Я вот тут подумал и получается! Если мы едем, то значит, на этой дороге есть рельсы.

– О!!! – захолопал Валерка, деланно засмеявшись. И ему поддакнули хлопками девчонки.

– Если, они есть, то должны куда-то вести и быть не бесконечными, то есть существует конечный пункт, – продолжил Юрий Павлович, не обращая внимания на смех. – И, если, учесть размеры Москвы и Московской области, мы вскоре должны остановиться! Минут сорок, максимум! Мы же сели в метро не на конечной остановке. Значит, полпути поезд уже проехал! – победно закончил он.

– Если, учесть размеры России, то будем ехать еще несколько суток! – съязвил Черная Гора. – Ну-ка, посчитай! Скорость примерно километров двести. Пятнадцать тысяч разделить на двести и на двадцать четыре, получается три дня.

Лена посмотрела на Черную Гору с симпатией: «Да он остроумный. И симпатичный, когда не хамит».

– Три дня! Пустяк! – обрадовался юноша студент.

– Пустяк – дело относительное! Я уже на пределе, я пива напился, – сморщил лоб Черная Гора. – Меня в десять часов коллектив ждет. Мне могила! Я же все сорвал! – парень схватился за голову и побледнел.

– Не переживайте так, молодой человек! Вас как зовут? – обратилась к нему Лена.

– Толик!

– Так вот, Толик, – продолжила она. – Я тоже на работу опаздываю, но ни вы, ни мы не виноваты! Это ситуация такая странная, и от нас не зависящая. А потом: нет худа без добра! Может, для вас это лучше, только вы потом об этом узнаете. Это, как на «Титаник» опоздать. Вроде и жалко до невозможности, а потом радостно! Не утонул!

– Ну кто что еще провещает? – проворчал Толик. – Судя по бесшумному движению скорость космическая, ведь мы не видим ничего. Мы плывем в вакууме!

– Что же мы выброшены по рельсам в космос что ли? – хихикнул Колян.

НЕ ВСЕ ТАК ПЛОХО!

– А я знаю! – сказала Надежда Николаевна. Женщина в старомодном пальто и в платочке на голове.

– Что? Говори мать! – махнули головой га-старбайтеры.

Женщина подняла загадочно брови, сохраняя на лице очень странную улыбку:

– Мы попали в пятое измерение! Или мы все умерли и несемся по туннелю к свету!

Надежда Николаевна закончила свою мысль и посмотрела на окружающих.

– Ну, ты, мать, даешь, ты-то откуда про измерение знаешь?! – удивились Славка и Валерка.

– А я девка умная была в молодости! – улыбнулась Надежда Николаевна и потеряла руки. – Я и сейчас еще ничего. Я книжки фантастические люблю читать и программу «Необъяснимо, но факт» люблю смотреть. А еще была такая книга «Когда камни разговаривают», – женщина хотела сказать еще что-то, но ее перебил Толик.

– Стоп! – закричал он. – Мать, в этом что-то есть. Итак, что мы имеем? Скорость невозможная для техники обычного вагона метро. Время

не выдерживает никакой критики, водитель не отвечает, телефоны молчат. Иначе, как сверхъестественным, это объяснить нельзя!

– Ну конечно! – обрадовалась Надежда Николаевна. – И тот свет есть, и другое измерение! Ученые это же уже давно изучают, и уже много подтверждений нашли! Неужели мы попали в параллельный мир?! – загадочно, и с удовольствием, спросила она всех и саму себя.

– Ну да, я тоже сто раз смотрел по телевизору, – сказал Юрий Николаевич, перестав взломачивать волосы. – И что получается? Если мы едем по темному коридору, а потом увидим свет, значит мы все того, покойники?

– Почти! – постаралась успокоить его Надежда Николаевна. – Пока мы несемся по коридору, то мы еще не покойники! Мы только еще в клинической смерти. Из коридора часто возвращаются! Придешь туда, а тебе говорят, – ты еще не все сделал! Тебе еще рано! Вот и выживешь! Раз, и вернешься!

– А чегой-то мы все сразу?! И почему все в одном вагоне? – удивилась Зина, безвкусно одетая женщина.

– А что все сразу? В день умирает куча народа, а вагон для них, возможно, один! – развел руки Юрий Николаевич.

– Получается, раз мы в одном вагоне, значит, со всеми нами случилось что-то трагическое, и мы, не успев понять, что умерли, очутились в коридоре? – задала вопрос Лиза. – А я не хочу умирать, нужно выскочить из вагона и бежать назад, пока не увидели свет, если свет увидим – все, оттуда уже не выберемся! – всхлинула она.

– Эх! – вздохнул лысый мужчина. – Да туда еще и не всех берут. В свет-то! Говорят, ты должен исправить свои ошибки! А многие, кстати сказать, не очень и хотят возвращаться! – Он развел глаза к небу.

– А ты бы хотел? – спросил его один из га-старбайтеров, Колян.

– Если бы вернуться в ту минуту, как садиться в вагон, то не хотел! Тогда ладно, лучше вернуться! Там меня дома и Клава ждет, и аванс сегодня выдадут! Сюда всегда успеем! – махнул он рукой. – Но, а если, мы вдруг очнемся в склифе?! Это не очень здорово! Тогда уж лучше здесь остаться! Здесь тоже неплохо, по крайней мере, руки и ноги, и все остальное! – хихикнул мужчина.

Он напряг лоб, посмотрел на девчонок и утвердительно сказал:

– Раньше я за собой ничего такого не замечал. Только цифры чертовы. Всю жизнь испортили, что выходной, что праздник, сидишь и копейку в отчете ищешь! Уж все себе отсидел! И очки нажил! – пожаловался он.

– Да ладно, прибедняться, – посмотрела на него ехидно Зина. – Небось, за свою копейку миллионы получаешь?! Чего тебе на тот свет спешить? Небось, по Канарам да по другим за-границам разезжаешь? Живи, не хочу! Знаем мы вас – бухгалтеров!

– А что, тот свет?! Мы и там приспособимся, там нас, таких, уже пруд пруди! Я думаю, освоили уже тот свет наши! – помахал неопределенно пальцем сухонький старикашка, в драповом пальто и цигейковой шапке «пирожок».

– Если в «скилфе», да кому охота инвалидом проснуться? – высказался мужчина с бородой. – Я бы пожил еще, завтра праздник большой, божественный! Христос родился! А мы помирать! Нет не пора!

– Если не остановимся и пропадем, то маму жалко! – сказала грустно Марина.

– А мне с внуками сегодня сидеть надо, – всплеснула руками безвкусно одетая женщина.

– А у меня дом не достроенный, дача, – досадливо махнул рукой мужчина с портфелем и сделал скорбное лицо.

– А у меня, сегодня праздник! – подумала Лена, и вдруг вспомнила про сумки с салатом и вином. – Кому он теперь нужен? На том свете и не едят наверное? И вино, тем более, не пьют, грех! О Господи, неужели это правда!? Тот свет. Другое измерение. Параллельный мир! Откуда?! Ведь все было обычно! Утро, метро, давка.

– Пора о душе подумать! – сказал тощий старичок, который до сих пор молчаливо стоял в группе разговаривающих, и смотрел то на одного, то на другого. – Грехи вспоминайте, ведь в Свете сначала грехи учитывают. Там все как на рентгене, они там все видят, и ничего не скроешь! Нужно успеть покаяться.

– Ты что делаешь, Толян! – мужчина с толстым портфелем подскочил к Черной Горе, который пытался открыть двери.

– Я не собираюсь здесь сидеть, лучше смыться. Давай вдвоем, Алексей Николаевич!

– А если покалечишься, скорость-то какая! Такая, что голову срежет, да по стенкам так пошвыряет! Что мокрого места не останется! Ты этого хочешь?

– Так все равно мы на тот свет летим. Где наша не пропадала! – подошел к Черной Горе гастарбайтер Костя. – Время еще есть, давайте сначала продумаем, как прыгать. А потом уж и того, прыгнем! Открыть-то можно. А что потом?! Ты сможешь на такой скорости выскочить?

– Шарахнем по задней двери, а потом повиснем на поручнях, – услышали они чей-то совет.

– По ходу поезда прыгать надо! Меньше удар! – услышали они подошедшего к ним мужчину в кожаной куртке с колючим взглядом.

– Ты сможешь, а бабки, а женщины? – спросил Черная Гора, и Лена посмотрела на него удивленно.

– Мне с ними детей не крестить! – воскликнул мужик с колючим взглядом. – Это их проблемы.

Он подошел к задней двери, и хотел шарахнут по ней ногой.

– А где конечный вагон? – язвительно спросил мужичок со включенными волосами. – Ты уверен, что мы едем туда? Я, вот, совсем запутался, пока туда-сюда ходил. Мне кажется, что мы едем туда! – показал он в противоположное направление. По-моему, мы даже летим вверх или, наоборот, падаем вниз!

СПАСЕНИЕ И ПОКАЯНИЕ

– Свет!!! – вдруг завопил тощий старикан. – Говорил вам, кайтесь, не послушались. А теперь все! Господи, прими меня грешного! – завопил он и встал на колени, осеняя себя крестом. – Господи, прости мне грехи мои! Кайтесь, кайтесь! – завопил бабкам старичок. – Может, еще успеете!

– Господи, прости меня грешного! Бес попутал! – воскликнул испуганно мужик, в кожаном пиджаке, и, достав из кармана несколько кошельков, бросил их на сидение: – Разбирайте, не нужно мне чужого, век красть больше не буду!

– Боишься, когда страшно?! Ко мне, все быстро по очереди! Я батюшка, я вам могу грехи отпустить, если крещеные. Ко мне, и быстро кайтесь, и «Отче наш» читайте! – грозно воскликнул полноватый мужчина с бородой, и, расстегнув пальто, достал оттуда мощный крест. – Прощаю, прощаю, прощаю... – крестил поп отходящих – Дети мои, грехи ваши тяжкие, ибо в Евангелии они записаны, а вы их не блюли. Но самый страшный грех – это неверие в Бога. Кто из вас в Него не верит?

– Верим, верим! – закрестились все.

– Тогда повторяйте! – поп начал читать молитву, и все стали повторять его слова, потому что ни один из них молитву не знал до конца. Только первые фразы, – Отче наш...

– Я всегда верила в Бога и в церковь ходила! – уверяла женщина с кошелками. – За всю жизнь мухи не обидела! А только сама обиду терпела!

– А я всегда знала, что что-то есть, – провозгласила Надежда Николаевна – любительница фантастики и посмотрела в окно на приближающийся свет.

Он приближался медленно, от этого можно было понять, что он был очень далеко. Но неожиданно вспышка света заставила зажмурить глаза. Свет был такой силы, что проникал даже сквозь закрытые глаза, и поэтому наши пасса-

жиры несколько минут сидели с зажмуренными глазами, еще и закрытые для верности руками, а когда осторожно открыли, то увидели, что вагон остановился, двери его открылись наполовину, как будто их заклинило. В вагоне запахло гарью.

– Горим! – похолодело у всех внутри.

Лена посмотрела на дверь, в которую уже прорвался Толик, он раздвинул как можно шире створки, упершись в них руками и ногами. И, видно, хотел выскочить первый. Но тут подскочил вскоченный мужичок и стал пролезать первым, отталкивая парня, держащего дверь. За ним с визгом устремилась баба с кошелками и два гастарбайтера. Они отпихнули и бабу, и мужика, на ходу шарахнув мужика чемоданом по голове и выкинув кошелки тетке. Но баба оказалась шустрая и нахальная, как танк. Она, подхватив свои кошелки, снова пошла на абордаж.

Толик оказался пригвожденным к дверям, без возможности двигаться, и лицо его стало бледным. Ему нечем было дышать! Двое гастарбайтеров, не бросая свои чемоданы, лезли в щель, закупоривая ее, за ними, хватая впереди стоящих за волосы, и отпихивая их от прохода, пробивалась женщина с кошелками. Волосы у нее растрепались, а лицо превратилось в огромный арбуз на срезе. Лена посмотрела на оставшихся. Дым заполнял потихоньку пространство вагона, а бабульки, женщина в платочке, молодежь и еще несколько пассажиров стояли у следующей двери и беспомощно смотрели, как дверью овладевают более наглые пассажиры.

– Мужики, будьте людьми! – прокричал парень с «айпадом». – Здесь женщины, старушки, они не смогут выйти, а я один не справлюсь.

Но вся эта дерущаяся и рвущаяся к двери масса, посылая друг друга кулаками, отцепляя от дверей чужие руки, бултыхалась в дверях, как безобразный мякиш слепленных тел.

Маринка и Валерка позвали Лену и предложили надавить всем вместе на эту массу, чтобы пропихнуть их в дверь. И когда это получилось, дверь вместо того, чтобы пропустить следующих пассажиров захлопнулась! С ними вместе провалился в черноту и Толик, Лена только увидела, как его перевернуло вверх ногами, и все!

Все растеряно посмотрели друг на друга и на просачивающийся в вагон дым.

– Все, что ли?! – услышали они раскатистый смех за вагоном. И, как показалось Лене, он был похож на голос Феофилы, той старушки, которая была потолще.

– Все! – прокричал голос Серафимы. – Тебе тринадцать, мне одиннадцать!

– Ну, что я тебе всегда говорила! – захохотал голос за вагоном. – Моих больше!

– Будем бороться! – крикнула вслед улетающему голосу Серафима. – За каждую душу!

– Давай, давай! – засмеялся голос Феофилы. – Тебе не привыкать. А вообще-то, возьми одного назад! И в вагон через окно влетел Черная гора. Он плюхнулся на сидение и, распластавшись на нем, скатился вниз.

– Это артист, по ошибке! – захохотал голос за вагоном, и все стихло.

– Во дает! – воскликнула Лена, удивляясь, тому, какой же там за окном вихрь, что парня сначала выкинуло, а потом бросило назад. – Это же и помереть можно от такого удара! – ужаснулась она и подбежала к парню.

К Толику подбежал и мужичок с портфелем, стал ему помогать, причитая:

– Ну, Толик, ты даешь. Я уж за тебя так испугался, тебя раз – и нет! А потом, раз – и ты здесь! Зачем в дверь-то полез?! Тебе больше всех надо?!

– Не делай добра, не получишь зла, – проговорил парень, потирая голову и вставая с пола. – Ишь, озверели, женщин и бабок пропустить не могли. Я-то хотел дверь придержать, а они!

Парень, кажется, еще не мог отойти от обиды и еле сдерживал слезы. Он показался Лене, сразу каким-то маленьким мальчиком, которого обидели в песочнице.

– Это что было? – удивился интеллигентного вида старичок. – Ты с кем, бабка, переговариваешься? И куда твоя подружка делась?

– Будет время, узнаешь. Может быть! – ехидно усмеялась Серафима и распрямила плечи. – А теперь, приготовились, и – раз!

Она весело взмахнула рукой, и дверь вагона открылась!

ПРИЕХАЛИ, или ЛИЦЕМЕРНЫЕ СТАРУШКИ

В вагон ворвался свежий ветерок и принес с собой сверкающие и пушистые снежинки.

– Ой! – выдохнули все. – Это что? Конечная остановка?! А мы куда приехали?!

– Выходи, – скомандовала Серафима. – На рождественскую елку вы приехали.

– А они? – спросила Лена, имея ввиду выскочивших из вагона.

– А они домой вернулись. И поделом! Насильно не осчастливишь! Вы же люди, а Бог дал вам право выбора! Помните? Вот они и выбрали, – проскрипела Серафима.

– Ну да, – неопределенно произнес старичок, пригладив волосы, да они уже у него и сами легли под ветерком и покрылись снежинками. – Шапку в вагоне оставил, свалилась! – сокрушенно сказал он, порываясь вернуться в вагон. Но вагона позади уже не было!

А впереди перед пассажирами было снежное поле из пушистого снега! На синем небе вдали

сверкало северное сияние, в середине которого, как в хвосте жар-птицы горело пятно яркого белого света. И этот свет так манил, и даже затягивал в себя, что все пошло прямо к нему. Добрый ветерок поддувал и, как будто, облегчал их путь, неся людей как воздушные шарик, лишь немного оторвав их ноги от поверхности.

– Идем дальше! – властно приказала Серафима, наши пассажиры удивились, как преобразилась старушка. Ее лицо стало молодым, гладким, глаза сверкали синими огнями, но, главное, она стала почти невесомая и сверкающая. Движения ее стали плавными, а тело почти прозрачным! И голос! Он стал красивым и звучным. Посреди всего этого чистого, нежного и ослепительно светлого, зимняя одежда бывших пассажиров казалась слишком грубой, и не подходящей для этого места.

Сумки Лены и Зины, да и толстый портфель лысого мужчины, никак не вязались с этим волшебным светом, елкой, блестками и ощущением свободы. Да и вообще, люди, вышедшие из вагона, были здесь лишними. Они и сами чувствовали свою тяжесть и грубость по сравнению с тем, что они видели и куда попали.

Свет приближался. Он был очень странный, и его яркость была радостно приятной, но, не земной. И вскоре он занял собой все, а перед глазами путешественников возникла поляна и елка! Высокая, статная, покрытая снежными шапками, украшенная сверкающими шариками и мерцающей мишурой.

– Волшебнo! – подумала Лена, разглядывая странные украшения.

Необыкновенные снежные и ледяные птицы с длинными хвостами сидели на ветках елки, маленькие золотые солнышки сверкали из-под веток то там, то сям, изящные серебряные диски месяцев качались и рассыпали вниз сотни бриллиантовых звездочек и качались в такт серебряной музыке колокольчиков, висевших рядом и качавшихся от нежного ветерка. Какие чудесные шарик висели на ветках, ни одного одинакового! А снежинки кружились и кружились. С неба, падал снег пушистый чистый, но холодно не было. Было абсолютно чисто, свежо, светло и спокойно. Все стояли, задрав головы вверх, завороженные этой красотой.

– Нравится?! – спросила довольная Серафима, наблюдая за реакцией своих подопечных.

– Да-а-а! – с восторгом воскликнули все. – Мы такую красоту никогда не видели.

– А я видела, во сне! – вздохнула Надежда Николаевна. – Именно такую! Мне тогда было пять лет!

Она задумалась, как бы вспоминая какие-то свои подробности.

– Где мы? – спрашивали все.

– Слишком уж здесь все необыкновенно. Заповедник что ли? – спросил старичок с бородкой.

– В каком таком заповеднике ты видел северное сияние и такой чистый снег? – посмотрел на него сухонький старичок. – Абсолютная чистота, красота и свежесть! Здесь же даже следов нет никаких. Если кто-то елку ставил, должны быть следы! – посмотрел он на пассажиров и на Серафиму.

– Правду говоришь! – воскликнул батюшка. – Да мы же сами, как Иисус по воде, по снегу шли, а где следы, посмотрите! – воскликнул он.

Пассажиры оглянулись. Нигде позади, и, даже здесь, где все они толпились, глядя на елку, следов не оставалось! Поляна оставалась пушистой. Валерка с Маринкой попробовали специально помять снег ногами, но у них это не получилось. Тогда Маринка и Валерка бросились в пушистый снег и стали посыпать себя снежинками. Снежинки падали на них и не таяли, и не портили красивый вид пушистых сугробов. Славка попробовал тоже упасть в сугроб, за ним последовали еще несколько пассажиров помоложе. Те, что постарше, стали поднимать снег в горстях и кидали его вверх. Их смех, и восклицания раздавались с медленным ритмом, голоса плыли, и поэтому долго доходили до слуха.

Лена тоже села в сугроб, подбрасывая в руке снежинки, и, глядя на их падение. Она заметила, что прилагает усилие, чтобы думать, слышать и говорить. В то же время, радость и красоту момента она понимала очень ясно.

– А я тоже так говорю? – подумала она вслух, услышав свой собственный голос, который также плыл в каком-то медленном круговороте звука. – Мы куда пооопааали?

«Буду молчать, – подумала она. – Так прощ!».

Того, что видели пассажиры и что они ощущали, хватило, чтобы занять их голову и восхищаться, и удивляться в душе.

УДИВЛЕНИЕ

– Владимир Михайлович! Ты что мне ничего не сказал, здесь съемки или кастинг? – удивился Черная гора. – Вроде тематика не та, я пробовался на роль члена солнцевской банды, а тут какой-то сказочный райский вариант. Ты сам-то чего-нибудь понимаешь?

– Сам ничего не пойму, какой кастинг?! К раю ближе! – стукнул себя по лбу мужчина с портфелем. – Вспомни электричку, мы как в космос улетели, а эти психи молились, в грехах каялись. А бабки? Прямо святые! Может, правда, из ряда вон выходящие обстоятельства? Завтра Рождество! Помнишь Гоголя? Чудеса! Вот и с нами они

произошли. Или мы вместе видим один и тот же сон! Сон перед Рождеством!

– Я вначале, пока в роль входил, как-то не раздумывал над происходящим, – произнес парень, восхищенно оглядывая вокруг.

– Вот-вот, я и сам не все понимаю. Костюмы, бутафория, елка, да я такого великолепия еще не видел. Может, наши новые миллиардеры так развлекаются!? Во, живут!

Но, все эти предположения, были лишь слабой попыткой объяснить им самим реальными понятиями чуда происходящего.

«Сейчас бы туфли, бальное платье или даже крылышки, чтобы летать порхать, как все эти снежинки», – подумала Лена, и вдруг, ощутила, что поднялась в воздух!

Да и другие пассажиры преобразились. У них у всех тоже появились крылья, как у бабочек, и было смешно смотреть на крылатого батюшку с бородой и упитанным животиком, на женщин, похожих на пчелок, на Славку, который порхал, не выпуская из рук своего «айпада», и был похож, за счет наушников, на большую муху!

– Что это? – засмеялась Лена, посмотрев на себя в один из шариков. – Шарик, почему-то стал большим, а мы все маленькими!? Мы сами, как елочные игрушки, как летающие стрекозки! Летает! – она снова полетела вверх, а потом, распустив крылышки, стала плавно спускаться вниз, как на парашюте.

Как весело было летать и смотреть на других, садиться на ветки елки, качаться на шариках. Люди, как будто, и не удивились такому превращению. Да они просто так обрадовались, что уже не думали о том, что так не бывает. Все упивались порханием, свободой, запахом елки и каким-то восторгом, охватившим их души. К Лене подлетел Черная Гора. Они, почти что, столкнулись с ним лбами, подлетев к одной и той же птице из инея.

– Ой! – воскликнули они вместе и весело рассмеялись.

Парень протянул Лене руку, и они полетели вместе к верхушке елки. Сев на один из ее лучей, они снова рассмеялись и, посмотрев вниз, весело помахали руками Маринке с Валеркой. Им было приятно летать вместе, это было ощущение детства, радости и какой-то защищенности, и безнаказанности.

Лена и Толик держались за руки и смотрели вниз на женщин пчелок, на батюшку шмеля, на муравья с крылышками, которым они назвали летающего тощего старичка. Они хохотали, болтали ногами, как в детстве и, казалось, забыли обо всем на свете! И то, что было, и то, что будет, их в этот момент не интересовало, как и больше не удивляла сама странность этого состояния.

– Тебе идет румянец! – восхитился Толик. – И у тебя такое красивое имя! Леночка! И посмотрел на нее так, что в ее сердце поселилось счастье и умиротворение. Та капля беспокойства, которая была где-то в глубине ее души, растворилась. И Лена поняла, что теперь все будет хорошо всегда.

«Ведь рядом со мной он!» – вдруг поняла она источник своего счастья.

Толик чмокнул Лену в щеку, а она чмокнула его и, спрыгнув со звезды, они полетели на другую ветку, потом на бирюзовый шарик. Они спустились все ниже и ниже. Потом, схватившись за руки, с другими летающими пассажирами, они стали странной лентой серпантина состоящей из маленьких крылатых фигурок и полетели вокруг елки, ведя вокруг нее хоровод, и запев песню: «В лесу родилась елочка!..» Батюшка возглавлял ленту, а лысый старичок замыкал.

– Ну, хватит, спускайтесь! – услышали они звенящий и добрый голос Серафимы.

Все послушно спустились и окружили бывшую бабульку, которую теперь так назвать можно было бы с большой натяжкой, разве только, по привычке.

– Времени у нас не так много! – сказала Серафима, со строгим лицом. – Безразмерная секунда тоже имеет свой размер. Поэтому полетали, и к делу! Стройся! – крикнула «бабулька» Серафима. – И на сцену, шагом – марш!

СТРАШНЫЙ СУД

Все пассажиры снова стали самими собой. Крылышки их куда-то растворились, и они, встав на снег, послушно пошли туда, куда им указала Серафима. Идти снова было легко, как будто какой-то нежный ветерок, образовав между их подошвами и снегом, тонкий ковер самолет, нес всех вперед. Они шагали, но не испытывали тяжести.

– Располагайтесь, – Серафима показала на сферические сооружения, внутри которых были одноместные сидения. – Говорю сразу, чтобы не было лишних вопросов: «Вы здесь для тех, кто работает под моим началом. Это им рождественский подарок. Каждый из вас – подарок! И если вы с умом, то найдете пользу и для себя. Все в мире двояко, по деревяшке топором стукнешь, и то отдача в руку», – засмеялась бабулька, посмотрев на худенького старичка.

– Да, точно, на даче расслабился и получил. День работать не мог. Я по ней, а она, как вдарит по ладони, – удивленно посмотрел на нее старичок.

– Сильнее держать надо было, и бить тоже, резче и сильнее, – посоветовал Костя.

– Ну вот, все понимаете! – довольно воскликнула Серафима. – Как это ваш ученый сказал –

сила действия равна силе противодействия. Так что делайте выводы.

– Интересно, интересно! – прищурился бухгалтер. – А что это значит – им подарок? И кому это им? Это, знаете ли, похоже, как льву в клетку на день рождения котлет подбросить. И так вас понять можно?!

– Не бойтесь! – усмехнулась Серафима. – Мои работнички – благовоспитанные и гуманные. Я сказала: кто умный, тот услышит. А дураку и так не пригодится! – продолжала глаголить Серафима.

Послав привет Толику, Лена села в свой шарик. А Серафима удалилась куда-то, скрывшись в складках занавеса. Это было похоже на легкий полет и исчезновение, потому что, слишком легки были ее движения и бесшумны, а цвет одежды слился с цветом искрящегося занавеса.

«Это что, зрительный зал? – подумала Лена. – Перед нами сцена, но, спектакль еще не начался, потому что занавес закрыт. Что же мы сейчас увидим? Хотя, она сказала, что это не для нас, а для ее сотрудников, значит, это они будут зрителями?!»

Вскоре, как только все пассажиры разместились в своих шарах, вокруг поляны собралось много каких-то порхающих существ, которые уселись на ветках вокруг поляны, и щебетали, и хихикали. То одна птичка, то другая выбивалась из зрительского зала, и, подлетев к пассажирам, сидящим в шариках, замедляла свой полет и, застыв в воздухе, как бы разглядывали их вблизи. Лысый бухгалтер все старался смахнуть рукой этих назойливых, как комаров, птичек.

«Вот обнаглели, – ворчал он. – Чего щекочитесь?! Моя лысина вам не каток!»

Но приставучие существа порхали, катались по лысине туда-сюда. И по одному, и парами, их маленькие ножки щекотали, а их хихиканье было даже ехидным.

– Смотри, а они устроены как люди, это у них крылышки за спиной, и рубашечки как хвостики развиваются. Там и мордочки, и ножки с ручками! Лена высунулась из шарика, и протянула Толику свою руку, на которой разместились два таких существа. Они смотрели на ее лицо.

Толик показал свою ладонь, на ней тоже сидели снежные существа. Они хихикали и тыкали пальцем в его и Ленину сторону, и снова хихикали.

– Смешные! – Лена попробовала легонько щелкнуть их пальцем. Они быстро улетели и сели на бороду батюшки. Лена подставила руку, и на нее, как снежинка на варежку, село еще одно такое существо и доверчиво расположилось на руке, глядя на Лену заискивающей улыбкой маленького ребенка.

– Что же тебе дать, малыш? – спросила его Лена. – Ты такой маленький, у меня такого маленького ничего нет!

– Я хочу понюхать коробку с конфетками, – сказал малыш. – А если позволите, то я и лизну ее, совсем один разочек, – показал он свой хорошенький мизерный пальчик и умильно закатил глазки.

– Да, пожалуйста! Хоть съешь ее всю! – рассмеялась Лена на его просьбу и хотела достать из сумки коробку.

– Нет, нет! – прощобетало существо. – Я сам залечу в сумочку. А то, как все узнают и как все налетят, я хочу покушать конфетку первым. Как она называется?

– Это зефир в шоколаде, очень вкусно! – сказала Лена.

Малыш спорхнул с руки и исчез в сумке.

– О Боже, какой аромат, какой вкус, я купаюсь в нем, как в прошлый раз купался в запахе мандаринов! – услышала Лена.

В это время, в воздухе снежинки стали падать все чаще, подул приятный ветерок и снежинки закружились так, что ничего, кроме их кружевного танца видно не было. Это была удивительная метель, и когда она рассыпалась, то Лена увидела, что вокруг елки собрались люди, которые по форме напоминали обычных людей, но они были одеты в прозрачные сверкающие балдахины, искрящиеся неоновым светом, причем, у каждого своим. Лена посмотрела вниз и поняла, что шарики, в которых они сидели, теперь висят на елке. Она разглядела шарик с Толиком, с Маринкой, с мужчиной, вором кошелеков. Шарик был прозрачный и не мешали смотреть и слушать.

– Начинай, Серафима! – услышала Лена чей-то голос.

– Начинаю! – провозгласила Серафима.

– Люди! – обратилась она к пассажирам, сидящим в шариках. – Сейчас вы вспомните все свои самые счастливые моменты. Каждый вспомнит свой. Вы уже входите в память о нем, вы уже там, вы там...

Ее голос снова стал очень медленным, казалось, что ее слова текут и образуют круговорот, как у речки, текущей вокруг камня. Они текли и затягивали всех в свой водоворот, из которого, выбраться уже было невозможно. Лена ощутила себя кленовым листиком, который крутился, крутился, и его затягивало, затягивало все ближе к центру. Лена старалась сохранить свои отдельные признаки мышления, но, ее мозг, как не сопротивлялся водовороту, все-таки вошел в него, и она очутилась в своем детстве!

Лена держалась за руки мамы и папы, ей было пять лет, и они вместе шли гулять по городу. Светило солнышко, на асфальте деревья отбрасыва-

ли тени, Лена скакала на одной ножке и иногда поджимала ноги, чтобы папа и мама пронесли ее через кусочек дороги, как на качелях. Она летела и снова становилась на асфальт, радостно посмотрев на маму, увидев ее улыбку, посмотрела на папу, который, подмигнул ей и предложил прокатиться так еще. Потом было эскимо, шарики и кукла с головой из фарфора, с настоящими глазами и длинными волосами.

– Теперь вспомним самый свой плохой поступок. Тот, который остался в вашей душе до сих пор, который вы прячете от самого себя, чтобы не причинять самому себе боль, а про тех, кому вы причинили ее, вы не думаете? – услышала она завораживающий и в тоже время вкрадчиво командующий голос.

Мысли Лены побежали к другим дням, когда она обидела одного мальчика, сказав ему, что он толстый. Она вспомнила, как он покраснел и убежал от нее.

– Это было в третьем классе. А я помню это до сих пор, и мне так хочется сказать ему сейчас, что это просто вырвалось у меня, оттого, что он мне нравился, но я не знала, как себя вести. Ведь вокруг бегали на перемене другие одноклассники. Как мне хочется рассказать ему все это сейчас, чтобы он не вспоминал этого дня с обидой, чтобы ему на душе стало легче. Лена, почему-то, думала, что мальчик до сих пор помнит этот случай тоже.

– Возвращаемся, возвращаемся! – услышала она, как сквозь сон, слова Серафимы. – Достаточно. – Все записали, все учли? – строго спросила Серафима существ, которые сидели впереди пассажиров и смотрели внимательно на них.

«Они зрители! А мы? Кто для них были мы? Подопытные? Котлетки для льва в клетку? Старикашка-то был почти что прав. Да и Серафима предупреждала, что все это не для нас, а для них», – подумала Лена.

– Итак! – прозвенел голос Серафимы. – Рабочий момент закончился. А теперь к экзаменам. Каждому по соответствующему грешнику. Так, выходим и снимаем с елки свой шарик. Имейте, в виду, что выполнять инструкцию надо на сто процентов. Все занести в журнал. Приступайте, но помните, работу буду проверять! До встречи за праздничным столом! После посиделок с туристами! – усмехнулась она, показав на шарики сверкающей указкой, и на пустой праздничный стол на экране, светящемся прямо в воздухе над сценой.

– Бывший вор! – вызвала, находясь среди неоновых существ, сидящих перед сценой с елкой, Серафима.

Мужчина с ангельским выражением лица первым подлетел к елке и снял с нее шар. Лена увидела, что в нем сидел мужчина, который ка-

ялся в воровстве, и который успел стащить пару кошелеков прямо в вагоне, а потом выбросил их.

– Бывшая сплетница! – провозгласила Серафима. Подлетевшая к елке женщина с добрыми глазами сняла с нее шарик с Лизой.

– Бывший убийца...

Слышать такое было не только неприятно, но и страшно! Потому что, каждый раз после вызова Серафимы, существо в неоновой одежде, подлетало и срывало очередной шарик, унося его куда-то. Эти существа, похожие на людей, казались ангелами, и совсем не напоминали своим видом тех грехов, которыми их наделяла Серафима.

«Первый шарик с вором сорвал бывший вор! – просчитала в уме Лена. – Сплетница? Неприятно, но кто из нас не сплетничал, хоть один раз? И Лиза не исключение. Но в этом нет ничего страшного. Подумаешь, сплетница! Но убийца?! Это уже другое! Неужели среди нас в метро ехал убийца?!» – Лена пробежалась в памяти по запомнившимся лицам, и не смогла догадаться, кого выберет эта женщина в лиловом сверкающем балдахине, приближающаяся к елке. Это была женщина с кротким выражением лица. Она сорвала шарик с безвкусно одетой женщиной!

«Эта женщина убийца?! – ужаснулась Лена. – Она сидела рядом со мной, когда я стояла в вагоне! Да, она мне не понравилась. Но, убийца?!»

– Бывший прелюбодей! – продолжала вызывать Серафима.

Лена выглянула наружу, и увидела шарик с лысым мужчиной.

«Господи, этот мухомор, прелюбодей?! – ей даже смешно стало. В это время она услышала писк из сумки. – Ты что, малыш, еще там?» – удивилась она.

– Ой, а я надыхался шоколадом и заснул. Да еще конфету понакусал. Прикрой меня Лена, мне надо улететь, а то, меня не пустят на праздник, скажут, что я и так наелся!

– Подожди, – попросила Лена. – Объясни сначала, что здесь происходит! И кто эти люди, которые снимают шарики? И почему вы все хихикаете?

– Да ничего особенного не происходит! Такое у нас каждый день. Грешников-то много. Вот они и отрабатывают свои грехи. А тем, кто полностью отработал, как вы говорите, свою карму, дают сдать экзамен, то есть, вразумить и отратить человека от таких же поступков, которые он только еще может совершить, или открыть ему его заблуждения.

– Впавший в уныние! – услышала Лена, и шарик с Толиком улетел. Лена посчитала, сколько же шариков должно остаться. Оставался только ее шарик. Она не успела дослушать все ответы маленького существа, как услышала: – Детоу-

бийца... – услышала Лена, и волосы на ее голове встали дыбом. – Кто?! – возмутилась она, и в это время рука сверкающая и прозрачная протянулась к шарик, и Лена увидела красивое лицо и небесно-голубые глаза девушки.

– Почему я?! – хотелось закричать Лене.

– Не бойся, это тебе на пользу! – услышала она тихий щебет, растаявший вдали.

В следующую минуту Лена полетела вместе с этой рукой по воздуху, и, вскоре, мягко приземлилась. Дверь шарика распахнулась, как в метро, разъехавшись плавно в сторону, и она, почувствовав в воздухе запах сирени, ландышей или еще какие-то незнакомые цветочные ароматы и, с восхищением, вышла наружу.

ГОЛУБАЯ ДЕВУШКА

Перед Леной стояла прозрачная девушка, с длинными серебряными волосами, в которых, казалось, сверкали искорки голубого неонового света. Стайка, мизерных существ, прозрачных и сверкающих, похожих на маленьких шустреньких птичек, запорхали над ними. И, со своими, звонкими хи-хи, разлившимся в воздухе, как серебряные нити, улетели куда-то вдаль.

Девушка улыбнулась и, взяв Лену за руку, усадила ее на что-то, напоминающее плотный туман. И вскоре, пространство вокруг них стало приобретать более понятные очертания, хотя еще оно и было лишено полного соответствия той реальности, которая осталась там, в привычном для Лены мире.

Все здесь было какое-то не законченное. Здесь не было стен. Стулья, пол, потолок, просвечивались отдельными неровными поверхностями, и все вокруг было, как в легкой дымке, которая скрывает действительность. Да, и про стул, куда ей предложили сесть, Лена поняла только по обозначившейся в тумане плоскости.

Несмотря на это, ей почему-то пришло на ум кафе на Павелецкой. Все это напомнило ей те счастливые дни, когда она сидела в нем с Генной, и они разговаривали, разговаривали, и не видели никого вокруг. Они пили шампанское и ели мороженое с вареньем из лепестков роз. Потом он читал ей стихи, которые сам сочинил для нее. И в стихах, она была нежной ведьмой с рыжей копной волос.

«...Мне улыбнулась чудесная женщина темно – зелеными с грустью глазами...» – вспомнила она строчки стихотворения.

«Он тогда подарил мне коробочку французских духов. Коробку моего любимого зефира в шоколаде и веточку мимозы. Это был мой день рождения. Был март. И в тот день, казалось, что наша любовь не кончится никогда. Ах, вот почему я вспомнила это кафе», – поняла Лена.

Это воспоминание вызывал запах, вернее его оттенки, которые были здесь повсюду. Казалось, что она сидит в этом запахе, как в коконе!

Странно, но запах и чувства существовали вместе. Воспоминание о том дне было, как этот тонкий аромат. А этот тонкий аромат был, как те ощущения счастья и любви. Но, ведь это были разные понятия?! И, все же, они существовали вместе, будто они вместе написали ту волшебную мелодию любви. Запах и чувства!

Лена закрыла на минуту глаза, вспомнив тот день, и когда открыла, то увидела, что сидит именно там, за тем же столиком, с тем же тусклым освещением зала, с тем же интерьером, только одна. Вернее, не одна, а с прозрачной девушкой в голубом платье.

– Сожалею, но присутствовать здесь могут не все! – как бы в ответ на мысли Лены тихо проговорила девушка. Через минуту на пустом недавно столе появились две странные чашечки. – Пробуйте, это кофе, – улыбнулась девушка.

– Это кофе? – удивилась Лена, отпив глоток из невесомой чашечки. – Но у него нет ни цвета, ни запаха и ни вкуса?! Хотя все это отдаленно напоминает его.

– Сожалею, но вы правы. Это не кофе, это всего лишь воспоминание про него, – грустно сказала девушка. – А вы представьте настоящий и пейте. Только представьте получше! Например, сегодняшний, утром, у вас на кухне. Закройте глаза и отхлебните глоток. И пейте, пейте...

Лена закрыла глаза и представила глоток кофе и его аромат. Она снова очутилась на своей кухне, но с закрытыми глазами. Все было так естественно, что она даже подумала, что, открыв глаза, очутится у себя дома. Сон кончится, ведь это всего лишь странный сон! Но чуда не случилось. Открыв глаза, она увидела, что сидит на том же стуле, за тем же столом, в этом странном кафе – «Воспоминание».

– Получилось! – обрадовалась прозрачная девушка, увидев, что от кофе идет аромат. Она с восхищением посмотрела на девушку, и протянула к ее чашечке руку. – Вы не дадите мне попробовать из вашей чашечки, – стеснительно попросила девушка. Не дожидаясь ответа, она взяла в руки чашку, и с наслаждением, отпила глоток кофе. – Волшебное! – произнесла она. – Теперь мне этого воспоминания хватит лет на десять. Кофе! – она зажмурилась, и выпила еще глоток, блаженно улыбаясь.

– А в чем дело? – спросила Лена. – Я не совсем понимаю.

– Да у нас здесь так! Все, что принес сюда с собой в мыслях и памяти, все здесь с тобой! Все твои хорошие моменты в жизни, и все твои плохие. И цветы, которые ты видел при жизни; и животные, которых ты любил; и небо, на которое

ты смотрел; и кофе, которое ты обожал. Ну, и конечно, все твои ощущения, поступки и желания. Даже желания, будь они плохие или хорошие, здесь проявляются как произошедшее.

А уж то, о чем не знаешь, что не испытал, не попробовал, не совершал, этого здесь с тобой нет. Возможно, есть в памяти других. Ведь кто-то любил, а кто-то никогда не знал этого чувства. Кто-то сажал деревья, а кто-то ломал. Кто-то спасал людей от смерти, а кто-то убивал. Все это осталось у него в душе. Но у каждого свое.

Вот и получается, чтобы увидеть здесь, к примеру, океан, который я никогда не видела, поэтому и вспомнить не могу, мне надо найти того астроида, кто его видел. Нас зовут все астроида. Он вспомнит, и вы вместе с ним увидите и волны, и берег, и чаек. Для этого надо только влезть к этому астрониду в доверие, ведь в свою душу не каждый пускает, а бывает, что и жадничает, хочет быть один, единственный, и неповторимый! – сделала Астроид, осуждающее выражение лица.

– Да! Есть те, кто, например, помнит вкус клубники. Противно смотреть, как он ест на глазах у других клубнику, целую огромную чашку, такую огромную, как таз! И хвалится: «Ой, как вкусно, превосходно, божественно! А со сливочками, вообще язык проглотишь!» – передразнила девушка какого-то знакомого ей обжору. – А нам как всем хочется! Особенно тем, кто знал вкус клубники, но почти его забыл. Те, кто ее не пробовал, те спокойны. Им сравнивать не с чем. Но это я так к примеру. И вот он ест, хвалится, и тогда все хотят к нему в компанию, чтобы он им дал попробовать свою клубнику. А он дает только некоторым. И тогда на него, и на клубнику приходит мода. Клубничная.

Лена слушала с интересом, и сама сглотнула слюну при воспоминании о настоящей клубничке, сорванной на грядке у бабушки на даче.

– А вообще, здесь так. Здесь, у нас, ведь промежуточный коридор. Здесь все свои грехи искупают, очищают душу, и, в конце концов, освобождаются. Но некоторым это долго не удается, тогда они за это время пребывания в коридоре почти все, что с ними было хорошего, забывают. Все воспоминания и ощущения у них стираются, постепенно стираются! Зато гадость, которая прилипла, долго с ними ходит. Вот так! – грустно сказала девушка. – Жалко их, но что делать, сами виноваты, надо было при жизни быть добрее, милосерднее, и думать о том, что делаешь, и какие последствия от этого будут. Все, что видел в жизни, все, что прочувствовал, все, что испытал, попробовал, любил и не любил, все здесь с тобой. Надо только почаще, обновлять свои приятные воспоминания и ощущения, – повторила девушка, глядя внимательно на Лену.

– А как же этим пользоваться? – не поняла Лена. Как через воспоминания получить таз с клубникой?

– Это просто, можно сказать, почти без проблем! Все, что помню я, всегда здесь со мной, надо только представить, что ты хочешь и пожелать, сильно пожелать, вложить все мысли о своем желании. И вот! Все уже здесь! Его нет, пока вам это не нужно, и есть если хочешь. Такие законы нашего мира. Здесь ведь не ваш трехмерный, где все конечно, здесь безмерный, и все может быть, и может не быть. Как захочешь, – вздохнула она. – Вот, например, это кафе вам нравится?

– Да, неплохо, – посмотрела вокруг Елена. – Похоже на кафе на Павелецкой.

– Да это оно и есть! Как я рада, что вы не сомневаетесь в этом! – воскликнула Астроид.

– Я там провела несколько приятных дней, – улыбнулась грустно Лена. – И как это у вас получилось: вспомнить именно это кафе?

– Да это не я, а вы вспомнили его! – улыбнулась девушка. – Вот и вы научились вызывать трехмерные воспоминания. Ну-ну, продолжайте дальше. Я-то давно не была в кафе, прямо скажем, я в таком в жизни не была никогда.

– Да?!

– Ну, конечно, я ведь умерла в начале двадцатого века. Прямо после войны. В то время нам было не до кафе. А вы пришли из двадцать первого.

– Вы умерли?!

– Ну да, я же вам сказала, что здесь промежуточный коридор, сюда попадают все, кто умер. Сначала сюда, а потом видно будет, – улыбнулась она и махнула рукой.

– А откуда же вы вообще знаете про нашу жизнь, вы же понимаете то, о чем я говорю? – Лена, вопросительно посмотрела на девушку.

Девушка уже не была сверкающей. У нее было обычное лицо с нежной кожей, зелеными глазами, с рыжими волосами. Она была похожа на нее! Да нет! Она была точной копией ее самой! Свитер, стрижка. Лена посмотрела на ноги. Они были в таких же новых сапожках с высокими каблучками.

– Так я же здесь давно, и за это время, успела пообщаться здесь со многими душами. И из вашего времени тоже. Набираюсь потихоньку от каждого, – поправила она волосы и посмотрела на себя в зеркало.

– Пойдите, – Лена немного пришла в себя от музыки, льющейся непонятно откуда, которая вместе с летающими в воздухе искорками, убаюкивала. Пела Дайана Росс: «Доверься мне...» Мелодия лилась томно, нежно и чувственно. Все это как бы гипнотизировало, оставляя возможность не очень критически относиться к происходящему. – Но я? Получается, я тоже умерла?

Раз я здесь? – тихо спросила Лена. – И, что такое астроида? – Лена снова вопросительно посмотрела на девушку и отметила, что теперь перед ней сидела она сама, только в том же костюме и с той же прической, как год назад. И кафе было то же самое. Только кафе было пустое. Здесь не было других посетителей, бармена и Гены.

– Вы не умерли. Вы в предбаннике того света, – хихикнула девушка. – Вы пока еще не у нас, но уже и не у себя, Предбанник, коридор между жизнью и смертью, как хотите.

– А вы?

– А я житель этого мира. И бывший житель вашего. Я умерла! Да, да, я по-вашему покойник! – посмотрела она на Лену странным взглядом, от которого у нее побежали мурашки. – Да нет, покойник – это слишком грубо! – засмеялась она произведенному впечатлению. – Что это за зрелище – ходячий труп, – девушка опять таким же взглядом посмотрела на Лену, и снова ее спина покрылась мурашками. – Труп не может ходить, это все сказки! Он лишен энергии. Поэтому и не может держать душу. Она улетает, а все говорят, – человек умер! А на самом деле запоминайте: был живой человек. Когда он умер, от него осталось оболочка, которую вы при жизни называли тело, которое потом распадается на элементарные частички. Они, естественно, потом, через много веков, идут на постройку другого тела или другой оболочки. Так что, ничего в вашем мире не исчезает, и ничего не появляется ниоткуда! Баланс!

– И еще остается душа! Безразмерная, неделимая, и бессмертная душа. Ее уже никто, и ни что не держит. Электромагнитные связи разрушились, вот она и улетает. Это как в электрической цепи. Если она включена, то электроны бегут к лампе, и она горит. А если отключить, то нет электронов, нет и света. Я доходчиво объясняю? – спросила она. – Ну, так вот. Я – именно она! Душа! Я Астроида! – торжественно заключила она, увидев кивок Лены.

– Вы здесь с сороковых годов. Это мало или много? – спросила с интересом Лена.

– Вы хотите узнать, сколько грехов я накопила за свою жизнь? – усмехнулась Астроида.

– Ну да! Вы смотрите ангелом. Слово грех к вам не подходит.

– Я довольно быстро отработала свои грехи, и теперь почти свободна. Видите, какая я прозрачная. Она подняла руку, задрал рукав свитера, и Лена увидела ее сверкающую и прозрачную руку. – Но мне очень нравится работать с заблудшими душами! Так что я уговорила матушку Серафиму оставить меня здесь. Там всегда успею быть. А здесь я нужна, у меня опыт, я волонтер – по-вашему, – засмеялась девушка.

– А что же вы совершили плохого? – спросила Лена.

– Ужасное! – воскликнула Астроида. – Я совершила ужасное! Я убила ребенка! Нет! Нет! Это не то, что вы подумали! – подняла ладонь, и сделала отрицательный жест голубая девушка. – Я избавилась от еще не родившегося малыша! Мы тогда встречались с одним молодым человеком. Это была любовь, потому что, когда мы были вдвоем, мы не видели никого вокруг себя. Только он и я. Мы говорили, говорили. И всегда находили о чем! Какой он был красивый! Какой нежный! И так меня любил! Вы знаете, он называл меня Рожицей. Правда, забавно – Рожица!

– Рожица!? – воскликнула Лена. – Но, меня он тоже называл Рожицей.

– Интересно! – улыбнулась астроида. – Как же у вас все было?

Она внимательно посмотрела ей в глаза, и Лене показалось, что в ее голове и душе все как-то пришло в движение, в нее ворвалась весна, цвела черемуха, светило солнышко...

– ... было ощущение, как весь этот цветущий мир и ощущение счастья безмерного! Как будто, я обладала таким сокровищем, какое не может быть отдано в жертву другим, сокровище с которым ничего больше не нужно. Ты едешь в автобусе и улыбаешься. Сидишь на работе, смотришь в никуда, и улыбаешься, – вдохновенно проговорила Лена

– Так-так, продолжайте! – сказала девушка и томно вздохнула. – Какая она приятная эта ваша любовь. А я про эти чувства совсем забыла. Тем более, что потом было, все могло быть не так хорошо... Он был женат, – продолжала астроида.

– Да! – перебила ее Лена. – Он женат. Но он не любит жену, он мне всегда об этом говорил. А теперь он ушел! А говорил, что умрет, как чудиче в «Аленьком цветочке», если я уйду от него. И мне теперь так плохо!

– Вот, вот. И мне было очень плохо, – поддакнула Астроида. – Так обидно! Так все не понятно! И я в душе все повторяла, – почему, почему?

– А еще мы с ним хотели ребенка. Я много раз представляла, какой он будет.

– Я тоже ждала ребенка, – сказала тихо Астроида. – И тоже представляла, что он будет вот такой! Он так и остался в моих мыслях таким маленьким и хорошеньким.

Лена увидела, как, к Астроиду подбежал малыш. Он прижался к ее коленям, заглянул в лицо, показал ей свой язычок, и весело рассмеявшись, на свою проказу, быстро убежал. Он исчез!

– А узнав, что мой Гена меня бросил, я избавилась от него. От этого чудесного малыша. Но, я ведь думала тогда только о себе, и представляла ребеночка всего лишь сгустком крови. Так было проще.

– Но я не жду ребенка! – испуганно посмотрела на девушку Лена, потому что все эти горькие

признания Астроид, как бы обвиняли именно ее саму. – И я не избавлялась от малыша!

Все в рассказе девушки Астроид сходилось и повторялось. И ее внешность и, даже, имя ее молодого человека! Все было как у нее, у Лены!

– И слава Богу! Но это может случиться потом. Если он вернется! Он красивый, я вижу. И очень высокий! – продолжала Астроид.

– Да! – грустно улыбнулась Лена.

– И ваши дети, например, девочка, была бы тоже очень высокой, как модель, ведь у вас сейчас это модно?

– Да, худые и высокие в моде, – медленно проговорила Лена.

– Этого с вами еще не случилось, но могло случиться, не сегодня, а в будущем. Ведь мужчины часто обманывают женщин. Они все или холостяки, или не любят жен. А вы знаете, что когда он приносил вам конфеты или цветы, в его портфеле лежали такие же. Для жены! Ему с ней было удобно. Он даже по-своему любил ее. Возможно, что он даже и попробовал бы разорвать этот треугольник. Но не разорвал бы! Он трус. И скажи вы ему, что ждете ребенка, он придумал бы, чем оправдать свою трусость. Например, сказал бы, что это не его ребенок, или сказал, что не может причинить боль жене, забыв о том, что причиняет ее вам.

– Еще хуже! – воскликнула Лена. – Он как-то сказал, что взял бы этого ребенка себе. Он бы с ним ходил в музей, театры, учил бы его языкам. Собственно, из-за этого, мы и поссорились, – Лена посмотрела грустно, куда-то вдаль. – Он говорил так, как будто уже исключил меня из своей жизни.

Лена увидела, как в проходе между их комнатой и другой на велосипеде проехала трехлетняя девочка, с золотистыми кудряшками, в розовом платье с оборочками и большим бантом на голове. – Хорошенькая, похожа на меня и Гену! – воскликнула Лена.

– Ну да, он хотел девочку! Вашу с ним дочку. Но так, чтобы это все было без проблем. Без скандалов, без разводов. В его глазах этот ребенок был не ваш, но его ребенок! Поэтому он и сказал то, что сказал. И значит, вы могли поступить так же, как я!

– Да, наверное. Я бы не решилась оставить ребенка. Потому что испугалась бы стать матерью-одиночкой. Что бы я сказала на работе, как бы я объяснила это все родителям? Я бы боялась, что будет трудно, что кто-то будет смеяться, кто-то перемывать кости. Я бы не вынесла всего этого.

– И тогда этот ребенок стал бы таким! – воскликнула Астроид.

Лена посмотрела в ту же сторону, где исчезла малышка, и увидела медсестру в белом халате с лотком, из которого капала кровь.

– Вот так и становятся детоубийцами, – грозно сказала Астроид.

– О, боже! – воскликнула Лена. В ту минуту она вдруг поняла всю тяжесть своих мыслей. Всю свою ответственность за жизнь этой чудесной малышки с кудряшками, или того веселого малыша, который забавно показывал ей язычок. Нет, она не могла убить своих детей, даже если они жили в ее мечтах. В мечтах, или где-то там, в виртуальном пространстве, созданном мозгом, они жили! Они жили, радовались, что их любят папа с мамой, играли с куклами, катались на велосипедах и кушали мороженое. Они любили ее, и считали, что с мамой ничего не страшно!

Но, если бы случилась эта трагедия, и ей пришлось избавиться от ребенка, то он должен был умереть и в мечтах, умереть в том виртуальном пространстве, куда она его поселила. И потом надо было бы всю жизнь жить с этими страшными картинками. И винить себя, винить. И жалеть этих не родившихся малышей. И чувствовать себя преступником!

– Нет, этого не будет! Пусть он лучше уйдет! – вскрикнула Лена.

ПОДАРОК НА РОЖДЕСТВО

– Ну, вот и молодец, – расслабилась Астроид. – Будь у меня такой подарок на Рождество, может быть, и я умерла бы, дожив до глубокой старости. Но, мне не повезло. Вот я и совершила это ужасное преступление. И вот, я здесь. Я умерла, вместе с ним, через день. Воспаление и все такое... – сделала грустное лицо Астроид.

– А теперь, когда вы рассказываете эту историю, то снова переживаете тот момент?! – воскликнула Лена. – Но это же ужасно!

– Это и есть отработка. Это и есть маленький исправительный ад! – Астроид изменилась в лице, и из глаз ее закапали слезы.

– Не плачьте! – сказала Лена, хотя мне и самой стало очень тошно, и даже больно. – Давайте выпьем и закусим. У меня в сумочке конфеты, вино и салат оливье.

– Вино! Конфеты?! Какие?! – мгновенно преобразилась и оживилась Астроид.

– Зефир в шоколаде, – сказала Лена, доставая коробку и показывая ее Астроид. – Вам нравится? Это мои любимые. Просто сливочные. А еще, если хотите, у меня есть несколько «Мишек на севере».

– Давайте, давайте, быстрее, все ставьте на стол, – всплеснула руками Астроид, с восхищением глядя, как Лена достала и коробку, и конфеты в пакетике, и салатницу с салатом.

– Не забудьте вино! Я сейчас умру второй раз, от нетерпения! – засмеялась она. В эту минуту Астроид окончательно приняла свой первона-

чальный вид, и теперь ничем не напоминала ту несчастную девушку! Разве что, к ее волшебной нежности и какой-то бывшей кротости, и послушности, прибавился озорной огонек и живость.

Лена доставала продукты и одновременно старалась выстраивать логическую цепочку всего того, что происходило с ней. Это было очень трудно, потому что она еще находилась в каком-то тумане, который мешал сосредоточиться. Она вдруг пришла к открытию. – Та история Астроид, это все было про меня! Мало того, я видела саму себя. И сопереживала я самой себе! Так что это было? Этого я в тот момент понять не могла.

– Так-так, представьте сервировку, скатерть, букет цветов. Маленький букет, например, фиалки! – продолжала Астроид. – Букет цветов из Ниццы! Прислал ты мне! – вдруг запела она прекрасным сопрано. – А вы случайно в Ницце не были? А то, если вы вспомните Ниццу, то мы все перенесем из кафе на Павелецкой, в ресторан на берегу Средиземного моря! Пусть все будет по высшему классу. Запоминать так запоминать! Чувствовать так чувствовать! – воскликнула она, и глаза ее сверкнули голубыми искорками. – О какие милые! – поднесла она к своему лицу цветы. – Боже, какой аромат! Вспомните что-нибудь про море! – молящее посмотрела она на Лену.

– Шум волн, солнышко в каждой маленькой волне, словно идет золотой дождь! Ветерок нежный теплый доносит запах мимозы! – вспомнила Лена.

– О, Боже, да за такого туриста, как вы, я бы, и сама отдала все! – воскликнула Астроид, наклоняя к себе ветку мимозы!

Теперь они вдвоем сидели на Английской набережной в ресторане, площадка которого выходила прямо к морю. И смотрели на синюю гладь.

– А, салатик! – Астроид съела кусочек подцепленный вилкой. – И укропчик! – Астроид даже зажмурила глаза от удовольствия. – А вино! О, Боже, оно такое!

– Это крымский портвейн. «Золотое поле», – объяснила Лена. – Я рада, что вам нравится.

Астроид пригубила вино и откусила кусочек от зефира.

– Задание перевыполнено! – воскликнула она. – За этот салатик мне положено первое место! А еще я узнала столько всего! Вот вам, вместо моей компании! – махнула своей прозрачной рукой Астроид.

И в кафе появился Толик. Увидев Лену, он всплеснул руками и сел рядом.

– Вы, оба, слушайте! Внимательно! Запомните: «Не садитесь утром в метро в первый поезд. Подождите второго!» – услышали Лена и Толик. – Потом придет пустой.

Лена и Толик непонимающе переглянулись.

«Какой поезд, мы же в Ницце, мы здесь отдыхаем!» – подумали они.

– Не садитесь в первый поезд... – услышала Лена удаляющийся голос. – А смеемся мы здесь часто, потому что у нас уже нет на душе камней! – напоследок крикнула Астроид. – У всех здесь на душе легко и восторженно! Желая и вам того же!

Эти слова разливались и качались как на волнах. Лена слышала эти слова как сквозь сон, потому что, они сидели с Толиком, глядя друг на друга, и не видели ничего кроме них двоих.

– Боже, какая любовь, какие чувства! – услышала она щебет. – Нам тоже кое-что осталось, – прошебетали маленькие астрониды, пролетевшие стайкой мимо стола. Они схватили одну зефиринку и унесли ее с собой, весело смеясь.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

– Не садитесь в первый поезд, не садитесь в первый поезд... Придет второй, пустой!

Лена проснулась на этих словах, которые продолжали звучать у нее в голове.

– Ну и сон! – выдохнула она. Такой длинный! Она постаралась вспомнить его, но как ни старалась, не смогла поймать уходящее его содержание. Остались какие-то маленькие нюансы, краски ощущения и елка! – Но, все это ни о чем, какая-то смесь!

Если бы не «будильник», который был встроен в ее организм! А он требовал проснуться, и встать с постели. Если бы не он, то Лена, наверное, наплевала бы на то, что ей скажет шеф, когда она явится на работу с опозданием, и поспала бы еще минут двадцать! Но дисциплинированный механизм, требовал: Встать, встать, встать! И, иди, иди, иди!

– О Боже! – подумала она, посмотрев на часы, надеясь, что там будет на десяток минут меньше. Но все было, как всегда. Ничего не оставалось делать, как выполнить требования «будильника». Она встала, и как лунатик, направилась в ванную. Потом, нажав пальцем пульт от телевизора и запустив другим ноутбук, Лена одним глазом смотрела новости, а другим следила за туркой с кофе. Прослушав астрологический прогноз, Лена обрадовалась. Он обещал ей сегодня любовную встречу! – Он позвонит, он вернется! И, наверное, уже написал мне на почту! – Лена с надеждой и страхом заглянула в почту «яндекс». Письма там не было!

– Встреча, любовная! – передразнила она гороскоп. Тоска и грусть распирала ее душу. – Рождество, а я одна! Закон подлости, поссорить-

ся именно сейчас! Но, может быть, позвонит на работу! – успокоила она себя. Послушав краем уха советы по приготовлению ризотто, она натянула на себя свитер, куртку и шарф, и, подхватив сумочку, выскочила к лифту.

ИНТУИЦИЯ ИЛИ...

Лена, среди этой ужасной толкучки, еле протиснулась к вагонам. И, уже почти была готова вдавиться в один из них, но отскочила, рискуя быть придавленной огромными чемоданами, с которыми наперли на толпу трое мужчин. Баба с кошелками, также нагло поддавила на них и влезла-таки, в вагон тоже, оставляя кусок своей сумки в середине между дверями. Вход был забаррикадирован. А после ее натуги, послышалось чертыханье и дверь, все-таки закрылась.

– Пусть лезут, – подумала Лена, брезгливо. Не спотыкаться же об их сумки! – Не садись в первый поезд! – сказала она сама себе. Придет второй! Пустой! Лена отошла от вагона подальше от контрольной черты. Вагон стоял еще секунду, и она смогла разглядеть, кто там сидел. В вагоне сидели две бабульки, одна потолще, а другая совсем худенькая. – Где-то я уже видела таких смешных старушек! – подумала она, хихикнув на тонкие ножки в черных ботинках. Может быть, во сне? Сегодня. Лена напрягла свою голову, но, кроме каких-то не ясных ощущений от событий, произошедших во сне, ничего не вспомнила. И одно из этих ощущений было чувство юмора. – Дежа вю! – подумала она.

Лампочки загорелись, и она увидела в отражении стекла фигурку девушки, которая казалась прозрачной, потому что через нее были видны пассажиры. Она была рядом со своим собственным отражением. Девушка улыбнулась ей, и показала пальцем на кого-то, кто был сзади Лены. Потом она подняла сжатые руки над головой обозначающие жест – Так держать! И уехала вместе с вагоном электрички. Вагон отошел от платформы, и Лена еще немного посторонилась от черты, наткнувшись на очень крупного парня в черном пальто. Она посмотрела на него, и он, почему-то, улыбнулся ей! А она ему, как будто они были с ним давно знакомы!

– Девушка, а вы до какой остановки едете? – спросил он, и Лена совершенно не разозлилась,

не пронесла эту фразу мимо ушей. Она просто ответила:

– До Новокузнецкой.

– Эй! Вы воркуете, а сумка-то открыта, – сказал мужчина в кожаной куртке, подошедший к ним. – Грабь! Не хочу! – сказал он, с нажимом на последние слова и пробуровил Лену глазами. – Смотрите, сейчас, в толкучке, все может быть! Потом плакать будете, а кто виноват?! Сами и виноваты, потому что рот разинули!

Он махнул рукой и быстро ушел дальше по платформе.

– Поезда идут с удлинненным интервалом. По техническим причинам пассажирам предлагается воспользоваться наземным транспортом! – услышали они.

– А вы не знаете, что случилось? – услышала Лена голос парня, который держал за руку девушку. – Что это так много народа собралось?

– Это что? Авария где-то? – взволнованно спросил их подошедший лысый мужчина.

– А как же теперь до Театральной доехать? – засуетилась безвкусно одетая женщина.

– Что-то случилось! А что, не сказали, – отвечала им Лена и другие пассажиры, которые еще не решили ждать им поезда, или ехать на перекладных.

– Вот судьба! – воскликнул тощий старичок. – Одна секунда и мы бы могли бы быть там!

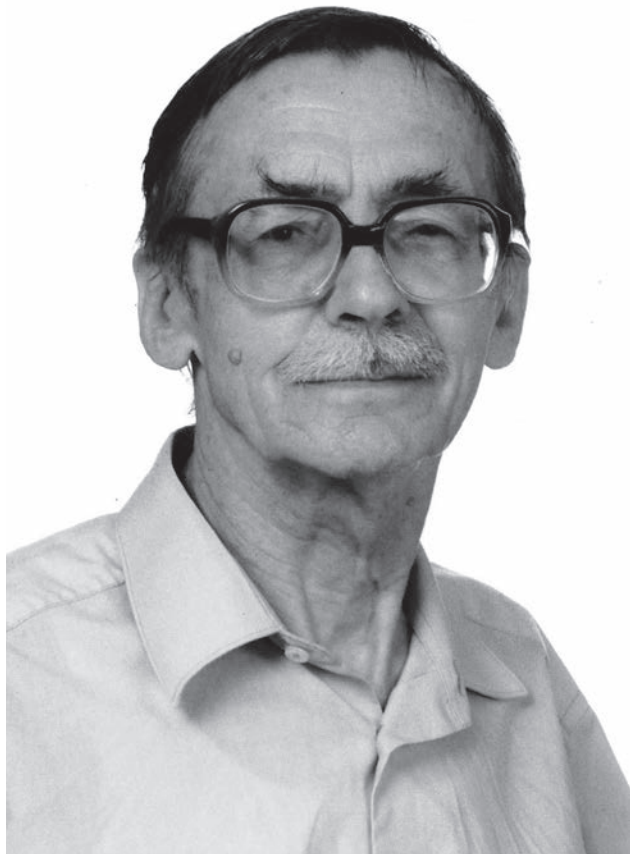
– Ничего в жизни не делается случайно, – посмотрела на старичка женщина в платочке. – Наверное, придется вернуться. Поеду завтра, – решила она.

– Да уж, сегодня Рождество, умирать не хотелось бы! – сказал Черная Гора, подхватив сумку Елены, и они, выбравшись на улицу, подошли к остановке автобуса.

– Толик, ну, слава Богу, я-то думал, что ты на том уехал. Плакала бы наша съемка! – подбежал к нему мужчина с портфелем. – Ой! Пардон! – воскликнул он, увидев одухотворенное лицо Толика. – Ну, не буду вам мешать, молодые люди.

Елена посмотрела на Толика, и ее недавняя потеря, о которой она еще думала утром, показалась ей уже не такой тяжелой. Впереди был большой светлый праздник! Вдвоем они ехали по прекрасному городу, мимо елок, наряженных на площадях, мимо деревьев сверкающих гирляндами ламп. И ждали еще много чудес от такого огромного праздника, как Рождество!

Марк МОСКВИТИН

Родился в 1946 году в окрестностях Самарканда, родители были школьные учителя, с 1996 года живет в Вологде. Пишет фантастику с 2003 года. В центральном журнале «Техника – молодежи» опубликовал рассказ «Станция «Баярдена», в региональном альманахе «Вологодский лад» – рассказы «Обретение» и «День служивого», повесть «Вынужденная посадка». В футурологическом сборнике «Россия через 30 лет – выжить или жить?» – очерк «Ретроспектива из начала 22-го века».

ДЕНЬ СЛУЖИВОГО

— Подъе-о-о-о-м!!! – истошно завопил пдневальный Лешка Огурцов.

– Совсем одурел... – пробормотал Кузякин. Он уже и так начинал просыпаться. Наконец, начал привыкать к подъему в шесть. Но все же, как не хочется вылезать из постели! Бросать недосмотренный сон. Во сне Кузякин тянул за собой на веревочке пустой троллейбус. Громадина катилась легко, даже веревочка иногда провисала... Кругом раздавались голоса, шорохи, двойное буханье пяток об пол. Народ вскакивал. Кузякин, ворча и мотая невыспавшейся головой, сбросил одеяло. Оделся, застелил кровать не самым последним. Вместе с толпой продавился в дверной проем и побежал на свой левый фланг.

Сосед справа Вовка Хохлов подмигнул.

– Скажи, Вовка, – спросил Кузякин, – почему Леша орет, как крокодил? Всю роту заиками сделает.

– Так уж и всю роту... Селиванов велел. Чтобы я, говорит, в штабе услышал.

– Паразит...

– Сегодня, кажется, в духе.

– Ага, опять что-нибудь выдаст.

– Р-р-рота-а-а! – раскатился бас замкомроты прапорщика Селиванова. – Смир-р-на!

У правого фланга кучкой стояли офицеры в бледно-зеленых плащах. Утро выдалось прохладным. Полковник Мирошников глянул вдоль строя, буркнул вполголоса:

– Епт, одни животы...

– Так точно, товарищ полковник, – отозвался капитан Скалкин. – Паскудное зрелище.

– Интересно, – сказал майор Строганов. – Чем их так по воскресеньям закармливают?

– Напишу рапорт, – с отвращением произнес полковник. – Пусть обратно переводят на войсковую часть.

Селиванов между тем набрал полную грудь воздуха.

– Юные пионер-ры! Кор-р-рупционер-ры! Инженеры-кор-р-рупторы! Конструкторы кор-рупции! Напра...во!

Обожал прапорщик поиграть словами.

«Юные пионеры» вразнобой повернулись.

– Слуги нар-рода! Друзья человека! Вокруг казармы бегом... Марш!

* * *

В коридоре сидели посетители. Кузякин на ходу поздоровался и вошел в свой кабинет с именной табличкой. Открыв боковую дверку, оказался в каморке-переодевальная. Быстро скинул форменное х/б и надел белую рубашку, костюм и галстук. Сел за стол. Часы показывали девять.

Динамик в углу захрипел и рывкнул голосом Селиванова:

– К несению службы... при-сту-пить!

Кузякин опустил палец на кнопку. В коридоре зажглась зеленая лампа. Раздался короткий звонок.

Вошел первый посетитель. Старик. Ему надо было прирезать к своим шести соткам прилежавший бесхозный клочок земли. Кузякин открыл в компьютере бланк заявления.

– Сами заполнить сможете?

– Не знаю...

– Давайте паспорт.

Он сделал старику заявление, пару других документов и «шпаргалку» – куда идти дальше, к кому обращаться, с какими бумагами. Поставил печати и расписался. Следующей была старуха, от порога заявившая:

– Я пенсию получаю...

Она желала переписать садовый участок на внука. После нее вошла масляно улыбающаяся тетка, явная торговка.

– Господин начальник! Дельце-то небольшое, но уже давно мучаюсь. Сосед забижает, уж так забижает... – и она вдруг всхлипнула.

– Говорите, говорите, – подбодрил Кузякин.

По мере того, как он слушал тетку, ему все яснее становилось, что она сама норовит «забидеть» соседа-программиста, которому не нравится, что теткинны собаки бегают неприязненные и кусают его. Да, если программист, в свою очередь, проявит активность, то этой дуре и хамке не позавидуешь...

– Господин начальник, – пела тетка. – Я все понимаю. Любая услуга стоит денег. Говорите номер вашего счета, я переведу любую сумму... лишь бы в пределах разумного.

– Переведете, сколько не жалко, – усмехнулся Кузякин. – Записывайте. Пять – четыре нуля – восемь...

Он продиктовал двадцатизначный счет.

– Ой, спасибо, господин начальник! – всплеснула руками тетка.

– Гарантий никаких, – предупредил Кузякин. – Ведение не только мое.

– Я понимаю, понимаю, – закивала тетка и удалилась.

Кузякин ничем не рисковал. Продиктованный им счет принадлежал местному фонду поддержки детских учреждений. Все произнесенные цифры остались на магнитной ленте, фиксирующей разговоры с посетителями.

Следующей была элегантная, стройная дама-риэлторша. Она внушала Кузякину безотчетную симпатию. Бумаги были в порядке, сделка проходила безоговорочно. Он нажал клавишу интеркома:

– Елена Петровна! Направляю к вам риэлтора. Пожалуйста, сделайте ей все документы четырнадцатого списка. И потом – мне на подпись.

* * *

Столовая днем работала в цивилизованном режиме. Не надо было на обед переодеваться и идти строем. За дальним столиком одиноко сидел Вовка Хохлов. Он замахал рукой:

– Кузякин! Александр Ильич!

– Иду, Владимир Иванович!

При галстуках служивые были обязаны именовать друг друга по имени-отчеству. Чуть отклонившись от прямой, Кузякин ухватил с большого раздаточного стола поднос с обедом. Вовка чуть подвинул свои тарелки.

– Садись, Саня... Ну, что, много сегодня *соблазняли*?

– Двое. Мужика я выгнал. А тетка... дал ей номер счета Барановской.

– Правильно. Пусть детишкам подможет, коли лишние бабки завелись... А у меня сегодня – сплошные коммерсанты. Почти все – *лишними бабками*. Замучился выгонять.

– День на день не приходится.

– Ну да...

– А Коровина воскресного увольнения лишили.

– За *это самое*? – уточнил Вовка.

– За *это*. Дал посетителю свой городской телефон. Ну, не свой, а контактный.

И служивые, и клерки проявляли чудеса изобретательности, чтобы получать левые вознаграждения. А командование части проявляло *свои* чудеса изобретательности, чтобы выявить и схватить за руку. Вольняшки-исполнители тоже были *под колпаком*, хотя их за коррупционные поползновения могли только штрафовать.

– А Мишку Еременко и Витьку Сизова тоже лишили, – сообщил Вовка.

– Тоже за *это*?

– Нет. Ты что, не знаешь? Они же подрались на губе!

– Фу ты... А чего не поделили?

– Этаж на нарах. У Мишки третий ранг, а Витьке недавно второй кинули. Заважничал. Желает спать только на нижних. А Мишка толстый, ему наверх лезть неохота.

– Мир вам, отроки, – раздался хорошо поставленный баритон. И на край столика опустил свой поднос служивый первого ранга, заместитель мэра по ЖКХ Валентин Грибцов, в просторечии – Валька Грибец.

– Об чем хохот? – спросил он.

– О драке на губе, – ответил Кузякин.

– Да, знаю. Мои парни... А меня сегодня порют.

– Как плохого начальника?

– Если бы! Самоволка.

– В женскую казарму?.. – подмигнул Вовка.

– Нет, у меня же в городе.

– Ну-у, Валентин! Бьют-то не за то, что бегал, а за то, что попался.

– Так оно... – вздохнул Валька.

– Интересно, – сказал Кузякин. – А наши бабы в самоволку бегают?

– Да нет, – усмехнулся Грибец. – У них кураж не тот. Не мужики.

– Да их и не порют, – завистливо сказал Вовка. – Как же, женщины...

– Порют, – засмеялся Валька. – Хотя и не так, как нас. Другим способом, другим *орудием*...

* * *

Перерыв заканчивался. Хохлов и Грибцов ушли в кабинеты, Кузякин задержался на площадке третьего этажа. Не было особого смысла идти к себе – все равно через полчаса совещание у мэра. Лестничная клетка имела сплошное – сверху донизу – окно. Кузякин видел почти всю территорию служебного городка. По периметру, чередуясь с участками бетонной стены, шли офисы. Парадные входы открывались в город. Они были для посетителей. Служивые пользовались черным ходом. Даже в увольнение ходили не через офисы, а через ворота с проходной... Всю глубину городка занимали ротные казармы, аккуратное здание штаба и плац. В сторонке, над особым забором, виднелась крыша небольшой женской казармы. Возможно, она и притягивала чьи-то воспаленные взоры. А у Кузякина были нормальные отношения с женой. Им обоим хватало его воскресных увольнений. Больше всех скучал по отцу двухлетний Генка.

Непростое решение они с женой принимали совместно. После двадцати лет государственной службы человек выходил на весьма

приличный *пенсион*. Особенно если демобилизовался в звании служивого первого ранга. Кроме того, получал от государства неслабое единовременное вознаграждение, среднего престижа иномарку и участок земли с коттеджем. Но... отслужить надо было не менее двадцати лет. Кто оставлял госслужбу раньше, или выгонялся за недостойное поведение, тот не получал ничего.

Вспомнив мэра и Вальку Грибца, которым уже светил «дембель», позавчерашний новобранец Кузякин только вздохнул. И тут же улыбнулся: приближалась его собственная ежегодная побывка.

* * *

На совещании, кроме служивых, присутствовали офицеры городка. Мэр говорил о внимательном отношении к посетителям, особенно к ветеранам. Потом привстал майор Строганов.

– Вы позволите, Михаил Петрович?..

Мамаев кивнул. Майор выпрямился во весь свой внушительный рост.

– Вы что же это, раздолбай, делаете? Старухи от вас плачут, жалобы пишут. Только что уважаемый мэр, господин Мамаев, с таким олимпийским спокойствием упомянул заявление бывшей учительницы Нестеровой. Она собрала все документы на субсидию по оплате услуг ЖКХ, но на два дня опоздала подать их. Ну там, хвори всякие возрастные, старческая рассеянность... И была вынуждена уплатить за апрель месяц по полной! Тысячу восемьсот рублей! А пенсия у нее, между прочим, и двух тысяч не достигает. Она, бедняга, ходила по вашим кабинетам, а вы все тыкали ее носом в закон: документы сдаются до пятнадцатого... Вместо того, чтобы снизить и списать этот нечаянный долг. Она так и написала в жалобе: «Нашей власти пальца в рот не клади! А положил по нечаянности, по оплошности, по нездоровью – с громадным удовольствием откусят!» Мы в штабе с этим делом разобрались. Учительнице ее апрельскую пенсию вернули. Виновники – Еременко и Сизов – были высечены и пошли на гауптвахту, но и там ухитрились передрасться. Их начальник, уважаемый Валентин Николаевич, вместо того, чтобы разобраться по-человечески, не доводить до жалобы, бегает, извините, по бабам! Не стану уточнять, какого пошиба. Я приказал его высечь. Вы понимаете, что вы позорите государство? Народ перестает доверять! Тот самый народ, заработавший деньги, на которые страна вас содержит! Вы же государственные служащие! Как говорили раньше – чиновники. Если вы не

смирите ваши жестокие и равнодушные нравы – помните! *К вашим услугам* гауптвахта, воскресенье на службе, нагайки наших казаков и другой *сервис*. От тех, кто вообще не способен работать с людьми, госслужба будет, как обычно, избавляться...

После совещания Кузякин попался на глаза Селиванову. Прапорщик ткнул его пальцами в живот.

– А, Пузякин! Брюхо сыто, задница не бита! Ну, ничего, дела поправимые...

– Я Кузякин, товарищ прапорщик.

– Кузякин будешь, когда похудеешь. Что, любишь поесть?

Собственно, обжорство тут было ни при чем. Все мужчины в кузякинском роду были ниже среднего роста, зато с *солидными* в меру животиками. Как шутили в роду – запасец на черный день. И все отличались живостью характера и здоровым оптимизмом.

Спорить с замкомроты по поводу фамилии Кузякин сейчас не собирался. Бесплезно, да и опасно...

– Беги к воротам, – распорядился Селиванов. – Поможешь ребятам жалобы принести. В штаб, в жалобный отдел, капитану Мурову.

– Есть, товарищ прапорщик!

За воротами он увидел двух лейтенантов, снимающих жалобные ящики. Это были обыкновенные ящики, позаимствованные у почтовиков и выкрашенные в оранжевый цвет. Первый лейтенант взял оба опечатанных ящика и взвесил на руках.

– Накидали!..

– Нашкодили, – ответил второй. – Вот на них и накидали.

– Ну, опять по кому-то губа и нагайка плачет.

Заметили Кузякина.

– Служивый, чего глазеешь? Марш в расположение!

– Меня прапорщик Селиванов послал вам помочь.

– Ну, тогда тащи.

Они отдали полные ящики, повесили пустые и пошли не спеша через улицу, к пивной. Кузякин, вздохнув, повернулся к воротам. Не в первый раз прочитал вывеску: «Госслужебный городок № 1 города ***». И внизу помельче, в три строки: «Аппарат главы администрации. Жилищно-коммунальный отдел. Земельно-территориальный отдел».

Капитан Муров, маленький, мрачноватый, подозрительно глянул на Кузякина, внимательно осмотрел печати.

– Все, свободен.

У входа в офис, негромко пересмеиваясь, стояли Костя и Лена – подчиненные Кузякина.

– Александр Ильич, а на государственную службу очень сложно оформиться? – спросил Костя.

– Нет, – ответил он. – Оформиться не сложно. А сложно выдержать эти двадцать лет. Нужен характер. Да еще в начале – «камча».

– Что за «камча»?

– КМЧ, – объяснила продвинутая Лена. – Курс молодого чиновника.

– Правильно, – согласился Кузякин. – А вы вообще знаете, что такое *камча*?

– А что?

– Киргизская плетка. Вроде нагайки у казаков.

– Понятно... – протянула Лена. – Александр Ильич, – умильно улыбнулась она, – можно, мы с Костей сегодня раньше уйдем?

Кузякин чуть подумал.

– Константин Андреевич, а данные по Октябрьскому району у вас готовы?

– Н-нет...

– Так чего же вы? Еще вчера должны были сделать. Нет-нет, работайте.

Он считал, что совершенно справедливо «обломал» молодых. Пусть приучаются к обязательности. Пусть им и не грозят такие наказания, как служивым – вольнонаемные клерки-исполнители, не законтрактованные на двадцать лет, получали зарплату и жили дома. Но работа-то должна делаться!

* * *

На вечернем построении прапорщик Селиванов, развернув молодецкие плечи, как всегда, блистал перлами чернушного остроумия. С дальнего угла плаца, не видного за казармой, доносились вопли и матюги.

– О-о-о-о! Полегче, в бога мать! О-о-о!..

– Валька... – сказал Кузякин через уголок рта Вовке Хохлову.

– Угу... – совсем не разжимая рта, отозвался Вовка.

Селиванов покосился на них.

– Разговорчики!

Углядел, паразит... Кузякин и Хохлов «сделали морду ящиком» и замерли. Прапорщик не спеша прохаживался вдоль строя.

– Канторович, равнение на середину! Не лови ворон!.. Мамаев, застегни пуговицу! Мэр города называешься!

Из-за угла вышел, застегивая штаны, бледный, взбешенный Валька Грибец. Временами он морщился. Селиванов простер к нему руку.

– Все видят! Бледен блядун от блядства своего!

По шеренге прокатился смешок.

ФУТУРУМ

– Грибцов! – крикнул майор Строганов. –
Пойдешь в увольнение – перед женой не забудь извиниться.

– За что, товарищ майор?

– Будто не понимаешь! За то самое.

– За измену, – разжевал тупому Селиванов.

– Стать в строй!

– Есть стать в строй...

Под конец прапорщик не удержался, выдал-таки любимую шуточку:

– После отбоя в казарме не дрочить! Знаю я вас. Кого замечу – пойдет не домой, а на губу. Вольно, разойдись!

* * *

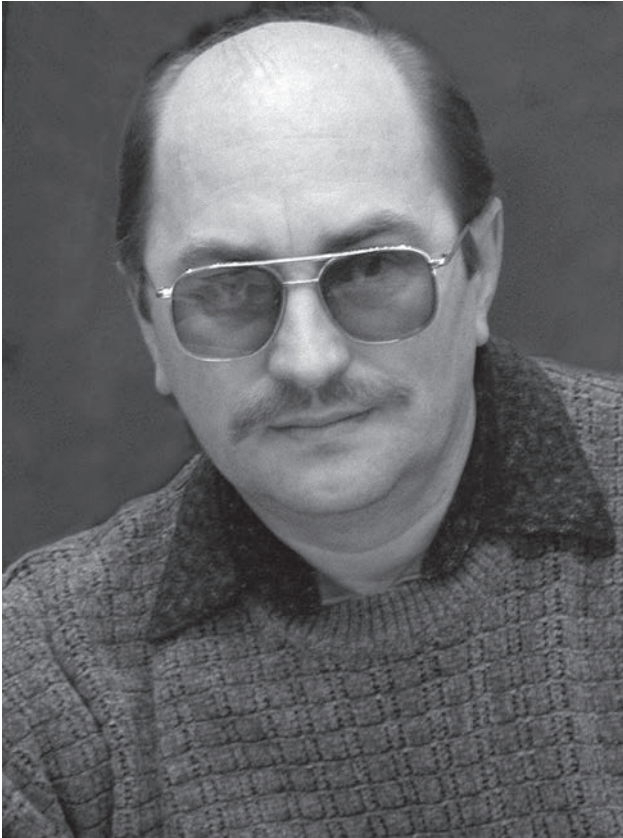
...

Кузякин, присев на койку, вытащил мобильник и набрал номер.

– Люда, это я. Ну, как вы там?..

Сергей КАЛАБУХИН

Родился в 1958 году в г. Коломна (Московская область). Окончил Московский инженерно-строительный институт им. В.В. Куйбышева (МИСИ). Инженер-электромеханик по автоматизации производства. Публиковался в газетах, журналах и интернет-изданиях России, Белоруссии, Украины, США, Англии, Канады, Австралии и Финляндии. Автор двенадцати книг. Член Союза писателей России. Награжден Почетным дипломом СП России имени Александра Трифоновича Твардовского, Дипломом СП России «За сохранение литературных традиций и активную работу по пропаганде исторического и культурного наследия древнего города Коломны», медалью СП России «Иван Бунин» и медалью «И. И. Лажечников» и другими наградами. Лауреат Третьего всероссийского фестиваля «Господин Ветер» в номинации «проза» (2012г.), дипломант Пятого всероссийского фестиваля «Господин Ветер» в номинации «проза» (2015г.), лауреат

литературного конкурса «Звездное перо» имени Георгия Кольцова (2017г.), финалист Германского международного литературного конкурса русскоязычных авторов «Лучшая книга года» (2018г.).

ОБРЯД

Палач не выразил удивления, увидев входящего вслед за мною принца Гервасия.

– Ваше Величество! – Привычно склонился он, почтительно целуя мне руку. Потом повернулся к принцу и поклонился менее почтительно. – Ваше Высочество!

Тщательно закрыв и заперев дверь на массивный засов, палач невозмутимо стал ждать дальнейших распоряжений. Последние двадцать лет, за единственным исключением, в Грановитую башню Кремля имеют доступ только палач, его жена и сын. Они поддерживают здесь чистоту и порядок, а также на их попечении находится единственный узник подвальной камеры, но последнее является государственной тайной.

Принца Гервасия явно возмутило то, что палач отнесся к нему менее почтительно, чем обычно, и он наверняка сделал соответствующую отметку в своей поистине бездонной памяти. Но палача это ни в малейшей степени не вол-

новало: он и вся его семья прекрасно знали, что вряд ли надолго переживут меня. Новая метла, как известно... Или же новый Государь оставит их на прежних должностях, простив все обиды. Верных слуг, способных многие годы хранить тайны своего господина, найти не так-то просто!

Сдержав недовольство, принц Гервасий начал с любопытством осматриваться. Его не поразило царское убранство бывшей камеры пыток, ведь я провожу здесь каждое воскресенье больше часа. Толстые ковры на каменном полу и исходящую жаром печь принц принял как должное – зима на дворе! Огромный рабочий стол, заваленный бумагами, его немного удивил.

– Ты здесь еще и работаешь, отец?

– Времени безумно не хватает, – вздохнул я, усаживаясь в кресло и пододвигая поближе пачку срочных донесений.

Но Гервасий мой ответ, кажется, даже не услышал. Потому что наконец-то увидел то, что долгие годы вызывало его жгучий интерес и яв-

лялось причиной черной зависти, толкнувшей, в конце концов, моего сына на роковой поступок. Это было простое металлическое кресло, обтянутое шкурой какого-то морского зверя и почти встроенное в нишу, выдолбленную в толстой крепостной стене.

– Это оно? – спросил дрогнувшим голосом принц, мгновенно потеряв все свое высокомерие. Его дрожащие руки стали жадно ощупывать железное кресло. – А зачем здесь на подлокотниках, ножках и спинке эти толстые ремни?

– Узнаешь, если ты еще не передумал, – ответил я.

Гервасий вновь надменно выпятил челюсть.

– Я никогда не меняю своих решений, отец!

– Что ж, тогда не будем терять время. – Я повернулся к палачу: – Синеус, мой старший сын и наследник престола принц Гервасий пожелал досрочно взять в свои руки управление государством...

– Ты уже тридцать лет сидишь на троне! – яростно выкрикнул принц. – Мне через несколько дней исполняется сорок лет. Мои сыновья, твои внуки, давно достигли совершеннолетия, а ты все не собираешься уходить на покой!

– Устал ждать моей смерти? – с горечью спросил я.

– Надо мной уже открыто смеются придворные и за спиной называют «Вечный Принц»! – в бешенстве заорал Гервасий. – Так не может больше продолжаться...

– Вот видишь, мой верный Синеус, как складываются дела. – Мои руки машинально перебирали лежащие на столе бумаги. Обычный набор: письма, отчеты, прошения, доносы. – У принца Гервасия, оказывается, много сторонников среди молодых дворян, и чтобы избежать Гражданской войны, я предложил моему сыну заменить меня сегодня во время Обряда Единения царя и народа. Приготовь кресло, люди на площади ждут.

– Но, Государь, – осмелился возразить палач. – Пять лет назад...

– И я, и принц Гервасий прекрасно помним все, что случилось пять лет назад, – резко перебил я его. – На этот раз все будет иначе: если мой сын с честью выдержит Обряд Единения, я немедленно отрекись от престола в его пользу. Не могу сказать, что данный шаг будет сделан мною с легким сердцем, но я дал слово Гервасию и не нарушу его.

Палач молча подошел к железному креслу, убрал заглушку, закрывающую отверстие в сиденье и с почтительным поклоном обратился к кусающему в нетерпении пухлую, как у женщины, нижнюю губу принцу Гервасию:

– Соблаговолите снять штаны, Ваше Высочество и сесть на этот трон.

Мне не составило труда уловить во внешне бесстрастном голосе Синеуса оттенок насмешки, и я незаметно подмигнул ему, одновременно осуждающе погрозив пальцем. Негоже палачу, пусть и царскому, насмеяться над наследником престола.

Усевшись, принц попытался принять величественную позу, но не смог: его довольно объемистый зад все же провалился в дыру, и Гервасий испуганно схватился за подлокотники.

– Не беспокойтесь, Ваше Высочество, – невозмутимо произнес палач. – Вы не провалитесь.

И он ловко затянул широкие ремни из жесткой толстой кожи, надежно привязав принца к креслу. Тот и глазом не успел моргнуть, как его руки оказались прижаты к подлокотникам, ноги в высоких ботфортах – к ножкам кресла, а мясистая грудь – к спинке.

– Что ты делаешь, болван?! – испуганно вскрикнул принц. – Отец...

– Не волнуйся, сын, – не отрываясь от просмотра очередной бумаги, ответил я. – Это обычная процедура. И я так же сидел. Не думаешь же ты, что этот железный трон сделан специально для тебя? Откуда же мне было знать, что ты решишь устроить государственный переворот именно сегодня? Как я мог предугадать, что ты согласишься войти вместе со мной в Грановитую башню, чтобы заменить меня во время церемонии Обряда Единения?

Гервасий заметно ободрился, но все же процедил угрожающим тоном:

– Не забывайте, что за дверью меня ожидает отряд верных дворян. Если со мной что здесь случится, и я не выйду целым и невредимым из этой камеры, то и им терять будет нечего.

Я с сожалением посмотрел на сына и твердо отдал приказ:

– Приступай, Синеус!

Палач привычно дернул на себя торчащий из стены железный рычаг. Где-то под полом зашкрякали шестерни механизма. Ниша в стене превратилась в окно, сквозь которое колючий ветер швырнул внутрь камеры облачко снежинок и гул собравшейся на площади толпы. Железный трон с привязанным к нему принцем с лязгом въехал по направляющим в нишу, закупорив образовавшееся отверстие. Перед собравшейся снаружи толпой, изнывающей от нетерпения, появился «Высочайший Зад». Обряд Единения Государя и народа начался.

На площади раздался оглушительный грохот двух огромных барабанов, задающих ритм церемонии. Сквозь коридор стражников люди поодиночке взбегали по прямому деревянному пандусу к отверстию в стене башни, иступленно лизали или лобызали торчавший в нем голый

зад и по настилам, идущим влево и вправо вдоль стены, сбегали вниз, исчезая в узких улочках Города. Вторично встать в очередь никто из них не мог – за этим строго следила стража.

– И что тут сложного? – насмешливо хмыкнул Гервасий. – Даже приятно...

– Тебе нужно выдержать всего лишь один час, – спокойно ответил я, указывая ему на быстро сыпавшийся песок в часах. – И трон Тартарии – твой.

– Брось эти бумажки и начни готовить прощальную речь, отец, – самоуверенно посоветовал мне Гервасий и захохотал.

Обряд Единения возник почти двадцать лет назад, и тогда в нем участвовал только самый близкий ко мне круг придворных. Но чем больше дворян узнавало о новой привилегии, наглядно свидетельствующей о близости ее обладателя к Государю, тем стремительнее росла на моем столе гора прошений о ее даровании. Вскоре тронный зал моего дворца перестал вмещать всех, кого я облагодетельствовал правом участия в Обряде Единения, и церемония стала проходить на городской площади при стечении простого народа. Тут уже на моем столе начала расти гора прошений от воинов, купцов и ремесленников. Дворяне пробовали протестовать, но я твердо заявил, что негоже ни им, ни тем более Государю отрываться от народа. Мы все должны быть едины, и тогда никакой враг нам не страшен!

Явные протесты утихли, но мои агенты доносили о все более усиливающемся среди аристократов ропоте: дворяне не должны быть хоть в чем-то уравнены с простолюдинами. Чтобы пресечь возникшее недовольство, я издал Указ о том, что отныне во время проведения Обряда Единения дворяне будут лизать Высокий Зад, а все остальные сословия – целовать. Это несколько снизило накал страстей, однако начались иные трудности.

Довольно скоро городская площадь не могла больше вместить всех желающих участвовать в Обряде Единения, а я не желал тратить на него целый день. Было создано министерство Единения, которое занялось подсчетом и установлением квот от различных категорий граждан: кто, когда, в каком количестве и в какой последовательности будет допущен к Обряду. Конечно, немедленно начались спекуляции билетами на площадь, которыми обеспечивались участники церемонии. Предлагалось тех, кто продавал свой билет, казнить за измену и оскорбление Государя, но я запретил. Обряд – дело добровольное, и если кому-то деньги важнее привилегии, то это его личное дело. Государству от этого убытка нет, а я не желаю навязывать кому-либо близость к своей Особе насильно. Совершенно

иное дело, когда кто-то торгует поддельными билетами. Таких негодяев надо приравнять к фальшивомонетчикам и казнить без всякой жалости.

Однако чем больше людей принимало участие в Обряде, тем чаще приходилось его проводить, чтобы удовлетворить всех желающих. Заволновалась моя охрана: не хватало сил, чтобы уследить за всеми, кто толпился на площади. Нельзя было исключить того, что под видом верноподданного к особе Государя вплотную приблизится враг. Вот тогда и была соответствующим образом переоборудована бывшая камера пыток Грановитой башни Кремля, одна из стен которой выходит как раз на площадь. В башню из моего дворца я спокойно прохожу по специально сооруженному подземному ходу, приветствую с ее верхней площадки собравшийся на площади народ и спускаюсь в бывшую камеру пыток. И вот сегодня меня здесь вновь захватили в плен...

– Ой! – вскрикнул принц Гервасий. – Меня кто-то укусил!

– Ничего удивительного! – Я ухмыльнулся. – Не все подданные любят Государя. Уж тебе ли и твоим дружкам этого не знать? Укусами эти люди выражают свое отношение. Чем больше укусов, тем доходчивей сигнал, что Государь что-то делает не так, и народ им недоволен.

Я откладываю бумаги и внимательно вглядываюсь в обеспокоенное лицо своего старшего сына. Это теперь Гервасий – старший. До него наследным принцем был Ярослав. Тому тоже надоело ждать моей смерти. Пять лет назад его сторонники проникли в Грановитую башню, и когда, поприветствовав народ, я спустился сюда, меня схватили и отвели в одну из мрачных камер подземелья. Как и Гервасий сейчас, Ярослав провел Обряд Единения вместо меня! Он выдержал до конца, у него всегда была железная воля. Так считали окружающие его приятели и он сам, но я думаю, это скорее было ослиное упрямство, а не сила воли. Как бы там ни было, он выдержал испытание и даже, как мне потом доложили, самостоятельно вновь поднялся на башню. Народ все еще толпился на площади, потому что по приказу Ярослава, переданному от моего имени стражникам, те никого не выпускали в Город.

Ярослав объявил народу, что ввиду преклонного возраста царь Святослав, то бишь я, отстранен от власти, и отныне в Тартарии новый Государь. То, что он, принц Ярослав, достоин трона доказал только что проведенный Обряд Единения, в котором народ не заметил разницы между Высокими Задами бывшего и нового царей. Говоря все это, Ярослав гордо выпятил грудь, в которую тотчас вонзились стрелы стражников,

дежуривших на кремлевской стене. Самозванец рухнул к подножию Грановитой башни, видимо, так и не успев понять, что своим поступком оскорбил не только меня, но и весь народ. Вслед за мятежным принцем рухнули вниз и его приспешники, где все они были разорваны в клочья обезумевшей толпой. Когда стража навела порядок, и все куски удалось собрать в одну кучу, определить, что кому принадлежало, было невозможно. Останки сожгли, а пепел развеяли за пределами Города.

Гервасий учел опыт Ярослава. Он потребовал, чтобы я сам, якобы по своей воле, передал ему престол.

– Или что? – спросил я его.

– Или ты умрешь, – отведя глаза, но довольно твердо ответил мой сын. – Народу сообщат, что твое старое сердце остановилось, не выдержав напора чувств во время Обряда Единения.

– Но ведь правда когда-нибудь всплывет, – стараясь казаться спокойным, сказал я. – Кто-то из твоих сподвижников обязательно проговорится.

– Ну и что? – пренебрежительно отмахнулся принц. – Когда это произойдет, я уже буду твердо сидеть на троне Тартарии, и никто не посмеет ничего сказать, а тем более сделать. В любом случае тебя-то уж точно вернуть на трон будет невозможно.

– А если я соглашусь на отречение, что меня ждет?

– Я дам тебе слово, что на твою жизнь и свободу никто не будет покушаться. Ты в свою очередь дашь мне слово, что не будешь делать попыток вернуться на трон. Сбрось с себя бремя власти, отец! Отдохни, поживи хоть на старости лет в свое удовольствие.

Я сделал вид, что задумался. Мы с Гервасием стояли на узкой площадке где-то посреди Грановитой башни. Принц встретил меня здесь, когда я спускался с верхней площадки, где перед этим, как обычно, приветствовал собравшийся на площади для проведения Обряда Единения народ. Мимо меня вверх по винтовой лестнице проскользнуло несколько вооруженных дворян с лицами, закрытыми масками. Снизу тоже доносились приглушенные голоса и лязг оружия. Люди принца отрезали мне любую возможность для бегства.

– Ты должен дать ответ немедленно, отец, – хрипло сказал Гервасий. – Что ты выбираешь: немедленную смерть или спокойную жизнь в одном из своих дворцов?

– А кто проведет Обряд Единения? Люди на площади ждут.

– Почему это тебя волнует? – Принц с удивлением посмотрел на меня и вдруг понимающе ухмыльнулся. – Не можешь без привычных по-

честей, как пьяница без вина? Или таким образом выторговываешь себе дополнительный час жизни? Успокойся, Обряд проведешь ты. В последний раз. Вне зависимости от твоего ответа.

– Да, я хочу жить! – Я не стал отпираться, и Гервасий вздохнул с явным облегчением. – Поэтому я принимаю твое предложение, но у меня есть одно условие.

– Ты ставишь мне условие? – нахмурился принц.

– Оно простое: проведи сейчас Обряд Единения вместо меня.

Гервасий натужно рассмеялся.

– Заманиваешь меня в ловушку, отец? Надеешься, что меня убьют, как Ярослава?

– Вовсе нет! – поспешил я его успокоить. – Ты же не будешь, как Ярослав, сообщать об этом обмане толпе! И я тоже себе не враг.

– Мы не одни...

– В камере мы будем одни. Палача Синеуса можно не опасаться, да ему и нет смысла выдавать нас. Да, кто-то из твоих людей сейчас слышит нас, но никто из них не сможет поклясться, чей именно Высокий Зад участвовал в Обряде.

– Не понимаю, зачем тебе это?

– Я хочу убедиться, что ты действительно готов заменить меня на престоле Тартарии. Если ты успешно пройдешь испытание, я сегодня же публично отрекусь в твою пользу. Даю тебе в этом свое слово. Если же нет, я сохраню свой трон до следующей церемонии Обряда. И так до тех пор, пока ты делом не докажешь, что готов меня заменить.

– Не понимаю, в чем подвох? – нервно прикусил нижнюю губу принц. – Ярослав, говорят, справился без особого труда...

– Теперь выбор за тобой, сын! – Я насмешливо изобразил почтительный поклон. – Ты можешь в свою очередь дать мне слово. Или убей меня прямо сейчас. Но рано или поздно детали моей смерти станут известны, и кто-нибудь из твоих сыновей тоже может решить, что его отец слишком долго зажил на этом свете. Дурные примеры заразительны! К тому же, тебе и в этом случае придется самому проводить Обряд.

– Отец, – хрипит Гервасий, – я больше не могу! Останови это!

Указываю ему на часы, в которых песок успел пересыпаться сверху вниз только наполовину.

– Я не могу прервать Обряд, – укоризненно качая головой, отвечаю я. – Терпи, раз уж ты решил занять мое место.

– Как ты это выдерживаешь, отец?

– Сейчас уже легко. Человек ко всему привыкает, знаешь ли. Изначально Обряд Единения проводился раз в год и длился столько, сколько

необходимо. Но чем больше становилось желающих, тем чаще мне пришлось устраивать церемонию, и сейчас Обряд проходит каждое воскресенье, но не дольше одного часа. Языки у людей бывают настолько шершавыми, что буквально сдирают кожу с твоей задницы, что ты сейчас и ощущаешь. Когда твой брат Ярослав встал с железного трона, стойко выдержав всю церемонию, его зад напоминал окровавленный кусок мяса, с которого кое-где свешивались ленточки кожи.

– Но зачем терпеть эту пытку? – в недоумении воззрился на меня Гервасий.

– Любовь народа – тяжкое бремя, принц! Да, сначала она весьма приятна, но со временем становится все труднее соответствовать ее растущим размерам. Все больше усилий приходится прикладывать, чтобы не разочаровать народ. Ненависть, Гервасий, очень редко переходит в любовь, а вот обратное случается довольно часто. И если народ возненавидит государя, то дни того на троне сочтены. Обряд Единения наглядно демонстрирует степень любви народа к Государю. Ради этого можно и потерпеть некоторые неудобства...

– Первым же Указом я отменю Обряд! – корчась от боли, прорычал принц.

– Это будет твой последний указ, сын. – Я с сочувствием посмотрел на Гервасия. – Можно отнять привилегию у провинившегося перед Государем дворянина или даже целого сословия. Но нельзя без веской причины лишить Обряда Единения весь народ!

– Тогда я отказываюсь от трона! Лучше я останусь «Вечным Принцем», чем буду каждую неделю терпеть подобные муки...

Я сделал знак Синеусу, и тот, подойдя к двери, отодвинул металлическую шторку смотрового окошка и посмотрел, что творится снаружи. Потом опять закрыл окошко и, повернувшись ко мне, кивнул. Со вздохом облегчения, я откинулся на спинку кресла. И так, мои люди уже уничтожили настоящих заговорщиков. Принц Гервасий очень бы удивился, если бы хотя бы мельком просмотрел те бумаги, что я читал, пока он корчится от боли на железном троне. Ведь это – доклады моих агентов, внедренных в ближайшее окружение принца. Почти половина заговорщиков на самом деле работают на меня. Так что, стоя недавно с принцем на площадке винтовой лестницы и слушая его ультиматум, я знал, что кроме врагов рядом с оружием в руках находятся и мои защитники. Это, конечно, не давало полной гарантии безопасности, но я сознательно пошел на риск. И он оправдался!

– Отец, ты слышишь? – из последних сил крипит Гервасий. – Я отказываюсь от трона!

– Дай принцу вина, Синеус! – приказываю я. – Это немного облегчит его муки.

Да, половина заговорщиков была моими агентами, поэтому ликвидация другой половины произошла практически мгновенно и незаметно для народа. Никто не должен знать, что заговор вообще имел место. Имя наследного принца останется незапятнанным. Да и так ли уж велика его вина? Ведь это я на самом деле являюсь вдохновителем и организатором заговора. Это мои агенты подзуживали принца на захват трона и раздували его спесь. Зачем?

Все просто: я действительно старею и очень устал. Мне нужен не просто наследник, а единомышленник, человек, который продолжит мое дело, а не разрушит все созданное мною за долгие годы правления Тартарией. Я возлагал все надежды на Ярослава, но того, к сожалению, больше привлекали битвы, а не повседневные заботы о государстве. Ярослав мечтал о славе завоевателя, а я стоял на его пути...

А Гервасий рос, зная, что трон Тартарии не для него. Все его время занимали развлечения: пиры, охота и женщины. Он вырос изнеженным и избалованным. Я надеялся, что, став наследником престола, Гервасий изменится, но этого не произошло. И тогда я придумал и организовал этот заговор. Одним выстрелом убил двух зайцев: пробудил в Гервасии честолюбие и выявил своих недругов.

Последняя песчинка упала, и Синеус рванул рычаг. Железный трон с лязгом выехал из ниши, и плита вновь закрыла окно на площадь. Палач быстро освободил обмякшего принца от удерживающих ремней и, кряхтя от натуги, перетащил на лежанку. Уложив стонущего Гервасия на живот, Синеус стал осторожно покрывать его кровоточащий зад лечебной мазью.

– Вот так-то, сын! – с удовлетворением произнес я. – Теперь ты знаешь, каково приходится мне.

– Я не хочу...

– Ты – наследник престола! – резко прервал я его. – Не хочешь быть Государем Тартарии, отреклись в пользу своего сына. Теперь ты знаешь, что его ждет.

– Нет, – простонал принц. – Даже врагу я не пожелаю такого...

– Тогда прекрати ныть! – прикрикнул я. – Ты дал мне слово, не забыл? А это значит, что через неделю мы вновь встретимся здесь, и ты опять заменишь меня на железном троне. И так будет продолжаться, пока ты с честью не выдержишь Обряд Единения, доказав, что готов заменить меня на престоле Тартарии.

– Пощади, отец! – взвыл Гервасий. – Я не смогу...

– Хорошо, я освобожу тебя от данного мне слова, если ты поклянешься с завтрашнего дня оставить свои пирушки, охоту и женщин. Будешь все время рядом со мной, начнешь вникать в государственные дела и по возможности принимать на себя ответственность за решение возникающих проблем. Сначала конечно под моим непосредственным руководством, а потом и самостоятельно.

– Я согласен! Даю слово, отец, что отныне стану твоим самым прилежным учеником и самым преданным подданным. Но как же быть с моими...

– Заговорщиками? – безжалостно уточнил я. – Это проблема Государя, и я ее уже решил. Да-да, не удивляйся. Ты многому должен научиться, сын! Радуйся, что у тебя будет такой учитель, как я.

Когда вернулся Синеус, передавший принца Гервасия в надежные руки моего личного лекаря, я бросал в огонь печи последний документ. Мой рабочий стол был пуст, на нем не осталось никаких письменных свидетельств существования заговора принца Гервасия против своего Государя. В молчании самого принца, моего лич-

ного лекаря и Синеуса я не сомневаюсь.

– Как дела у нашего узника? – спросил я палача. – Рад небось, что сегодня его зад отдыхает?

– Да, Государь, – поклонившись, ответил Синеус. – Он просто счастлив. Его раны что-то плохо заживают, и выпускать его в таком виде на церемонию было бы нежелательно. Я даже на всякий случай подыскал ему замену.

– Да, бедняга Гервасий! – Я невесело рассмеялся. – «Отец, как ты такое выдерживаешь?» Как думаешь, Синеус, как скоро мой сын начнет подозревать правду?

– Не думаю, Государь, что принц Гервасий догадается.

– Что ж, значит, когда-нибудь мне самому придется рассказать ему, для чего мы держим тайного узника в подземельях Грановитой башни. Много уцелело заговорщиков?

– Всего трое, Государь.

– Маловато. Уж больно часто мрут твои тайные узники! Скоро в моих тюрьмах и преступников не останется. Заговорщики хотели меня заменить? Скоро им представится такая возможность. Каждому! Вот только трон окажется железным...

СИЛА СЛОВА

История – ложь, которую никто не оспаривает.

Наполеон Бонапарт

— Эй, раб, как ты смеешь сидеть в присутствии царя? – услышал Александр голос Неарха. Очнувшись от дум, он увидел полуголого старика в рабском ошейнике, спокойно сидящего на ступенях, ведущих в гимназию. Жестом Александр остановил взявшегося за рукоять меча друга. Ему не хотелось омрачать свой сегодняшний триумф кровавой расправой над жалким рабом. Царь осмотрелся. На лицах столпившихся вокруг знатных коринфян и депутатов конгресса Эллинского союза он ясно читал жажду скандала. Что-то здесь не так. Не может простой раб вести себя столь нагло, да еще в присутствии лучших граждан города и гегемона Греции.

Всего два года назад в решающей битве при беотийской Херонее войско Филиппа II разбило объединенные силы коалиции греческих городов. Немалый вклад в победу внесли и воины, командовал которыми восемнадцатилетний сын македонского царя Александр. Здесь, в Коринфе, Филипп II заставил Грецию объединиться

под властью македонского гегемона. Был заключен Эллинский союз. Города-государства, вошедшие в него, сохранили внутреннюю автономию. Их представители при необходимости должны собираться на конгресс в Коринфе. Была создана общая армия для противодействия внешним врагам и предотвращения актов агрессии в отношении любого из членов Эллинского союза. Командующим этой армии Филипп II, естественно, объявил себя. Кроме того, македонские гарнизоны остались в Коринфе, Фивах и некоторых других городах.

Два года в Греции было спокойно. Македонцы готовили общую армию к походу в Персию, как вдруг царь Филипп умер. Решив, что молодой наследник македонского престола не сможет оказать серьезного отпора, греки восстали против македонского господства. Как и ранее зачинщиками намечающейся войны выступили извечные соперники – Фивы и Афины, вынужденно объединившиеся против общего врага.

Но восставшие недооценили Александра. Того готовили к власти с раннего детства. Александр учел, что Греция стала едина всего лишь два года назад и к тому же не по собственной воле. Многовековая вражда и внутренние противоречия между городами-государствами пока не исчезли, а общая армия продолжала подчиняться македонскому царю.

Приняв власть, Александр срочно созвал в Коринфе конгресс Эллинского союза и пригрозил на нем направить общую армию против мятежников, так как они нарушили договор и, изгнав македонские гарнизоны, проявили явные акты агрессии против одного из членов союза – Македонии. Большинство греческих полисов, осознавших преимущества стабильного мира и спокойствия торговли, не желали новой войны. Они понимали, что если даже удастся изгнать македонцев (что вряд ли), то обретенная вновь независимость неминуемо приведет к возобновлению междоусобных раздоров и войн.

И вот отгремели яростные споры. Конгресс большинством голосов подтвердил действенность положений Эллинского союза и утвердил его гегемоном нового македонского царя. Мятежники не получили поддержки, и судьба их отныне будет незавидна, это Александр решил твердо. Ведь он решил продолжить дело своего отца, Филиппа II. Но двинуть армию на восток, против персов, оставив в тылу тлеющие очаги измены, невозможно! Поэтому урок для потенциальных бунтовщиков должен быть жесток и нагляден. И первой целью, решил Александр, будут Фивы. Это гнездо измены необходимо выжечь дотла.

Перед прощальным пиром македонский царь решил прогуляться по Коринфу, осмотреть его храмы, дворцы, стадион с гимназией, а также поближе познакомиться с лучшими людьми города. Так он объявил окружающим. На самом же деле, Коринф совершенно не интересовал Александра, но нужно было хоть чем-то подсластить горечь поражения грекам, проветрить от споров голову и обдумать дальнейшие действия. И вдруг на пути царя возник этот наглый раб! Как это могло случиться? Ведь дорогу перед Александром и сопровождающей его свитой, состоящей из личной охраны царя, членов Эллинского конгресса и знатных коринфян расчищает от посторонних лиц городская стража!

– Кто ты, старик? – не выдавая беспокойства и гнева, спросил раба Александр.

– Меня называют собакой, – спокойно ответил тот, продолжая безмятежно сидеть.

– И почему же тебя так зовут?

– Кто бросит кусок – тому виляю, кто не бросит – облаиваю, кто злой человек – того кусаю.

– Игемон, не гневайся, – пробился к Александру сквозь толпу жирный критянин в одежде богатого купца. – Это мой раб, известный философ Диоген Синопский. Позволь, я сам накажу его...

– Философ? – Александр с интересом посмотрел на раба. Тот был не по годам крепок, не по статусу высокомерен и отвечал царю вызывающим взглядом. – Мой отец, царь Филипп, конечно, жестоко наказал бы этого наглого раба, купец. Да и тебя заодно – за то, что не сумел научить своего раба, как тому следует себя вести в присутствии знатных людей. Но я – царь Александр! Одним из моих учителей был Аристотель, так что вам повезло.

Александр сделал знак Неарху, и тот мощным толчком вернул купца в толпу коринфян. Те стояли так плотно, что толстяк, врезавшись в передних, избежал падения и остался на ногах, однако тут же со злобными комментариями его выпихнули в задние ряды.

– Что ж, пес Диоген, – усмехнулся царь, – давай проверим, каков из тебя философ. Твоим отцом, как я помню, был синопский меняла и ростовщик, брошенный в тюрьму за изготовление фальшивых монет. Ты, говорят, усердно помогал отцу в этом неблагоприятном промысле, но то ли успел вовремя сбежать, то ли был изгнан из города.

– Это ложь! – ощерился Диоген. – Я в то время путешествовал по Греции, был у оракула в Дельфах.

– Да, с тех пор прошло более полувека, и узнать правду сейчас мы вряд ли сможем, – усмехнулся Александр и с удовлетворением отметил прокатившиеся по толпе зрителей смешки. – Но, насколько я знаю, ты вдруг объявился в Афинах и стал нищим бездомным попрошайкой. Клянчил милостыню на площади и жил в старом дырявом пифосе*, выброшенном кем-то за ненадобностью. Почему же ты так и не вернулся в Синоп, если тебе ничего не грозило?

– Я не мог вернуться, – буркнул Диоген. – Мой собственный раб обокрал меня и сбежал.

– Раба поймали?

– Нет, я не подавал жалобу. Если раб может прожить сам, без меня, то и я мог прожить без него!

– Интересная мысль. – Александр на пару мгновений задумался, потом вновь обратился к Диогену: – Значит, ты предпочел пятьдесят лет

* Пифос – большой древнегреческий кувшин. Мог быть размером с человека и более, использовался для хранения зерна, вина, оливкового масла, соленой рыбы и других продуктов. В пифосах также хоронили людей. Позднейшая историческая и художественная традиция приписала Диогену проживание в бочке, но древние греки бочек не делали.

прожить нищим и бездомным попрошайкой в чужом городе вместо того, чтобы возвратиться в родной дом. И все из-за того, что тебя обокрал твой собственный раб, которого ты даже не пожелал объявить в розыск...

– Не только поэтому! – взвизгнул Диоген. – В Афинах, еще до бегства раба, я увлекся философией киников и стал учеником Антисфена.

– Антисфен давно умер, – парировал Александр. – А ты так и не вернулся в Синоп.

– Зачем мне было туда возвращаться?

– Об этом мы поговорим чуть позже.

Александр, поморщившись, сел на угодливо принесенное кем-то из гимназии ложе. Он с удовольствием стоял бы и дальше, потому что достаточно насиделся в конгрессе, но стоять перед сидящим рабом царю и гегемону не пристало.

– Поговорим теперь о философии киников. Ты, Диоген, пошел дальше своего учителя и стал отвергать все: богов, искусство, обычаи, семью, общество и мораль. Я слышал, что в Афинах ты публично занимался рукоблудием, это так?

– Все так, – усмехнулся Диоген. – Жаль, что голод нельзя утолить, поглаживая живот. Ты хорошо информирован, игемон...

– Зато ты, и те, кто посадил тебя на эти ступени у меня на пути, совсем не знают меня, – с удовлетворением отметил Александр.

– Но, игемон... – Вновь сунулся вперед купец, но Неарх небрежным взмахом руки отшвырнул его тушу назад, в толпу коринфян.

– Итак, – хладнокровно продолжил Александр. – Два года назад, когда мы, македонцы, разбили греков в сражении при Херонее, в Афинах началась паника. Чтобы пресечь массовый исход жителей из города, народное собрание приравнило бегство к государственной измене, караемой смертью. Так было?

– Так, – кивнул Диоген. – Ждали штурма. Поэтому жители принялись укреплять стены города, накапливать продовольствие, всех мужчин призвали на военную службу, рабам обещали свободу.

– А что делал ты, Диоген?

– Я катал по улицам Афин свой пифос.

– Зачем? – удивился Александр.

– Я – гражданин мира. – Диоген высокомерно усмехнулся. – Не признаю государства и границы. Мне-то что за дело, кто будет править в Афинах: македонский царь Филипп или Демосфен? Но все вокруг суетятся, что-то тащат, чем-то заняты, один я сижу без дела. Ничего кроме пифоса у меня в то время не было, вот я его и катал по улицам.

– Тебе уже тогда было за семьдесят, да? – Александр еще раз внимательно осмотрел раба. – Но я вижу, что ты и сейчас на удивление крепок телом, зорек глазом и здоров не по годам.

– Я всю жизнь закаляю свое тело, – гордо ответил Диоген. – Летом часто лежу на раскаленном песке, зимой обнимаю заиндевевшие статуи.

– В таком случае, ты мог бы оказать Афинам более существенную помощь, вместо того, чтобы бессмысленно катать по улицам свой пифос.

– Я уже сказал... – побагровел Диоген.

– Да, я слышал, – перебил его Александр. – Ты не признаешь государства и границы. Я вижу, что пес Диоген не трус, однако, он все же сбежал из Афин, несмотря на запрет и угрозу казни. Ты, называющий себя «гражданином мира», не пожелал отдать жизнь за свободу приютившего и кормившего тебя более полувека города!

Диоген презрительно фыркнул и отвернулся от Александра.

– Как это было, пес? – не реагируя на хамскую реакцию собеседника, спросил царь. – Ты тайком пробрался на корабль, отправляющийся к берегам Эгины? Денег-то, чтобы заплатить капитану за проезд, у тебя, нищего попрошайки, быть не могло.

Диоген проигнорировал вопрос.

– Но тебе не повезло, пес, – спокойно продолжил свою речь Александр. – Корабль захватили пираты, тебя продали в рабство, и теперь ты живешь здесь, в Коринфе. И что самое обидное – роковое бегство твое было напрасным, потому что мой отец, царь Филипп, вовсе не собирался нападать на Афины! И не напал.

Царь повернулся к толпе зрителей и негромко позвал:

– Эй, купец, как тебя?..

Критянина вытолкнули вперед.

– Ксениад, игемон, – униженно кланяясь, приблизился тот к царю.

– Что за работу выполняет у тебя этот раб?

– Он обучает моих сыновей, игемон. Они сейчас оба находятся в этой гимназии, поэтому Диоген и сидит здесь, ждет, когда закончатся занятия, чтобы проводить их домой. Об этом я и хотел сказать тебе раньше...

– Чему же он их обучает? Философии киников? Отрицанию всего и вся?

– Нет, игемон. Верховой езде, метанию дротиков, истории и греческой литературе.

– Это забавно! – Александр рассмеялся. – Человек, отрицающий искусство и науки, обучает детей истории и литературе.

Царь вновь с удовлетворением отметил, что его смех поддержали многие из стоящих вокруг невольных зрителей.

– Да, – восторженно воскликнул Диоген. – Я всегда говорил, что люди должны вернуться к идеалам первобытного общества, к его простым и естественным нравам, не искаленным так называемой цивилизацией с ее государствами, раб-

ством, культурой и искусством. В первобытном обществе все равны и свободны в своих желаниях. Нет морали, семьи и связанных с ними конфликтов. Все женщины и дети – общие! И поэтому о них равно заботятся все мужчины, а значит, все слабые члены общества сыты, одеты и защищены...

– И это говорит философ! – Александр сокрушенно покачал головой. – Ты более чем втрое старше меня, Диоген, а рассуждаешь, как неразумное дитя. Неужели ты и вправду веришь в Золотой век первобытного общества?

– Да, верю! – страстно воскликнул Диоген. – И всю жизнь учу, что надо отринуть все излишества цивилизации и жить в гармонии с природой.

– Ты – демагог, пес Диоген, – с сожалением промолвил Александр. – Отрицая цивилизацию и рагуя за близость к природе, ты всю жизнь живешь в городе. Почему же ты не удалился куда-нибудь в лес или горы? Почему клянчил милостыню у цивилизованных граждан, а не добывал себе пищу охотой, как это делали первобытные люди? Сколько женщин и детей ты осчастливил своей заботой? Как ты хотя бы позаботился о собственной матери, когда твоего отца отправили в тюрьму? Ведь все ваше имущество было взято в пользу города. Что стало с твоей матерью, Диоген, пока ты обучался философии в Афинах и не желал разыскивать сбежавшего со всеми твоими деньгами раба? Ну же, не молчи, пес! Неужели зрелому философу-греку нечего ответить юнцу-варвару? Чего это ты дрожишь?

– Отойди, ты заслоняешь мне солнце, – прохрипел трясущийся от ярости Диоген.

Тут за рукоять меча схватился не только Нерарх, но и все македонские воины личной охраны царя, но Александр резким жестом вновь остановил их. Он повернулся к Диогену, сменившему вальяжную до этого позу на напряженную. Кулаки раба сжались, взбугрив отнюдь не старческие мышцы, грудь вздымалась от частого дыхания, насмешливая улыбка превратилась в злобный оскал.

– Где же твоя хваленая закалка, пес Диоген? – спокойно сказал царь потерявшему над собой контроль рабу. – Всего два года спокойной рабской жизни, и тебе уже требуется тепло солнца, чтобы согреться посреди лета. Итак, подведем итог. Ты, пес Диоген, называешь себя «гражданином мира», отрицаешь всякую власть и государственные границы. Но на самом деле ты просто изгой, человек без родины. Тебя в юности изгнали из Синопа и в старости не примут назад в преданных тобою Афинах. А здесь, в Коринфе, ты – обычный раб, а не гражданин.

– Друзья и последователи в любой момент выкупят меня из рабства и дадут свободу! – вос-

кликнул Диоген. – Они уже предлагали мне это. Я сам отказался, не желая быть у них в долгу. Кроме того, истинная свобода человека и его рабство не определяются наличием или отсутствием ошейника! Я, и будучи рабом, распоряжаюсь своим хозяином, и чувствую себя более свободным, чем он.

– Нет, раб, – снисходительно усмехнулся в ответ Александр. – Ты отказался от выкупа не поэтому. Просто за два года жизни в Коринфе ты привык к регулярной хорошей пище, крыше над головой и необременительным обязанностям. Ты стареешь, и тебе больше не хочется терпеть нужду и невзгоды, жить, как бродячая собака. У тебя теперь есть теплая конура и добрый хозяин. Ты и в этом оказался предателем. Изменил собственному учению, «философ»!

Царь выделил последнее слово презрительной интонацией. Словно публично плюнул им в лицо раба.

– И от свободы ты, оказывается, отказался сам, по собственной воле! Вся твоя нынешняя свобода, пес Диоген, ограничивается длиной цепи, на которой держит тебя хозяин.

– Даже на цепи у меня достаточно свободы, чтобы говорить людям правду! – прорычал в ярости Диоген. – В том числе и царям. Диогена из Синопа знает весь мир! А кто ты такой, царь Александр? Двадцатилетний мальчишка, всего лишь по случайному праву рождения севший на трон. Всем, что у тебя есть, ты обязан своему отцу. Это царь Филипп II создал могучую Македонию и ее победоносную фалангу. Глупые греки, стиснутые идиотскими границами и рамками местнических интересов, сами пригласили армию Филиппа в самый центр Греции, чтобы наказать жителей Амфиссы за самовольный захват так называемых священных земель. Думали использовать македонцев в качестве наказующей дубинки, а потом отправить их домой. Но Филипп после разорения Амфиссы внезапно стал захватывать и другие греческие города и, в конце концов, навязал всем Эллинский союз!

Диоген вскочил и обратился к толпе.

– О каком союзе вы, греки, ведете речь, если он навязан вам силой? Лицемеры! Это вы – рабы, а не я.

Прокричав последние слова, Диоген опять сел и вновь обратился к Александру:

– Из-за таких вот захватчиков, как твой отец, и трусливых лицемеров, как греческие властители, я и не признаю государства, границы и власти. Вот почему не хочу воевать за эти ложные «ценности» и считаю себя гражданином мира.

– Да, я пока юн, – вздохнул Александр. – Но это быстро пройдет. Ты прав в другом, Диоген: мне действительно все досталось от царя Филиппа. Но сейчас началась моя эра! Сегодня

именно я добился сохранения Эллинского союза, и именно я продолжу реализовывать планы моего отца по построению мирового порядка. С помощью объединенной греческой армии я завоюю весь мир, и тогда в нем не останется иных государств, кроме моего. Не будет границ и междоусобиц, и каждый житель моей державы станет истинным гражданином мира!

– Это только слова! – презрительно отмахнулся Диоген. – Жаль, что я уже стар и вряд ли смогу насладиться твоим позором, когда персы разобьют твою жалкую армию, а тебя превратят в евнуха.

– Мой отец стал царем в двадцать три года, – спокойно сказал Александр. – Он поднял из праха Македонию, отбросил от ее границ варваров, объединил и подчинил себе Грецию. Я надел царскую корону в двадцать лет и только начинаю свой путь. Ты прожил долгую жизнь, Диоген, но не сделал ничего, чем можно гордиться, разве что нажил крепкое здоровье. А я сегодня уже положил начало своим успехам.

– Посмотрим, каким будет конец, – ядовито прошипел Диоген.

– Посмотрим, – задумчиво протянул Александр. – Будем надеяться, что ты доживешь до моей смерти и сможешь увидеть то, что успею и сумею сделать за время моего правления я. Ты предал все, что имел и чему учил, пес Диоген. Жил и, по-видимому, умрешь, как собака. Но не надейся: уж точно не от руки царя Александра! Такой посмертной славы у тебя не будет. Я накажу твою дерзость иначе. Эй, Ксениад!

Истекающий потом, бледный от ужаса купец на подгибающихся ногах вновь подбежал к царю:

– Я здесь, игемон.

– Хорошо корми своего раба, купец, и не нагружай сверх меры работой. Я хочу, чтобы этот паразит жил очень долго, желательно – до моей смерти. И не вздумай дать ему свободу или продать другому хозяину! В награду я даю тебе привилегию на обеспечение всем необходимым македонского отряда, стоящего в Коринфе.

– Благодарю, игемон! – обрадовался купец. – Не беспокойся, Ксениад никогда не нарушал подписанного договора.

– Ах ты, хитрец! – засмеялся Александр. – Я распоряжусь, чтобы с тобой заключили письменный договор на поставки продуктов и прочего.

– На какой срок, игемон?

– Пока кто-нибудь из нас двоих не умрет: я или Диоген. Так что храни здоровье и жизнь своего раба и молись богам за мое благополучие.

– Все же надо было хотя бы как следует выпороть того наглого раба, – пробурчал Неарх,

когда македонцы после прощального пира покинули Коринф.

Александр дал знак, и отряд охраны отстал на расстояние, достаточное для того, чтобы никто не слышал беседы царя с двумя самыми близкими к нему сановниками.

– Я согласен с Неархом, – твердо сказал Антипатр, отвечая на вопросительный взгляд повелителя. – Тот старик вел себя вызывающе и несколько раз прямо оскорбил тебя и всех нас, македонцев. Его надо было публично казнить, а не выпороть.

Александр вздохнул и ласково потрепал по шее Буцефала. Конь явно застоялся, проведя весь день в конюшне. Но если дать ему волю, они прискачут в лагерь слишком быстро и не успеют поговорить без лишних ушей вблизи, так как все, что происходит в царском шатре, отлично слышно воинам охраны, круглосуточно дежурящим у входа. А поговорить надо и срочно!

– Я бы сделал, как вы говорите, друзья, не будь я Александром, – наконец повторил царь загадочную фразу. – Враги Эллинского союза ждали именно такой реакции от македонского варвара, но я-то не зря учился у Аристотеля и сразу увидел ловушку.

– То есть, мы с Неархом по-твоему – варвары? – обиженно нахмурился Антипатр.

– Не по-моему, а по мнению фиванцев и афинян, – примирительно улыбнулся ему Александр. – И не только вы и я, а вообще все македонцы. Просто под руководством Аристотеля я хорошо изучил не только историю и искусство греков, но и их нравы, образ мышления. Они не ожидали этого, потому и усадили на моем пути Диогена Синопского, известного своей грубостью и наглостью, а также отсутствием какой-либо почтительности к кому-либо и чему-либо, тем более – к власти.

– Зачем же ты дал его хозяину привилегию, если он – наш явный враг? – удивился Антипатр.

– Ксениад сам был до смерти испуган поведением своего раба, – ответил Александр. – Он не местный, прибыл в Коринф с Крита, поэтому заговорщикам его не жалко. Даже под пытками купец не смог бы их выдать, потому что вряд ли он состоит в заговоре. Как и Диоген. Они оба – чужаки в Коринфе.

Александр вдруг нахмурился.

– Кто-то ловко использовал Диогена. Насколько я помню его учение, он считает, что как человек умер, не менее важно, чем то, как он жил. Так что кто-то, возможно, подсказал рабу, как тот может умереть от руки царя Македонии и тем дополнительно вписать свое имя в историю.

– Под пыткой раб назвал бы мне имя этого заговорщика, а тот – имена других! – воскликнул Неарх.

– Вряд ли, – с сомнением покачал головой Антипатр. – Негодяй наверняка еще утром покинул Коринф.

– Нет, сначала он остался в городе, – уверенно сказал Александр. – Ведь заговорщики рассчитывали, что я в ярости сразу убью наглого раба, и тот не успеет никого выдать. Но теперь-то, они все, конечно, уже сбежали из Коринфа.

– А если никакого заговора вообще нет, и раб просто ждал сыновей того купца? – спросил Антипатр. – Ты же сам, игемон, сказал, что наглое поведение Диогена для него естественно, и его хозяин не может быть заговорщиком. Тогда получается, что царь Македонии оставил без наказания публичные оскорбления в свой адрес со стороны какого-то презренного раба!

– Заговор есть, – твердо ответил Александр. – Не купец посадил своего раба на моем пути, но есть некто, кто проложил мой маршрут по осмотру Коринфа так, что мы неминуемо должны были встретиться с Диогеном.

– Да с чего ты взял? – воскликнул Неарх.

– Ты разве не слышал речи Диогена против Эллинского союза? – усмехнулся царь. – А ведь он называет себя космополитом! Будучи свободным, Диоген отказался защищать Афины, в которых прожил пятьдесят лет! И вдруг такие упреки в адрес греков из уст раба. Какое ему дело до Эллинского союза?

– Да, теперь я согласен с тобой, игемон, – покаянно склонил голову Антипатр. – С прискорбием должен признать, что ни я, ни даже царь Филипп не смогли бы распознать антимакедонский заговор в наглom поведении какого-то раба. Твой отец сразу, без каких-либо раздумий и колебаний зарубил бы Диогена на месте.

– Ну и что? – с недоумением воскликнул Неарх. – И я бы зарубил. Какой от этого вред?

– Смерть известного на всю Грецию философа, недавней гордости Афин, а ныне – Коринфа, от руки или по приказанию македонского царя добавило бы нам врагов и, возможно, привело бы в конечном итоге к распаду Эллинского союза и ненужной нам пока войне.

– Но ведь ты сам, Александр, велел мне готовить армию к войне...

– Да, мой друг, – повернулся к скачущему по левую руку молодому военачальнику царь. – Но не со всей Грецией! Сегодня, Неарх, я одержал сразу две победы: Греция осталась моей, и заговорщики не смогли этому помешать. Запомни,

друг, порой словом можно добиться большей победы, чем мечом. Но для полной победы необходимо последовательное сочетание и того, и другого оружия.

Александр повернул голову направо и сказал Антипатру:

— Это хорошо, что Фивы изгнали наш гарнизон. Теперь, когда я официально утвержден гегемоном Эллинского союза, у нас развязаны руки. Завтра же ты сформируешь новый гарнизон для Фив. Собери туда весь сброд, какой найдешь в нашей армии из числа македонцев, афинян и прочих ненавидящих фиванцев воинов. Но подбери верного мне командира, умеющего держать язык за зубами. Объясни тому задачу: воины его гарнизона должны вести себя в Фивах, как банда грабителей и насильников. Командир в ответ на жалобы местных жителей будет публично порицать нарушителей порядка, но в тайне поощрять их на новые преступления.

Мне нужно, Антипатр, чтобы Фивы вновь подняли мятеж и изгнали, а лучше даже уничтожили наш гарнизон. Теперь, когда все положения Эллинского союза подтверждены, нам придется воевать только с Фивами, а не со всей Грецией. Казна Македонии пуста. Более того, отец оставил мне огромные долги почти в пятьсот талантов*! Фивы – богатый город. Взяв его, мы решим сразу несколько проблем.

– Прекрасный план, игемон! – почтительно склонил голову царедворец.

– А ты теперь все понял, Неарх?

– Да, мой царь! – радостно воскликнул молодой военачальник. – Мы уничтожим бунтовщиков поодиночке.

– Правильно! Только когда мы раздавим всех заговорщиков, я двину армию на восток, в Персию. А ты, Антипатр, останешься здесь и будешь править моим именем в Македонии и Греции. Только тебе, лучшему и верному другу моего отца, я могу доверить свой тыл.

– Это большая честь, игемон! Я буду тебе верен так же, как был верен царю Филиппу.

Фивы вскоре действительно подняли мятеж против Македонского владычества и призвали Афины и другие греческие города поддержать их. Но никто на их призыв не откликнулся. Фивы пали очень быстро, что изумило всю Грецию. Но еще более поразило и ужаснуло Элладу то, как обошелся юный царь Александр с непокорным городом. Тот был полностью разграблен, и все его жители были проданы в рабство.

* Талант – единица массы и счетно-денежная единица, использовавшаяся в античные времена в Европе, Передней Азии и Северной Африке. Во времена Александра Великого талант равнялся 25,902 кг серебра.

Некоторые греческие города тут же сами нашли и казнили своих заговорщиков и противников Эллинского союза. Очаги возможной измены были потушены.

Александр расплатился с долгами македонской казны и со спокойной душой двинул армию на восток. Всего за тринадцать лет он создал огромную империю, завоевав и покорив множество народов и государств.

Что удивительно, властелин мира Александр и раб купца Ксениада Диоген умерли, если верить историкам, в один день! Причины их смерти до сих пор точно не известны. Но очевидно, что Диоген был прекрасно осведомлен обо всех достижениях Александра, и они вряд ли оставляли его равнодушным.

Ненавидевшие македонских захватчиков коринфяне, а вслед за ними и греческие историки так описали встречу и разговор молодого македонского царя и старого афинского философа:

«Надменный царь Александр, посетив Коринф, долго ждал, пока знаменитый философ Диоген придет к нему засвидетельствовать свое

почтение, но тот спокойно проводил время у себя. Тогда Александр сам пришел к Диогену, когда тот сидел и грелся на солнце, и сказал:

– Я – великий царь Александр.

– А я, – ответил философ, – собака Диоген.

Они еще обменялись парой фраз, и Александр сказал Диогену:

– Проси у меня, чего хочешь.

– Отойди, ты заслоняешь мне солнце, – ответил Диоген и продолжил греться.

Уходя, Александр сказал своим приятелям:

– Если бы я не был Александром, то хотел бы стать Диогеном».

И вот уже две с лишним тысячи лет историки бездумно повторяют эту лживую сказку, совершенно не задаваясь вопросом: чему, собственно, мог завидовать молодой царь, гегемон Эллинского союза, будущий владыка мира Александр Македонский в судьбе и жизни маргинала и раба Диогена Синопского? Такова сила написанного слова! Не зря русская поговорка гласит: «Что написано пером, того не вырубишь топором!»

Николь ВОСКРЕСНАЯ

Родилась в 1990 г. в с. Чара (Каларский район, Читинская область). Живет во Владивостоке. Кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. Директор издательства «Дальиздат». Член Союза писателей России. Первый сборник стихотворений выпущен в 2011 году. Публиковалась в журнале «Алые Паруса», альманахах «Сихотэ-Алинь», «Отражение», «Магнолия», сборнике «Литературный нерест». Автор книг «Акварели» (2011), «Гранат» (2014), «Никтофобия» (2016).

«Я ОБЛАКО, ЛЕТЯЩЕЕ НАД МИРОМ...»

* * *

Пустоглазые дома,
мир без света,
пережито как война,
как запреты.

Не почувствовать тепла,
в бледный вечер,
избегая как угля,
каждой встречи.

И любой другой мотив — смута,
храм, заброшенный души,
без уюта.
Каждая любовь всегда — форма власти,
белоснежные клыки в алой пасти.

ДАФНА

Я не боюсь боли,
я в тебя прорастаю.
Воля нежности, нежность воли,
венком на черепе расцветает.

В темноте пробираясь наощупь,
нервы — корни пустив повсюду,
корневище размером с площадь,
Я ползу под землей, ишу чуда.

Тело часть первобытной протоплазмы.
Ну и что, что оно исчезнет,
не бояться терять разум,
не бояться быть бесполезным.

Разучившись дышать, научиться видеть,
трепетать от ветра, проникать и виться
и так сладко тебя ненавидеть,
создавая жизнь становится убийцей.

САМОРОЖДЕНИЕ

Набранный номер не существует.
Времени воды — пустой эликсир,
смывает все, о чем ты тоскуешь,
на что не хватило сил.

Эта вода ненасытна,
бездна ли все поглощает?

Черной рекой молитва,
кто тебя благословляет?

Мир пред тобой распростерт,
ждет одного лишь, объятья,
Ты в нем исчез, ты намерено стерт,
только вот силой какого заклатья?

* * *

Моим вдохновением стань,
На песни себя обреки.
Из сотни небесных стай,
останутся только стихи.

Их черный и горький яд,
тебя опоит навсегда,
такие легко горят,
как в осень сухая трава

Отважься приютить в груди,
огонь, тот, что хуже нет,
страсть выветрится как духи,
слова оставляют след...

* * *

Я кто? Я облако, летящее над миром,
Как псалом за окном.
Не свалиться бы мне,
в плохо заваренный чай пожелтевших листьев,
И так невзначай, случайно разбиться,
На мелкие лужи нежной воды,
В которой чужие следы тают,
Будто и не было,
Словно не стать, не встать, не пойти,
Своей дорогой сбившись с пути.
Дороги нынче ноги.
Ни к чему никому строки — струи воды.

НОЧНОЙ ДОЖДЬ

Капли царапающие стекло,
Сводят с ума.
Чувства растрепаны как старый молитвослов,
Грудная клетка — тюрьма.
Змееногая ночь обнимает на протяжении часов,
Чувствую, как растет луна,
Не оставая на память, даже немного слов...

Ни одна мелодия не длится вечно.
И этот осенний дождь,
Спешит зачем-то пролиться,
Оставайся, дыши бесконечно,
Жги этот воздух, бесценный как каждый твой вздох,

Все равно каждый каплей с неба летит разбиться!
И не сдержать эту дрожь...
Но, я тебе буду, обещаю, что буду молиться,
Пока длится, каждый такой многословный дождь...

* * *

Грязно-серый город забудь меня,
Из виду потеряй.
Я теперь не твоя,
Полпути по дороге в рай.
Только кончики пальцев на холод болят,
Тихо саднит душа, повторяй,
Повторяй меня, запоминай, узнавай наугад,
И все правила нарушай,
Все подряд...

* * *

Хуже не будет
Лучше не станет.
Все что проходит,
Ждать не заставит.
Все что ты ждешь,
Никогда не вернется,
Словно лучи заходящего солнца.
Все что ты ищешь, знак или чудо,
Ближе к тебе чем вчерашнее утро...

* * *

Синие лошади по синему небу
Прямо на синий снег.
Все, что было и все, что не было, —
Словно в забытом сне.

Тянет уснуть и сбежать куда-то
В синий холодный день,
Где неприкаянно и виновато
Бродит забытый апрель.

Мир раскололся — вот-вот утонет
В странном кошмарном сне.
Только по небу синие кони
Так же бегут к весне.

ИНКОГНИТО

Оригиналы забыты напрочь —
Я всего лишь копия копий.
Спой мне песню самую страшную на ночь.
Что на завтра в моем гороскопе?

Повторится мое наважденье,
Или я про него забуду?

Так тревожно опять пробужденье,
Никакой надежды на чудо.

Все уже согласовано с планом.
Многоликое «мы» безгранично.
Забывая о самом главном,
Я инкогнито и обезличена.

* * *

Сорванный цветок,
Заживо сгореть.
Исходящий срок,
Не, о чем жалеть.

Но мне не сбежать,
От себя самой,
Мне не избежать
Вечности с тобой.

Самый верный знак,
Пламя без огня,
Бесконечный мрак,
Что позвал меня

Паутина строк,
Сотня без одной.
Будет все песок,
Даже мы с тобой.

* * *

На холод благослови,
Едким мраком сердце наполни.
Пережить бы все эти дни -
И безропотно, и безмолвно.
Если хочешь меня зачеркни,
Все вернется разрядом молний.
И глядят, глядят фонари,
Как назад возвращаются волны

* * *

Замершая, как перед бурей,
Закрывшаяся, как от боли
Бог, помоги дуре,
Остаться навечно собою!

Душа, с одним крылом бабочка,
Ее не сберечь зимой.
Убить легче сразу, не пачкая,
Рук, ядовитой пылью

И эту отравную сладость,
Не вытерпеть, не пережить,
Такая случайная радость,
И без толку воровать...

Алексей ЖУКОВ

39 лет. Образование неоконченное высшее по специальности PR-специалист. Публикации: малотиражные печатные сборники: «22 июня» и «Любви не названа цена», а также сетевой журнал: «Горизонт». Место работы и жительства: Логистическая компания, Латвия, Рига.

СЧАСТЬЕ ПО АКЦИИ

Магазин Андрей нашел в конце улицы. Ничем не примечательное здание, приутилизшееся к веренице таких же обшарпанных трехэтажек, первые этажи которых сдавались под торговые площади. Но в отличие от «соседей», сменивших старые витрины на современные стеклянные фасады, он сохранял свой первоначальный вид.

Окна в потрескавшихся деревянных рамах выглядели пустыми глазницами. Осевший на стеклах многолетний пласт грязи скрывал внутреннее убранство. Потемневшая дверь также не привлекала внимания обывателя. И лишь старая вывеска: «Товары для магии» говорила о его сомнительной, но все же коммерческой стезе.

У входа он чуть не споткнулся об мешки с цементом, прислоненные к штабелю регипсовых листов. Какой-то ремонт планировался и здесь. Хотя фронт работ наверняка предполагал гораздо больших ресурсов.

Все это Андрей фиксировал автоматически, как профессиональный строитель. Скорее это было просто способом уйти от волнения и сомнений. В конце концов, пришел он сюда совсем не за этим.

А волновался Андрей изрядно.

На двери белела приклеенная скотчем распечатка: «Закрыто на ремонт». Человека невнимательного это отвадило бы на раз. Но он сразу разглядел едва заметную приписку от руки: «Но не для искателей счастья».

Да и шел он сюда не наугад.

Немного потоптавшись на пороге, Андрей все же взялся за ручку. Подпружиненная дверь подалась с трудом, но без ожидаемого скрипа. Едва он переступил порог, как та так же беззвучно захлопнулась.

Несмотря на солнечный день, свет пробивался сквозь замызганные окна слабо. Разгоняла сумрак одна единственная лампочка, болтавшаяся под потолком в пыльном плафоне.

Помещение магазинчика было небольшим, еще больше его сужали нагроможденные у стен коробки. Кое-где валялись те же мешки с цементом, ведра, шпатели. У двери в подсобку стояли две стремянки и кейсы с инструментами.

Из общей обстановки ремонта выбивались лишь массивная дубовая стойка в глубине помещения, ноутбук на ней, да продавец, лениво теревший колесико мышки.

Андрей нарочито покашлял. Продавец поднял глаза и широко улыбнулся.

Лет тридцати, одетый в неброский, но подчеркнуто стильный деловой костюм, он бы уместнее смотрелся в каком-нибудь офисе Москвы-Сити, чем здесь. Зачесанные назад темные волосы, аккуратная борода, да холерный цвет лица выдавали в нем любителя барбер-шопа. А очки в тонкой прямоугольной оправе довершали классический образ так называемого эффективного менеджера.

Вот только было что-то в пристальных серых глазах, способное отпугнуть даже самого безбашенного гопника.

– Добрый день! – «Менеджер» поднялся и протянул руку.

Андрей ответил на рукопожатие. По пальцам словно пробежал небольшой разряд.

– Прошу извинить, но мы закрыты. Ремонт. – Продавец сокрушенно развел руками. – Да и инвентарь мы более не продаем.

– Да я как бы не за этим, – Андрей покосился на коробки в углу. – Мне сказали, что тут... Хотя, может я ошибся...

Он сделал шаг назад.

– А-а-а! – воскликнул продавец и заговорщицки подмигнул: – Наверное, вы заглянули за своим кусочком счастья?

Андрей кивнул.

– Тогда вы по адресу! – Бородач приспустил очки и резко посерьезнел. – Итак, вы готовы расстаться со своей бессмертной душой?

– Что? – Андрей попятился. – Нет-нет! Ни в коем случае! Мне сказали, что... По-другому совсем...

Продавец сел, и примиряюще поднял руки:

– Шучу-шучу. Вам опять-таки сказали совершенно верно.

– Так вы... – Андрей смутился, но продолжил. – И есть дьявол?

– Ну, что вы! Мастер уже давно не работает в поле. Даже мой непосредственный начальник, достопочтенный Бельфегор, предпочитает в последнее время скайп. Так что работа с клиентами легла на плечи нашего чертовского контингента.

Он снова подмигнул:

– Но, как говорится, плох тот черт, что не мечтает стать сатаной. Верно, эээ...

– Андрей. Андрей Васильевич.

– Борис. – Черт шуточно поклонился. – Просто Борис. Уж простите, не привык я к этим отчествам. До этого все по Европе работал, а там как-то не принято.

– Да, конечно. А вы, – Андрей показал глазами на зачесанную шевелюру: – действительно... черт?

Борис усмехнулся:

– А вас, наверное, смущает отсутствие рогов? Увы, это сейчас не в тренде. Рога, копыта

и хвосты – это все издержки застарелого мировоззрения. Как вот этот хлам! – Он кивнул в сторону коробок. – В свое время черная магия была настоящей находкой! А сейчас? Ерунда, побрякушки, не способные склонить заблудшие души к тьме.

– Вы и меня собираетесь? – Воскликнул Андрей. – Склонять?

– Ну, вот видите! – Черт всплеснул руками. – Конечно, нет! Ваша реакция лишь подтверждает наши исследования. Мы хорошо изучили «рынок», и поняли, что современный респондент не готов расстаться со своей душой на веки вечные. Даже за самые яркие перспективы.

Борис вытянул из кармана электронную сигарету, глубоко затянулся.

– Ад – это не только дым и пламя, – он выдохнул струю пахучего пара. – Это предприятие, которое идет в ногу со временем. Поэтому, мы внедрили новое предложение: «счастье по акции». Про которое вы, наверняка, и слышали от своих знакомых.

– Говорили про какую-то скидку...

– Не просто про скидку. А про очень гибкую систему скидок! – Черт поднял вверх указательный палец. – Мы больше не требуем за наши услуги душу навсегда. Современные рыночные отношения предполагают не столько частную собственность, сколько аренду мощностей.

– Не понял...

– Не заморачивайтесь, – продавец махнул рукой. – Не стану утомлять вас техническими нюансами Преисподней. Главное, что можете получить вы.

Он залез под стойку, повозился там и вытащил толстую стопку то ли журналов, то ли каталогов.

Цветной глянец гулко упал на столешницу, взметнув облако пыли, отчего яркие обложки будто засветились в поднятом мареве. Но даже когда пыль осела, страницы не утратили бледно-белого свечения.

– А предложить нам есть что! Ну же, смелее!

Андрей протянул руку, повел пальцами по гладкому титулу. Свечение зыбким туманом расступилось между пальцев, но тут же сомкнулось вокруг. Колючий, неожиданно приятный холодок скользнул по фалангам, а по коже пробежал ошутимый разряд.

– Что... Что это? – Оторопел Андрей.

– А это... Это визуальная составляющая энергии счастья. – Борис снисходительно хмыкнул. – Ну, или если по-простому: знак качества. Гарантия того, что наш товар не фикция, и отвечает всем заданным требованиям.

– Прямо всем? – Андрей потряс головой, будто опомнившись. – Подождите! Вы так и не закончили по поводу платы! Что за скидки-то?

– Прошу простить мою природную забывчивость, – Черт виновато поклонился. – Как я уже сказал, мы не требуем душу навсегда. Мы просто берем ее в аренду. Разумеется, только после естественной кончины, и ровно на оговоренный в контракте срок.

– И сколько же придется вариться в котле?

– Почему сразу в котле? Что за стереотипы? – Обиделся Борис. – Есть же еще сковороды, лавовые бассейны, паучьи озера, ледяные пики... И многое другое. Куда направят вас, это уже зависит от производственной необходимости.

Андрея передернуло:

– И все же – сколько?

– А вот это определяется уровнем услуги. Калькуляция происходит из множества показателей. Качество, количество, аналог трудозатрат и человеко-часов, согласно актуальным показателям современного рынка. А далее – перерасчет себестоимости вместе с наценкой на время пребывания в нашей... э-э-э... на нашем предприятии. И не беспокойтесь, мы следим за такими тенденциями, как скачки цен и инфляции.

– Да уж, – неожиданно согласился Андрей. – Цены сейчас и правда... Где это видано, чтобы кукла стоила тысячу евро?

– Что, простите? – Черт удивленно посмотрел на клиента.

– Кукла. Кукла-робот. Разговаривать умеет, ходить, смеяться. Даже писаться. Запоминает свое имя, и отзывается на него. А еще пахнет лавандой. Но стоит... Япошки, мать их...

Борис еще с минуту озадаченно взирал на Андрея. Тот с секунду смотрел перед собой, потом махнул рукой:

– Не обращайтесь внимания. Это я о своем.

– В самом деле! – Оживился продавец. – Какие, к дья... зачем взрослому мужчине, в расцвете сил, какие-то куклы! Взгляните!

Он вытащил из стопки цветастый каталог и развернул его перед Андреем:

– Посмотрите! Какие цыпочки, а? Любая из них может стать вашей! А может, и не одна? – Черт лукаво подмигнул. – Это, конечно, дороже. Но, по-моему, того стоит!

С ярких страниц на Андрея смотрели девушки в откровенных нарядах. Нет, не голые. Но латекс, блестящая кожа и ажурное белье лишь подчеркивали и без того впечатляющие формы. А блестящие улыбки и откровенные позы, вкупе с вождедеющими взглядами, не оставляли сомнений в готовности «растерзать» его прямо здесь и сейчас.

Борис нагнулся над стойкой, заговорщицки посмотрев на посетителя:

– А может, у вас есть давняя страсть? Школьная любовь? Подруга, что не оставляет шансов на близость? Поможем и с этим! Любовь, ко-

нечно, не обещаем. А вот желание разбудим на раз. И какое! – Черт закатил глаза. – И всего-то за лишние полвека аренды вашей души.

Андрей с полминуты пялился на глянцевого девиц. Потом замотал головой:

– Спасибо, но нет. Школьная любовь – и так моя жена. Да и вообще...

– Понял-понял, – уважительно закивал черт. – Вы – верный муж. Похвально. Окей, это убираем.

Каталог взмахнул страницами, и улетел со стойки в дальний угол. Девушка с обложки укоризненно глянула на Андрея, но тут же исчезла среди коробок.

А на столе лежал уже новый «журнал». Раскрытый посередине, он демонстрировал яркий постер, растянувшийся на две страницы. Атлетического телосложения мужчина лежал на шезлонге. В одной руке он держал бокал виски, а во второй – надкусанный хот-дог. Мужественные скулы обрамляли скупую, но бодрую и довольную улыбку. А глаза излучали безбоязненность и уверенность в себе. Даже, несмотря на то, что мужчина был в одних плавках, а возле шезлонга набились снежные сугробы.

Андрей с трудом разглядел в его лице свое собственное. Это было совсем не то вечно усталое «нечто», что он видел по утрам в зеркале, собираясь на работу.

– Удивлены? А ведь – это и в самом деле вы! Если, конечно, позвольте позаботиться о вашем здоровье. Нет-нет, – черт помахал пальцем, предвосхищая его вопрос. – Это не бессмертие. Но, благодаря данной программе, здоровье ваше будет непоколебимо до самого конца! Даже насморк не коснется! Я уже не говорю про потенцию... – Хихикнул он. – Но это уже шло, как дополнение. Стоило, по-моему, лет двадцать пять к основной сумме.

– Так себе бартер, – скривился Андрей. – Как в анекдоте? Умереть здоровеньким? Чтобы потом еще отдуваться в ваших застенках?

– Скажете тоже... Застенки... – Черт захлопнул каталог, и бросил за спину. Тот недовольно зашелестел и упорхнул в дверной проем подсобки. – Ну а цена... Тут уж извините. Вы, люди, сами задрали цены на здравоохранение. Ладно...

Борис разложил перед собой оставшиеся каталоги. Один за другим они скидывались на пол:

– Это вряд ли, – комментировал нечистый, – это тоже... М-да, и это не по вашу душу. Остается, разве что...

На столешнице остался одинокий «журнал» с золотистым знаком доллара во всю обложку.

– Деньги, – Черт хлопнул по гляncy. В невозмутимом доселе лице скользнуло раздражение. –

Просто деньги. Прямая конвертация адских мук в наличные средства. Можно, конечно, и безналом, но тогда еще будет процент за обслуживающие. Вы как хотите?

– Спасибо! – Вопреки ожиданиям черта, слова про муки посетителя не смутили. – Наличка меня вполне устроит.

– Хорошо. Итак, какую сумму вы желаете? И, кстати, тару приготовили? Бесплатный кейс полагается только при сумме в миллион и выше.

– Ай, – улыбнулся Андрей. – Не надо. По карманам распахую. Тысячи долларов мне вполне хватит.

– Что? – Борис не поверил собственным ушам. – Тысяча? Одумайтесь! Вам сейчас доступно настоящее богатство! Купаться в деньгах! Всю жизнь шиковать и плевать всем на головы! Одумайтесь!

– Да не, – смущенно повторил Андрей. – Зачем плевать? Да и купаться я в речке люблю. Тысячи хватит. Сколько это будет... на ваши?

Черт сжал кулаки, в глазах мелькнули искры.

– Пятнадцать суток огненной геенны. – Процедил нечистый. – Вы действительно уверены?

– Да-да. Где расписаться-то надо? – Андрей озадаченно посмотрел на свою кисть. Потом на Бориса:

– Кровью, наверное?

Тот молча достал сканер для отпечатков и тонкий конверт:

– Просто приложите палец. Угу. Спасибо. Вот ваш гонорар.

Андрей достал из конверта пачку соток, быстро пересчитал. Потом суетливо запихнул «франклинов» в бумажник.

– Ну... Прощайте, что ли, – Он еще раз смущенно улыбнулся.

– До свидания, – уточнил черт. – Пускай и не долгого.

Последние слова были обращены уже в спину Андрея.

Борис кашлянул, и каталоги слетелись, уложившись под стойкой в аккуратную стопку. В помещении вновь воцарился легкий полумрак.

За спиной Бориса скрипнула ведущая в подсобку дверь. Затем показались могучая спина в спецовке, коротко стриженный затылок и башня из коробок, раскачивавшаяся в волосатых руках.

Борис укоризненно посмотрел на выбивавшиеся из-под штанов комбинезона копыта:

– Степан! Ну, куда это годится!

Здоровяк опустил коробки в угол возле остальных, распрямился и гулко выдохнул. Замызганная кепка сползла на бок, но правый рог не дал ей соскользнуть с потной залысины.

– Что естественно, то не безобразно. И вообще, какого черта? Я ж не гуляю без штанов! Хвост вон даже затек.

– Я тебе не про приличия. Мы же с клиентами работаем! И должны выглядеть привлекательно.

Степан облокотился на стойку. Вытащил из уха папиросу, покатав ее в зубах:

– Ну, и много наработал... привлекательный?

Борис замялся:

– Не очень. Пятнадцать человеко-суток для котельной девятого круга.

– Эх, молодежь... – Степан закатыл глаза. – Помню вот, в семнадцатом, сразу после февральской...

Борис отвернулся. Если старого черта понесло, это надолго. Он уже тайком кликнул по браузеру, как вдруг заметил плоский прямоугольник, валявшийся у входной двери. Он был овеян аурой белого света, наподобие знака «счастья», только гораздо ярче.

– Что это?

Степан обернулся и посмотрел на находку коллеги. Затем подошел, аккуратно взял кончиками пальцев и, морщась, кинул на стойку.

– Смотри, не обожгись.

На столешнице лежала фотография. Из тех, что суют в кошелек и клеят на панель автомобиля.

Давешний посетитель Андрей обнимал женщину примерно тех же лет. Оба улыбались, морщась полуденному солнцу. А между ними, обняв обоих за ноги, шуточно повисла курносая девчушка. Веснушки на детском лице отражались сквозь глянец снимка, будто игривые огоньки.

– Что это? – Повторил Борис, так и не рискуя притронуться.

– Счастье. – Степан вытер руки о спецовку. – Чистое, без примесей и добавок. Концентрат.

– Не понимаю... – Пробормотал молодой черт. Озадаченно, даже как-то жалобно посмотрел на старого. – Зачем тогда продаваться за какую-то тысячу баксов?

– Я ж говорю – молодежь. – Степан похлопал его по плечу. – Да в Европе ты засиделся. Не понимаешь местного колорита.

Борис надулся:

– Какого еще, на хрен, колорита???

– А не, чему-то научился, – одобрительно хрюкнул здоровяк. – Но не главному. Ты глянь на эти глаза.

Взглядом он указал на веснушчатую девчонку на фото. Широко раскрытые, яркие, пронизывающие своей глубиной глаза были преисполнены радости и восторга.

– Да затем! Затем, чтобы видеть такие глаза, можно и душу отдать! Если ты, конечно, – отец.

Олег ЗОЛОТАРЬ

Родился в 1983 году. Живет в г.Минске (Республика Беларусь). По образованию историк.

Рассказы публиковались в сетевых журналах и альманахах МОЛОКО, ЧАЙКА, КАМЕРТОН, ТОПОС, НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА (иногда под псевдонимом Ыман Тэу).

ГНОМ

Паклюков всегда верил в то, что иная реальность или реальности (скорее именно так – во множественном числе) действительно существуют. Как верил и в то, что хотя бы в одной из этих реальностей ему отведена роль, совсем не похожая на ту, которую ему приходилось исполнять здесь – в нашей обыденной, блеклой и совершенно не потусторонней реальности. Той самой, которую Паклюков не выбирал, и от которой, по своему твердому убеждению, имел полное право отказаться, предоставься ему такая возможность.

«Реальность, в конце концов, не Родина, – рассуждал Паклюков. – От нее можно и отречься при наличии иных перспектив!»

В логике подобным рассуждениям и вправду отказать было тяжело. Если ты можешь оказаться рыцарем, королем или каким-нибудь авторитетным волшебником, призванным спасти весь мир от неведомой и крайне коварной опасности, то это вполне извинительный предлог для того, чтобы отказаться от реальности, в которой ты всего-навсего оператор наждачно-го точила в монтажном цеху вагоноремонтного завода.

Поэтому в существование параллельных миров Паклюков всегда верил с каким-то особым, убежденным энтузиазмом, размаху которого мог бы позавидовать любой физик-ядерщик, разгоняющий своими знаниями элементарные частицы во всевозможных коллайдерах и высчитывающий время преобразования энергий на атомных и субатомных уровнях нашего привычного, вагоноремонтного бытия.

Кстати говоря, сам Паклюков полагал, что в своих поисках истины ученые каждый раз совершают необъяснимую ошибку, пытаются обнаружить параллельные миры в закоулках нашей хрестоматийно-механистичной вселенной. Выглядело все это так, словно иным реальностям должно быть стыдно за свое существование и им приходится прятаться от посторонних глаз.

А ведь если какой-то из реальностей и следовало стыдиться своей угрюмой однозначности, то именно нашей – грубой и непрошибаемой мачехе, надменно пытающейся убедить своих обитателей в том, что она полна чудес и волшебства. Вот только волшебство это почему-то всегда оказывалось доступно только для тех, кто способен проникнуть вглубь макро, микро

и еще каких-то там процессов, до которых самому Паклюкову не было совершенно никакого дела, как это, в общем-то, и полагается человеку, по восемь часов в день наблюдающему за вращением наждака.

В представлении Паклюкова, пересечение или обнаружение иных миров должно было происходить куда более простым и очевидным образом, без всяких там формул, вычислений и громоздких научных приборов. Например, в пространстве должно было возникать некое мерцающее пятно или дверь, через которую обитатели миров могли бы запросто и без лишних хлопот перешагнуть из одного мира в другой.

«В разных реальностях и физика должна быть разная, – частенько рассуждал Паклюков под вой наждака. – И если двери «туда» открываются, то делают это они, скорее всего, по законам именно такой, не нашей, физики. Какой тогда смысл во всех этих коллайдерах и протонах? Даже сотня наших ученых не способна заменить собой одного добротного волшебника. И кто знает – может быть я именно такой волшебник?»

Но к тому, что он окажется вовсе не волшебником, а косматым и вонючим гномом, Паклюков, конечно же, готов не был.

* * *

– Ну а что поделатъ?! – как мог успокаивал Паклюкова Космус, посланник того самого «иноного» мира, проникнувший ранним субботним утром в комнату Паклюкова аккуратно через переливающееся всеми цветами радуги пятно в воздухе. – Не всем же быть колдунами и магами! А гном... Гном – вполне полезная тварь. Не знаю, отчего ты так расстраиваешься.

Кажется, таинственного гостя в комнате оторопевшего Паклюкова особо заинтересовали модели самолетов и подводных лодок, склеиванием которых тот занимался в юности. Инореальный странник рассматривал их с неподдельным интересом, тогда как на самого Паклюкова внимания особо не обращал, надменно повернувшись к нему спиной.

– Но все же... – мягко попытался привлечь внимание таинственного гостя Паклюков, в очередной раз уцепив себя за ногу.

– Никаких все же! – резко оборвал его Космус. – Бывает ведь и хуже. Мокрицы, например, глисты и тому подобное...

– И что – человек, который является таким здесь, в вашей реальности может быть, извините, мокрицей? – удивился Паклюков.

– Да запросто! Физическая оболочка вообще значит не так уж и много. Только, прошу прощения, не в «вашей», а в «нашей» реально-

сти! Все реальности едины, и по-другому быть совершенно не может!

– Ну да, ну да, – смущенно согласился Паклюков.

– И пещера у тебя будет весьма ничего себе, можно даже сказать, уютная. Темновато в ней только, но это, разумеется, как для кого. Для гнома, я полагаю, в самый раз!

– А каковы перспективы гнома в этой вашей... Извиняюсь, в нашей, реальности?

– Перспективы? Какие у гнома могут быть перспективы?! – деловито произнес Космус, переключив свое внимание с немецкой самоходки на двухмоторный бомбардировщик, при помощи нитки подвешенный к потолку и симулирующий ударное пикирование.

– Значит в этой вашей, то есть нашей, реальности практикуется жесткая кастовая зависимость? Как в Индии?

– Я в Индии не бывал, не знаю, – пожал плечами гость.

– А вообще, в этой реальности вам уже доводилось бывать?

– Пару раз меня заносило сюда, было дело...

– И как она вам?

– Да ерунда! – махнул рукой Космус. – Ни магии, ни волшебства. Тоска одна!

– Да я и сам не особенно ей доволен, если честно, – виновато улыбнулся Паклюков, – Но вот если я вдруг соглашусь быть гномом, какой-то смысл для меня в этом должен же быть, правда?

– Какой-такой смысл? – без малейшего намека на понимание спросил Космус, тыкнув пальцем в самолет, отчего тот начал раскачиваться подобно маятнику.

– Ну ведь гном в своей пещере не просто так сидит, верно? – попытался развить свою мысль Паклюков. – Он в ней что-то делает, добывает. Вот мне и хотелось бы узнать подробнее на счет всего этого. Что делает гном, и, главное, для чего он это делает? Иными словами – какова сакральная роль гнома?

– А, ты про это, – разочарованно выдохнул Космус, остановив самолет. – С этим все просто. Будешь горбатиться всю жизнь, золото для своего короля добывать, пока не помрешь.

– И? – с неуверенной надеждой спросил Паклюков.

– И все! – невозмутимо ответил Космус. – Потом на твое место другой гном придет. Но ты не волнуйся – гномы долго живут. По нашим меркам – столетия.

Паклюков сдавленно выдохнул. Он не мог бы сейчас с уверенностью сказать, что в данный момент разочаровывало его в большей степени – то, что в иной реальности ему от-

водилась такая убогая роль, или тот факт, что Космус явно считал вопрос о дальнейшей судьбе Паклюкова решенным.

– В общем, – робко произнес Паклюков, выдержав паузу, – Не хочу я в эту вашу реальность, даже если она, как вы говорите, и наша. Не хочу быть гномом.

– Это что еще за бред? – удивленно вскинул бороду Космус, отвлекшись, наконец, от самолета и обернувшись к Паклюкову. – Как это ты не хочешь быть гномом, если ты и есть гном? Суть всякой реальности еди...

– Едина, и имеет только одно значение во всех своих преломлениях, – бесцеремонно перебил Космуса Паклюков фразой, которую слышал от своего гостя в течении последнего часа уже не раз. – Но если так, то мне и вовсе незачем стремиться в вашу реальность. Если я останусь здесь, то в другой реальности я и без того уже должен существовать, только в виде гнома, разве не так? Если уж суть везде одинакова...

– Это суть у реальностей одна, а самих их дофига. Миры, преломления, все такое... И будь тебя двое в разных реальностях, я бы к тебе и не приперся – нафиг ты мне нужен, если ты не гном? Но ты ведь один, правильно? И при этом ты – гном! Так в скрижалях судьбы написано, сам посмотри (с этими словами Космус вытащил из кармана ворох бумаг, исписанных непонятными символами). И вместо того, чтобы находится в подобающей тебе реальности, где в тебе испытывают острую потребность, ты здесь всякой ерундой маешься! – сказал Космус и красноречиво указал пальцем на модель субмарины, над которой Паклюков корпел несколько месяцев своей давно канувшей в Лету безоблачной юности.

– Ну я и здесь тоже нужен...

– Шутишь? – ухмыльнулся Космус, после чего решительно хлопнул в ладони и описал ими в воздухе несколько кругов.

Пятно портала оживилось, принялось переливаться еще ярче и даже чуть увеличилось в размерах, захватив часть шкафа-купе и тумбочки.

– А если я убегу? – без особой надежды спросил Паклюков.

– Исключено! Начнешь ерундой страдать – я тебя заколдую и все! Только лишнее это. На такую ерунду магию переводить...

– Твою ж мать! – прошептал Паклюков, осознав всю незавидность своего положения.

* * *

Путешествие оказалось недолгим и закончилось в то же мгновение, как Паклюков сделал шаг в мерцающее пятно.

Теперь он ничего не видел – его окружала тьма и неприятный кисло-спертый воздух, наполненный пылью и шорохами, гулкое эхо которых не оставляло сомнений в том, что он и вправду находится в пещере.

– Где мы? – спросил Паклюков, попытавшись сделать несколько шагов и упершись в невидимую преграду.

– В твоей пещере, где же еще? – ответил Космус откуда-то сверху, попутно выругавшись на каком-то непонятном Паклюкову языке. – Добро пожаловать домой!

– Я, кажется, в яму какую-то угодил. Ты как будто находишься гораздо выше.

– Да рядом я стою, рядом. Просто ты теперь гном, забыл, что ли? И по ногам мне не топчись – я эти туфли еле достал. Полмироздания пришлось обойти, чтобы на скидку подходящую попасть.

Паклюкову, тем не менее, в данный момент до туфель Космуса дела точно не было.

– Как гном?! Уже?! – завопил он.

– Ну конечно! А как ты думал? – ответил Космус, и нежно погладил Паклюкова по голове тяжелой ладонью.

Быстро ощупав себя, Паклюков к своему ужасу обнаружил, что он и действительно претерпел серьезные физические изменения, из которых особенно выделялись длинная, запутанная борода, начинавшаяся от самых бровей, и грубые, мозолистые руки.

– Твою ж мать! Ну а не вижу я почему?! – завопил Паклюков.

– Ну так мы ж в пещере, – невозмутимо ответил Космус.

– А освещения здесь не предусмотрено, что ли?

– А зачем? Гномы обычно в темноте видят. Ты тоже, я полагаю, привыкнешь через пару деньков.

– А выход где? – с ужасом спросил Паклюков, осознав, что преградившие ему путь столбы – это ни что иное, как ноги Космуса.

– Выхода, разумеется, нет. Пещера внутри горы, без всяких входов и выходов. А то будете шататься неизвестно где.

– Ну а питаться мне тогда чем?

– Вот этого точно не скажу. Думаешь, у меня других дел нету, кроме как гастрономические предпочтения гномов изучать? Вы, вроде бы, мокрицами питаетесь. Их тут, в пещерах, обычно полно. Ну ладно, мне пора, а ты обустраивайся тут, и давай за работу!

– Эй, погоди! – испуганно выкрикнул Паклюков.

Даже несмотря на то, что он был готов придушить Космуса, оставаться в одиночестве ему очень не хотелось.

– Ну чего еще? – недовольно спросил Космус, открывший портал у свода пещеры и явно намеревавшийся убраться отсюда как можно подальше, и как можно быстрее.

– Ну ты хоть что-нибудь поясни, – взмолился Паклюков.

– Это еще зачем?! – недовольно просипел Космус. – Все, что нужно знать гному, ты уже знаешь. Вот кирка твоя, там дальше тачка. Начинай долбить, а самородки в тачку складывай.

– А везти потом куда?

– Да не надо ее никуда везти, она ж волшебная! Как наполнится – зажужжит, и золото из нее тотчас исчезнет. Переместится прямо на сортировочную базу или плавильный завод. В общем, тебе это знать необязательно, твое дело – тачку наполнять!

Завершив свой короткий и безжалостный инструктаж, Космус нырнул в мерцающие волны портала, после чего тот с негромким хлопком (похожим на лопнувший мыльный пузырь) закрылся, оставив растерянного гнома Паклюкова посреди темной и совершенно безвыходной пещеры.

* * *

Потратив некоторое время на истерику и вопли, Паклюков все же принялся за работу, отыскав упомянутые Космусом кирку и тачку в одной из штолен.

Глаза гнома и вправду привыкли к темноте, а сама работа по выдалбливанию самородков оказалась вовсе не такой уж и тяжелой. Более того, короткие, изогнутые руки гнома прекрасно подходили для подобного труда – самородки Паклюков вышибал из породы мастерски, не прилагая к этому особых усилий.

Правда, делал все это он вовсе не из чисто-сердечных побуждений смирившегося со своей судьбой гнома, а исключительно с целью выяснить, когда и как исчезает золото из тачки. Если Космус не врал, и в этом действительно была задействована магия, то Паклюков намеревался использовать их в целях бегства из ненавистой шахты.

Вот только надежды новоиспеченного гнома оправдываться не спешили. Стоило тачке заполниться самородками, как она действительно начинала вибрировать, после чего ее содержимое попросту исчезло все с тем же самым издевательским звуком лопнувшего мыльного пузыря, не удусуживаясь при этом озаряться мерцающими пятнами или порталами, через которые Паклюков мог бы протиснуться в любое другое измерение.

Если же Паклюков погружал в тачку самого себя, присыпавшись для конспирации все теми же самородками, результат все равно ока-

зывался неутешительным – из тачки исчезала только порода, а чумазый и разочарованный гном по-прежнему оставался посреди темноты и отчаяния.

Убедившись, что судьба гнома спланирована с безысходной надежностью откуда-то извне, Паклюков на некоторое время впал в апатию, и, зашвырнув в самый темный угол пещеры кирку, принялся целыми днями лежать, временами поддаваясь громким приступам истошной истерии. С одной стороны, это было вполне естественной реакцией на сложившиеся обстоятельства, а с другой, в подобном бездействии заключался следующий план Паклюкова – обратить на себя внимание неизвестного властителя при помощи открытого саботажа работы.

Но начальство явно не спешило выяснять причины бездействия своего гнома. Время тянулось с гнетущей неизвестностью, и чтобы не сойти с ума в обществе мокриц (их, кстати сказать, в пещере было предостаточно, да и на вкус гнома они оказались весьма ничего), Паклюков даже придумал собственное летоисчисление, которое позволяло вернуть мысли хоть в какие-то временные рамки.

За единицу времени Паклюков решил принять собственную бороду, как наиболее очевидный и постоянный показатель, имевшийся у него в наличии. Сбривая ее при помощи кирки и постановив считать ее завершенной на уровне колен, любое событие Паклюков теперь мог оценить пусть и бородатыми, но все же, временными рамками.

Но успокаивало это не сильно. Минуло уже почти четыре бороды, а на бездействие гнома Паклюкова по-прежнему никто не обращал внимания.

* * *

Спустя еще несколько бород, единственным вопросом, который продолжал интересовать растерянного гнома, оставался следующий – почему он до сих пор не сошел с ума?

Бродя по штольням, Паклюков смело рассуждал об этом в голос, пожевывая мокриц и размашисто жестикулируя.

– Это что же получается, – раскатисто вопрошал он каменную пустоту, – Я здесь вот так до конца жизни буду жрать, срать, и все это в здравом уме?

Кстати говоря, хотя гномы (насколько мог по себе судить Паклюков) и были существами весьма неприхотливыми, а их здоровье не особо зависело от гигиены, на протяжении многих бород вопрос с отхожим местом волновал Паклюкова практически в той же степени, что и вопросы о смысле собственного бытия.

И если сперва Паклюков определил под отхожее место один из закоулков своей пещеры (самородков там было немного), то теперь, в порыве общих рассуждений о своей горькой доле, Паклюкова посетила одна неожиданная и, как ему показалось, вполне смелая мысль.

Идея приспособить тачку под своеобразный магический сортир выглядела достаточно дерзкой и в некотором смысле даже прогрессивной. Когда же оказалось, что нечистоты гнома она транспортировала в неизвестное измерение и так же уверенно, как и золото, Паклюкова и вообще охватило неудержимое чувство торжества, прокатившееся по стенам пещеры раскатистым хохотом, теперь уже гораздо более похожего на настоящее сумасшествие.

Помимо очевидной гигиенической пользы, трюк с тачкой приобретал в глазах бунтующего гнома значение некоего манифеста, а может быть, даже ультиматума. И если начальство с полнейшим попустительством относилось к бездействию своего подчиненного, на ежесекундно присылаемую порцию нечистот оно, по мнению Паклюкова, рано или поздно должно было как-то отреагировать.

И хотя это самое начальство и здесь проявило свою нерасторопность (около четырех бород все отправления Паклюкова не вызывали с его стороны никакой реакции), терпение гнома все же оказалось вознаграждено.

В самом начале пятой бороды со дня отправления первой несортовой тачки, свод пещеры озарился ослепительным мерцанием, из которого высунулась голова все того же Космуса. Космус явно был крайне недоволен. С трудом высмотрев в темноте Паклюкова, он спросил:

– Приятель, ты это чего?!

– Что – чего? – переспросил Паклюков.

– Ну что – чего?! Зачем дерьмо присылаешь? Где золото?!

– Никакого золота вы от меня не дождетесь! Я же говорил – не хочу быть гномом!

Космус недовольно вздохнул.

– Хочу, не хочу... Я же тебе сразу все объяснил понятнее некуда – ты не можешь не быть гномом, потому что ты и есть гном, ясно?! И всегда им был. Кто-то может свою судьбу менять, кто-то – увы! Так что давай золото добывай!

– А кто это решает? Ну, на счет судьбы?

– Не знаю. Но уж точно не я и не ты. Это данность, она такова есть. И нам с тобой, дружище, надлежит ее принять, покорно и безропотно. Так что давай – за дело! Жду от тебя золота, не разочаровывай!

– Ну а если все-таки разочарую? – агрессивно спросил Паклюков.

– Придется голову тебе отрубить.

– Голову?

– Ну а ты как думал? Что, по-твоему, еще можно делать с гномом, который вместо золота дерьмо добывает? Так что ты поразмысли хорошенько над своим поведением, и за работу принимайся. Да так, чтобы с огоньком! А то все планы нам срываешь...

В следующее мгновение пятно исчезло, позволив тьме и отчаянию вернуться на свои законные места.

Казалось, что теперь уже ничего не удерживало отчаявшегося гнома от сумасшествия, но даже с этим у Паклюкова возникли определенные сложности. Судя по всему, психология гномов была приспособлена к пребыванию в тесных, безвыходных пещерах ничуть не хуже тела. И даже когда рухнули самые последние надежды на продуктивные переговоры с начальством, а единственное стоящее достижение Паклюкова – волшебный сортир, – было вероломно отнято под угрозой отрубания головы, растерянный гном по-прежнему не ощущал ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего мысленное помешательство.

Но на этот раз отступить Паклюков намерен не был. Хорошенько разогнавшись (насколько позволяла протяженность штольни) он со всей силы ударился головой в стену, выбив при этом несколько самородков средних размеров. Ожидаемого эффекта от удара Паклюков не ощутил, но в своем решении исчезнуть с мыслительного горизонта пещерного бытия, на этот раз он решил идти до самого конца. К тому же, кроме как биться головой о стену, ему теперь больше ничего и не оставалось.

* * *

– Господи, ну и несет же от тебя! – услышал Паклюков чей-то слабый и писклявый голос после очередного удара о холодную стену пещеры.

– Кто здесь? – спросил он, в надежде, что его усилия наконец начали приносить плоды в виде слуховых галлюцинаций.

– Меня зовут Людовик. Я болотный эльф. Я здесь, на камне! – снова раздался писк.

Присмотревшись, Паклюков действительно разглядел на одном из валунов крохотное, хвостатое существо, похожее на что-то среднее между ящерицей и бабочкой.

– А ты откуда здесь взялся?

– Проник, когда с тобой Космус разговаривал, – ответило существо и несколько раз игриво махнуло хвостиком.

– А зачем?

– Помочь тебе. А ты что – меня не помнишь?

– А разве мы встречались? – потирая совершенно целый лоб, удивился Паклюков.

– О, много раз! Много-много раз! Я, как только услышал, что гном по имени Кукарекус вместо золота дерьмо начальству присылает, сразу же о тебе и подумал. Витька Бабурин я, с вагоноремонтного. Помнишь?

– Постой! Меня зовут Кукарекус?! – смутился Паклюков.

– Ну да, обычное имя для гнома. Вроде как Иван по-нашему.

– Космус мне об этом не говорил.

– А гномам их имена не называют, чтобы у них не возникло соблазна на основе имени развить свою личность. Считается, что в условиях глобального забоя это может повлечь за собой некоторые нежелательные осложнения. Устаревший подход, практикующийся исключительно в качестве древней традиции. Ладно, речь не об этом! Я в электромонтерах ходил...

С трудом, но Паклюков действительно вспомнил, что когда-то давно в ремонтной бригаде электромонтеров действительно работал некто Витька Бабурин, совмещавший в своем энергичном характере несколько профессий и, что самое неприятное, добровольно занимавший должность профгруппорга цеха.

– Ну как? – еще раз поинтересовалась крылатая ящерица.

– Вспомнил. А ты как здесь очутился?

– Так же, как и ты. Все верил в другие миры и реальности. Ну а потом все и произошло.

– Космус?

– Нет. Космус гномами занимается. А я – эльф! За мною Шпакуса прислали.

– Шпакуса?

– Что-то вроде короля эльфов, или заместителя короля – точно и не разберешь. Ну если вот так, между нами – немногим он лучше Космуса. Мне даже кажется, что они родственники. Блат, как и везде... Ну да ладно! – одернулась ящерица, в явном нетерпении несколько раз ударив по камню хвостом. – Ну так как, будем тебя из гнома не гномом делать, или нет?

– А Космус сказал, что гном не может быть не гномом.

– Мало ли что он сказал! Идеологическая обработка – ничего нового! Стали бы тебе обезглавливанием грозить, если бы ты не мог быть не гномом. Запугивают! Каждый сам хозяин своей судьбы. Вот так вот! – уверенно заявил Бабурин, гордо подняв вверх свой хвост.

– А с чего это ты вдруг мне помогаешь? – настороженно спросил Паклюков.

За приличное количество бород Паклюков утратил чувство доверия к любым инореальным обещаниям и планам, тем более, что сейчас предложение о помощи исходило от небольшой крылатой ящерицы, имевшей, к тому же, активное профсоюзное прошлое.

– Из чувства зверской мести! – энергично ответил эльф. – Этот Космус не одному тебе насолил. Я его всей душой ненавижу!

– И как ты мне поможешь? Портал откроешь, чтобы я домой попал? – с надеждой спросил Паклюков.

– Нет, так не получится, – вздохнула ящерица. – Мы, эльфы болотных равнин, собственной магией не обладаем. Но все же одно полезное качество у нас есть, которым всякие негодяи, вроде Космуса, и пользуются.

– Что за качество?

– Мы, как бы это сказать, к чужой магии восприимчивы. Усиливать ее можем и видоизменять.

– Это как?

– Как бы это тебе объяснить? – ящерица задумалась, нетерпеливо переминаясь с лапы на лапу. – В общем, представь – вот задумал ты себе мокриц больше наколдовать...

– Ради бога, только не про мокриц! – почти взмолился Паклюков, которому при встрече с человеком из своего прошлого вся окружающая реальность стала особенно невыносимой.

– Ну, ладно, – сказала ящерица, оглянувшись на серые стены пещеры, – Хотя сентиментальность твоя представляется мне в данный момент совершенно излишней. Вот, допустим, решил ты в той, прежней своей жизни, наколдовать себе автомобиль... Пойдет?!

Гном уверенно кивнул головой. Об автомобиле Паклюков и вправду мечтал давно.

– Ну так вот, значит... Решил ты автомобилем обзавестись. Но работаешь ты, при этом, на наждачном участке, и кудесник из тебя, соответственно, никакой. Вот и понимаешь ты, что как бы не старался, как бы не мечтал о мерседесе, наколдовать у тебя получится в лучшем случае Жигули, да и то битые. Облом, правда? Но стоит только рядом с собой меня посадить и то же самое заклинание произнести...

– И мерседес получится?

– Ну мерседес вряд ли. Мы, болотные эльфы, мелковаты – сам видишь. Но Мазда десятилетняя, глядишь, может и получится. А если десяток таких как я организовать, понимаешь? Поэтому мы, эльфы, в здешних краях нарахват. И Космус этот все время у наших болот трется. Словит, за пазуху себе посадит и мнит себя великим кудесником. Десять лет я у него подмышки нюхал, представляешь? По-моему, вполне достаточно для того, чтобы задуматься о мести.

– погоди. Сам ты колдовать не можешь, я тоже... Как же ты меня тогда домой переместишь?

– Да запросто! Нужно, чтобы опять здесь кто-нибудь портал открыл. Я тогда его магию

немного изменю и тоже портал открою, через который ты и смоешься. Главное, чтобы ты в нужный момент не зевнул.

– Ну а кому сюда еще соваться понадобится? Сам же слышал, каков расклад – или золото, или голова с плеч.

– Именно. То есть, если ты и дальше королю гномов вместо золотишка дерьмо посылать станешь, им придется к тебе Посеракуса прислать. Это его работа – головы гномам рубить. А попасть он сюда тоже только через магию может. Вот это и есть наш шанс.

– А ты уверен, что это сработает?

– Уверен, не уверен... Последний шанс дается не для того, чтобы в него верили. А для того, чтобы его использовали! – нравоучительно сказала ящерица.

– Ну тогда давай! – сказал Паклюков ящерице и поплелся к волшебной тачке.

* * *

– Ну все, готово! – удовлетворенно выдохнул Паклюков, когда спустя внушительную часть бороды тележка, зажужжав, переместила очередную порцию его несогласия своему неизвестному, но едва ли слишком довольному адресату.

Подтянув штаны и присев на камень, Паклюков с чувством выполненного долга вытер рукой лоб, поправил бороду и принялся сосредоточенно ждать.

Ящерицу, однако, подобное поведение гнома явно не устроило.

– А ты чего это ты сел?! – встревоженно спросила она, взобравшись на один из камней повыше, и устремив на Паклюкова недоумевающий взгляд.

– А что ж теперь делать? Теперь моя судьба в твоих, так сказать, лапах.

– С какой это стати?! – воскликнула ящерица. – Свою судьбу каждый должен изменять сам! Я тебе только немного подсобить советом могу. А что до тебя – ты кирку в руки бери и начинай махать во все стороны, что есть мочи. Шанс-то у тебя, откровенно говоря, призрачный...

– В смысле?! – насторожился Паклюков. – Посеракус портал откроет, чтобы явиться сюда, ты его магию усилишь, второй портал откроешь, и мы сразу смоемся. Всего-то и делов!

– Тут не так все просто, дружище! Знаешь, сколько гномов на самом деле дурака валяет? Уйма! Так что у Посеракуса работы море, рука набита. В среднем на отрубание головы среднестатистического гнома он тратит около секунды времени, не больше.

– Как секунда? Пока войдет, пока к темноте привыкнет, пока меня поймает. Я ведь ему так

просто сдаваться не собираюсь. Главное, чтобы ты в нужный момент не сплеховал.

Ящерица смущенно отвела взгляд в сторону и несколько раз неловко переступила с лапы на лапу.

– Понимаешь, у Посеракуса чутье на гномов особенное. Он их как будто на расстоянии чувствует. То ли эльфами он весь увешан, то ли действительно в магии хваток. В общем, не утруждает он себя перемещениями. Вот представь – сидишь ты здесь у себя, в пещере, ни о чем не подозреваешь. А сделаешь пакость – глазом моргнуть не успеешь, а рядышком с тобой портал узенький такой откроется на секунду, оттуда рука с мечом – шшшш! – и все...

– Как это – все?!

– А вот так! Говорю же тебе, Посеракус этот – уникал! Кстати говоря, тоже, вроде бы, из наших. Может, жил себе, в иные миры верил, да головы гномам мечтал отрубить. Бывает, что сходится все одно к одному. Некоторым везет. В общем, времени на то, чтобы Посеракусу отпор дать, у тебя около секунды будет, не больше. А почти наверняка – даже меньше. Когда дело судьбы касается, нам, уроженцам не магических реальностей, только на авось рассчитывать и приходится.

– Знаешь, обычно, когда людям помощь предлагают, это не подразумевает, что им почти наверняка отрубят голову, – дрожащим голосом сказал Паклюков.

– Да, у людей обычно так и происходит. Ну только мы ведь с тобой не люди, правильно? На данный момент ты гном. И вопрос только в том – окончательный ты гном, или все-таки ошибочный? Если Посеракус тебя головы лишит – значит, ты и вправду гном. Если же нам повезет убежать тебя – значит, никакой ты не гном, хоть и склонность к подобной жизни имеешь. Судьбу свою изменишь, а это не каждому удастся. Конечно, шанс призрачный – но судьба ведь не простая штука, правда?

– Твою ж мать! – горько вздохнул Паклюков, шлепнувшись на пол и протяжно зарыдав.

– Ну здравствуйте, приехали! – разочарованно вздохнула ящерица. – А говорил – не гном, не гном... Космос, видимо, прав на счет тебя был. Хотя я и сам виноват – еще ведь тогда, на вагоноремонтном было понятно, что ты и есть самый настоящий гном!

Последняя фраза эльфа переполнила чашу терпения Паклюкова – схватив кирку, он с силой запустил ее в ящерицу.

* * *

Паклюков заметил эльфа Бабурина – тот сидел на своде штольни и усердно пытался слиться с местностью. Он явно недооценивал

зрение гнома – хвост, четыре лапы и голову своего обидчика Паклюков на этот раз видел ясно. Теперь у Бабурина шансов не было – в этот раз промахнуться Паклюков точно не мог.

В принципе, эльфу следовало отдать должное – он оказался на удивление изворотливым и проворным. Несколько дней, а может и неделя (в погонях за крылатым профгруппоргом Паклюкову не было времени отвлекаться на измерение своей бороды), Бабурин уверенно уворачивался от атак Паклюкова, ловко прыгая по камням, забираясь в расщелины и стремительно перелетая с одного конца пещеры в другой. Но все же, силы эльфа постепенно подходили к концу – теперь он все чаще рассчитывал на маскировку, которая, в условиях тесной пещеры, должна была рано или поздно подвести эльфа. И, кажется, этот момент настал.

«Доползлся!» – с ехидным удовлетворением подумал Паклюков и в очередной раз метнул в эльфа свою кирку.

А вот что произошло дальше, Паклюков понял не сразу. Он был мысленно готов к тому, что кирка оставит от ящерицы мокрое место, и только если эльфу очень сильно повезет, он успеет что-нибудь пропищать на прощание этому и всем остальным мирам.

Но вместо этого пещеру сотряс громкий вопль, после чего сверху вместо жалких останков ящерицы на пол грохнулось, едва не задавив Паклюкова, нечто массивное, облаченное в металлические латы.

С испугу, Паклюков спрятался за один из валунов, проклиная все на свете – похоже, в этом мире не было суждено сбыться хотя бы одному из его планов.

Когда грохот стих, съездившийся Паклюков услышал голос ящерицы. Голос этот был удивленно-восторженным.

– Завалил! Самого Посеракуса завалил! Красава! – вопила ящерица.

Выглянув из-за камня, Паклюков увидел, что ящерица по-прежнему сидела на том же месте, где и прежде, хотя разглядеть ее теперь было сложнее. Виной этому было светло-зеленое пятно, переливавшееся волнами у самого свода пещеры. Похоже, это был портал между измерениями, открывшийся несколькими мгновениями до того, как кирка достигла своей цели.

– Что произошло? – на всякий случай спросил Паклюков.

– Как что?! Ты самого Посеракуса одолел! – восторженно сообщила ящерица, и тут же, сменив тон с торжествующего на возмущенный, добавила. – Хотя, конечно, ты и урод – чуть меня не пришиб.

Пока Паклюков осторожно и недоверчиво выбирался из-за своего камня, ящерица ловко спланировала с потолка прямо на поверженно-го Посеракуса.

– Ты только глянь! Во всем своем облачении. Всего-то и делает, что гномам головы отрубает, а гонору! – с нескрываемым призрением сказал эльф.

Паклюков посмотрел обстоятельнее на поверженного Посеракуса. Ящерица не врала – того следовало признать гигантом не только с точки зрения гнома, но и по человеческим меркам. Правда сейчас эта махина недвижимо лежала на полу пещеры, а из открытого забрала шлема уверенно торчал один конец кирки Паклюкова.

– Неужто это я и вправду...

– Вправду, не вправду... Нашел время рассуждать! – пропищала ящерица. – Помер он, и точка! А ты давай, шевелись! Магия его быстро выветривается, времени нету совсем! Вот он, твой портал, через который домой к себе пролезешь – давай живенько!

Паклюков заметил, как у противоположной стены растянулась узкая бледно-розовая полоска света, узкая даже по меркам среднестатистического гнома.

– Да как через нее пролезть?

– Да уж как-нибудь постарайся! Долго я ее удерживать не смогу...

Решив не спорить с ящерицей, Паклюков быстро подошел к portalу и, распластавшись на каменном полу, попытался протиснуться.

– Там это... Мужикам привет передай! – услышал он голос ящерицы.

– А ты что, со мной не пойдешь?

Ящерица на секунду задумалась.

– Знаешь, в бытии болотного эльфа есть и свои плюсы...

– И что – останешься здесь, в пещере?

– Ну а что тут такого? Еды тут теперь навалом, – ящерица удовлетворенно обвела взглядом лежащего Посеракуса. – Подожду лет пятьсот. Зато Космусу теперь выговор вкатят, а то и головы лишат! Видано ли в волшебном королевстве, чтобы гномы безобразия подобные вытворяли?! Насладиться отмщением своим хочу, понимаешь? Столько лет об этом мечтал! Ну а там, глядишь, опять гнома какого-нибудь притащат. Тогда и смогаюсь по-тихому. А потом и в болото родное доберусь. Там уж недолго – дня два лету.

Почти уже нырнув в портал, Паклюков чуть задержался и взглянул на ящерицу еще раз.

– Слушай, – виновато сказал он. – Ты уж меня извини за то, что убить тебя хотел. Не думал я...

– Ладно, хрен с тобой! – гордо заявила ящерица. – От вас ни в этом, ни в том мире благо-

дарности не дождешься. Я это давно, еще на вагоноремонтном понял. Ладно, поторопись! Портал закрывается...

Паклюков закрыл глаза и, поднатужившись, полез в узкую полосу своей родной, и теперь такой желанной реальности.

* * *

Бригадир наждачного участка Паклюков снова пришел в цех самым первым. Его коллеги с хмурыми лицами только-только начали появляться в коридоре, ведущему от проходной к гардеробу, а Паклюков бодрой походкой уже шагнул прямо в цех, здороваясь с хмурыми лицами товарищей и поздравляя их с началом нового рабочего дня. На молчаливые посылы коллег, воспринимавших подобные пожелания

как неразумную и обидную шутку, Паклюков внимания не обращал. Он и сам знал, что с того момента, когда пару лет назад его чуть не уволили за неделю совершенных прогулов (Космос был прав, и время в различных мирах текло совершенно по-разному), он сильно выделялся среди коллег своим энтузиазмом, временами переходящим в открытый азарт наждачного дела.

Но что-то объяснить или доказывать своим коллегам Паклюков не собирался. Как человек, на деле доказавший бюрократическим хитросплетениям всевозможных миров, что он не является гномом, теперь он относился к вагоноремонтной реальности с видимым снисхождением, способным преобразить весь окружающий мир ничем не хуже самой настоящей магии.

Владимир БУЕВ

Родился в 1966 году в Красноярске, живет в Москве. Имеет три высших образования: журналистское (МГУ), социологическое (РГСУ) и финансово-экономическое (РАГС при президенте РФ). Много лет является президентом Национального института системных исследований проблем предпринимательства и группы компаний НИСИПП. Руководил многочисленными научно-исследовательскими и консалтинговыми проектами в сфере экономики и предпринимательства. В роли пародиста и под своим именем выступает впервые. Ранее под псевдонимом писал ироническую и сатирическую прозу на темы Древнего Рима.

Михаил ГУНДАРИН

Родился в 1968 году в Горьковской области (ныне – Нижегородская), больше 30 лет прожил на Алтае, сейчас живет в Москве. Закончил факультет журналистики МГУ имени М.Ломоносова. Преподает в вузе. Кандидат философских наук. Пишет стихи, прозу, литературно-критические статьи и эссе. Публиковался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Юность», «Урал», «Сибирские Огни» и др. Автор нескольких книг. Член Русского ПЕН-центра.

ДИАЛОГ

Михаил Гундарин

Прочим — композитор, дуде — игрец,
обрати вниманье на город! Он
чужой судьбой распален вконец,
а свою собственной занесен,
декабрьским снегом.
Следов объем

заполняет воздух, бездомный, как
беломоро-балтийский. Грустишь о нем,
и не делаешь новый шаг.
С высоты заминку не разгадать.
а всего-то дела: прищурить глаз,
разглядеть, как будто слепую печать,
уходящий город, идущих нас.

Владимир Буев

*Швецов и жнецов с пьедесталов — долой!
Иные нам грады потребны!
Судьбы мирские мы мажем смолой,
Свои и чужие. Плюй на молебны
декабрьской слюной.
Подошва размером
больших сапогов: кирза — словно
хрусталь башимачковый. И как литосфера,
со всех сторон обласканная любовно.
Не стоит рваться в высокие дали,
как делали это Икар и Дедал,
а лучше всего мы все бы взяли
да сляпали сами себе пьедестал.*

Михаил Гундарин

Закрыли от нас комету
полночные облака.
А дальше — пора рассвету,
и снова ты далека.
Лежи, где тебе сказали —
на дне далекой грозы,
увиденная глазами
полуночной стрекозы.
Покуда не время миру
окутываться огнем,
небесному командиру
ломиться в земной проем...

Владимир Буев

*Враги не оставят шанса
на небо ночное взглянуть.
Из медитативного транса
Сподвигнут опять драпануть.
Приляг, стрекоза, есть пределы!
Сказали — так, значит, лежи.
Коль летом ты песен не пела,
так лютой зимой не пляши!
Так нет же — метнуться в небо
И с боем на землю упасть
Тебе, стрекоза, потребно!
Ты хочешь кометой стать?*

Михаил Гундарин

Вот мы уехали, а облако осталось
растить себя на вертикальном фоне,
изображать то горб, то шестипалость,
являться птеродактилем в короне.
Показывая то, чего не знает,
жемчужное, оно сочится белым.
Тяжелая перина опадает,
клочки ее летят во все пределы.

И быстро тают в изумрудной бездне,
пестрящей кружевными лоскутами.
Во много раз пустынней, бесполезней —
прекрасней мира, созданного нами...

Владимир Буев

*Мы, убираясь сами прочь, убраться
Забыли за собой. Повсюду мусор
Когда грядет надзор, то постараться
Туристу лучше поиграть роль труса.
Надзоры, сторожащие природу,
всех могут штрафануть, не замечая
ни шестипалых, ни других уродов,
и скидок инвалидам не давая.
А коль красотка-дева попадетя,
А не беззубый птеродактиль старый,
Периной для несчастной обернется
Поимка. Несогласной — нарцы.
Клочки по закоулкам и по лужам,
Жемчужины изъяты с изумрудом.
Два мира (что в душе и что снаружи) —
Как два соединенные сосуда.*

Михаил Гундарин

Я хотел бы эту ночь разглядить,
разглядеть ее, зарифмовать.
Звезды нарисованы в тетради —
я под вечер сжег свою тетрадь.
И теперь почти неразличимым
в метрополитене тростника
простаком, подростком, анонимом
ночь переживу наверняка,
чтобы с наступлением рассвета
выскользнуть по тонкому лучу
за пределы старого запрета...
А про новый думать не хочу.

Владимир Буев

*Неужели я ослеп в эту ночь?
Все гляжу вокруг — не видно ни зги
Кто сумеет мне сегодня помочь?
Окулист? Но и ему не с руки!
Тут потребен раскаленный утюг,
виртуальный рифмовальный прибор,
чтобы выжечь в той тетради продукт:
звезд небесных самый полный набор.
Я не видим из далекой звезды
И с луны-то различим не вполне.
Где бы ночью отыскать мне бразды,
Чтобы дернуть их — и утро в окне!
Я схвачусь за луч и ввысь полечу!
Я смогу и солнце с неба достать.*

*Птицу счастья я за хвост ухвачу.
Моя старая сгорела тетрадь!*

Михаил Гундарин

Поддень декабрьский скользит и падает,
и застывает на миг в полете —
кажется, в позе крылатой статуи.
Но в темноте ее не найдете.
Свет неисправный разъят по болтику —
пусть его чинит кому есть дело.
Но не механику, и не оптику —
корпус пустой, ледяное тело.

Владимир Буев

*Скользко на улице с клавиатурой,
тянет поплакать в декабрьский месяц.
Скоро февраль, и опять без цензуры
и без чернил нам летать в Поднебесье.
Бюст раскололся, упав. Приговором
Стал ему в сторону шаг с подставки.
Зря он соскакивал с твердой опоры
в жажде полета. Теперь под лавкой.*

Михаил Гундарин

Три поэмы выходят в один тираж.
Но не время рассчитывать на успех —
добродушный читатель, мучитель наш
делит праздничный свой пирожок на всех,
оставляя кусочек на черный день,
одевая оставшимся невпопад...
Но довольно того, что ему не лень
под бумажным дождем принимать парад.
Мы и сами закуска, фисташки-dry,
(для надежности можно добавить бром).
Между этими судьбами выбирай,
допиши до конца и взмахни платком.
До свидания, волны текучих лун,
коридоры, сверлящие небеса!
Как ни строй календарь, каждый раз канун
обгоняет начало на полчаса.

Владимир Буев

*Времена уж не те: на поэтов троих
Сохранился читатель всего один,
да и тот не читает поэм чужих,
если выложить надо за них алтын.
Или классику стырит читатель наш,
побродив по просторам глобальной сети.
А уж если войдет он в священный раж,
то и сам накропает поэм ассорти.
Да, читатель пошел совершенно не тот!
Не читает и денег не хочет платить.*

*А как в клубе гулять — там он мот и не жмот.
Там читатель умеет деньгами сорить.
Вот пиши для таких и старайся зазря.
не дождеешься спасибо, не то что денегжат.
Но уверен поэт (пусть скорбя втихаря),
что поэмы чрез годы пойдут нарасхват.*

Михаил Гундарин

Одиночество пеленает виски,
Развязывает шнурки,
Говорит, что нужно доплыть до конца реки.
Говорит, что свобода — лежать во рву,
Отсюда видно Сибирь, Москву,
Но не вздумай, покуда не позову.
Отвечает, что да, будет звезда,
Но она — обман, и еще беда:
Дрянь ее провода.
Значит, теперь навсегда.
Отвечаю: мы еще раскинемся, как луга,
Дождемся, пока растают снега,
Ведь должны же быть у той реки берега!
Лишь бы мое, твое не забыло себя,
Встречу всех торопя,
Как в детстве, скатерть из-под стола теребя...

Владимир Буев

*Я дуло присуну себе к виску
Забыв завязать шнурки,
Но спуска я нынче не дам курку —
Не время валяться во рву.
Уж лучше в Сибирь в кандалах из Москвы
Шагать босиком в бреду,
Чем сгинуть совсем себе на беду,
И звездной не зреть синевы.
Не может погибнуть моя душа —
она широка, как страна.
Я дуло опять не спеша к виску
Приставлю чрез «не могу».
Никак не обман, не лукавство то:
Не пуст магазин, ведь в нем
Живет не один холостой патрон.
А глаз мой косит на шнурки,
Не гордый пацан: склонюсь — завяжу,
ведь руки мои ловки.
Я их прямо щас на себя наложу.
И миру о том возведу.
Я жму на курок, сделав выбор свой,
Ведь магазин... пустой.*

Михаил Гундарин

НОЯБРЬСКАЯ ПЕСНЯ

Белым золотом ноябрьской тоски,
Белой скатертью на пиру воровском,

Дни мои режутся на куски
 Раздаются всякому кусок за куском.
 Некому пожалеть меня, расстелить игру —
 Клетчатый мир поверх дешевых ковров.
 Распахивается, подставляется маляру
 Черно-белый свет, но больше нет маляров.
 Пойти покрутить крышечку — покрути-покрути,
 Ничего не выкрутишь: бутылка пуста.
 Пойти поглядеть в дырочку — погляди-погляди
 Никого не выглядишь:
 — чужие места.

Владимир Буев

ПЕСНЬ ВО СЛАВУ ГОДА

Последует декабрь за ноябрем.
 Скатеркой белую покроется земля.
 Январь шагает вслед за декабрем.
 Февраль потом. И вот уже весна!
 Вот март с апрелем, а потом и май!
 Июнь с июлем улетели вон.
 О лето! Русский август — он не рай!
 Почти осенний месяц — лета склон.
 Сентябрь, октябрь — и завершился круг.
 И снова на дворе ноябрь стоит —
 Причина горьких задушевных мук.
 И снова обнаженный нерв торчит.
 Летят недели, рвутся в клочья дни.
 Лишь у меня такое в жизни есть.
 Душа трепещет и от беготни,
 И от метаний. Может надоест
 И небо в решето, и в клетку мир.
 Дизайнер нужен на один денек,
 Но не пьянчужка и не дезертир.
 И чтобы дырок лишних не нажег.
 Щека прижалась к меху бюрдюка,
 Чтоб успокоить нерв наверняка.
 Но там — лишь пустота и темнота...

Михаил Гундарин

ДЕЖУРСТВО

как мясной недовешенный вес
 распростерт на базарном прилавке,
 кто лежит опрокинутый весь
 и ни палки ему, ни подставки?
 «вы-то, старшие, знаете как
 раздвигать черепную коробку
 разрушая тифозный барак
 амнистируя божью коровку.
 не мечтая всерьез умереть
 я приму и такую свободу.
 урезайте на четверть и треть
 не забудьте подчистить с исподу»
 нам-то что? напряглись как канат

коридоры районной больницы
 и сегодня не перелетят
 через ночь даже белые птицы

Владимир Буев

В ДУРКЕ

Ни богу свечка и ни черту кочерга:
 не бедный плотник и не кочегар,
 но запросто разденет донага —
 он профессиональный санитар.
 Как руки заломить, как спеленать —
 обучен добрый молодец пахать:
 он в курсе, чью коровку обласкать,
 а чью коробку черепа сломать.
 Раздвинута коробка (божья) — то,
 что стало расширением свобод.
 в палате иль в бараках — все равно.
 Когда сдыхает ночь, грядет восход.
 В халате белом санитару спать,
 глаз... не смыкая с ночи до утра.
 Чтоб выжить, так придется пострадать
 и санитару, пациентов матеря...

Михаил Гундарин

наночастицы компьютерной сажи,
 ввевшиеся в лицо —
 вот что о нас обо всех расскажет,
 если в конце концов
 в новом столетии решим присниться,
 выпрыгнуть из лица,
 продемонстрировав кровь на лицах
 демонам без лица

Владимир Буев

В офисах жалкий планктон расплодился.
 Слоем мертвецким покрыв
 все поколенья, кто нынче родился —
 всех он, подлец, задавил.
 Все поныряли в свой комп персональный.
 Через столетия вдруг
 Выскочит если чудак маргинальный,
 станет понятным недуг.

Михаил Гундарин

Сколько зелени! Роща к роще.
 Вот забава для чудака,
 что сегодня весь день полощет
 в изумрудном рюмку зрочка.
 Получилось напиток пьяным?
 Веселись, дурака валяй
 на краю цветущей поляны,
 солнце летнее замедляй.

Владимир Буев

*Сколько в рюмке зрачков скопилось —
уничтожить следы пора!
Эта зелень мне ночью снилась.
Наяву ж реальность остра!
Боже! Рюмок вокруг десятки!
Сколько в них опасных улик —
Очи женщин и девок сладких
...Все они зазевались на миг.*

Михаил Гундарин

когда движняк минут
расчистит все углы
пускай тебе спуют
подземные битлы
не выучив Michelle
не поступить в МИ-6
а если есть мишень
то и пощада есть
(в черешневом саду
ритмическом аду
по каменному льду
я линию веду)

Владимир Буев

*Из мозга рвется звук.
О память! Я смешон!
Воспоминаний стук —
Как дивный давний сон.
— Michelle? Ну, что за бред? —
вдруг спросит молодняк.
Не получив ответ,
Оценит: «Вот дурак!»
Я стар, но не шпион.
И вовсе не агент.
Уликой уличен,
Но адом я прощен.
В черешневом саду
я в лед, в огонь — прыг-скок!
И камнем приложу
предателя в висок...*

Михаил Гундарин

Мы разрушили мир, чтобы вышел дом,
но не вышло, как водится, ни гроша.
Вот и ночь прогремела пустым ведром,
мимо зарослей спящего камыша.
Завтра День Урожая. Пора в амбар
корешкам и вершкам довоенных снов.
Под испорченным душем смывай загар,
ожидай наступления холодов.
По любому выходит, что нет судьбы,

в этих улицах темных, но вот рассвет -
заправляет хозяйством и бреет лбы,
а не скажет ни слова тебе в ответ.
Да и ты позабудешь задать вопрос,
наблюдая, как делает первый взмах
наша полночь, летящая под откос
не сумев задержаться ни в чьих зрачках.

Владимир Буев

*Мы хотели построить себе гнездо,
Но не выдержал ствол — и дерево в прах.
Надо строить из камня дома, не из снов.
Лишь на первых подходит камыши порах.
Год пустой, и амбар ровно так же пуст.
Просытаться пора и еду искать.
Ближе к полночи слышится снега хруст.
Поскорее проснуться — нельзя замерзнуть!
Надо счастье себе самому сковать.
До рассвета добраться, суметь дожить.
Утро даровать может чужую кровать
и любимые откосы на год отложить.
Вот покушал — и радость опять в зрачках.
Где покормят, то там и Родина-мать.
А затем надо ноги делать и взмах.
И по новой искать чужую кровать.*

Михаил Гундарин

Где комета хвостом не разбила льда,
побоявшись распробовать глубину,
там и я буду медлить и ждать, когда
торопливое сердце пойдет ко дну.
Не оценишь, пока не начнешь тонуть,
деловитую хрупкость ночных витрин —
открывая обзор, преграждают путь
торопящимся таять, как аспирин.
Расторопной шипучкой упасть на дно,
в темный трюм просочиться косым лучом —
одинаково хлопотно (все равно,
что поддерживать тонущий мир плечом).
Полюбовный напиток семи страстей
разрывает на части чугунный шар.
Замолчи и высчитывай, грамотей,
по сомнительным числам чужой навар.

Владимир Буев

*Я не стану сам в прорубь нырять никогда.
Ни сейчас, ни потом. Ни в грядущем моем.
Я дождусь, когда сердце чужое туда
Ниспадет расколовшимся кораблем.
Впрочем, проруби нет — не прорублен проем
ни сейчас, ни потом, ни в грядущем моем.
Лучше лета дождусь и найду водоем.
И вдвоем кое с кем время там проведем.*

ПАРОДИЯ

---

*А захочет тонуть, я скажу ей: «Вперед!
Не одна ты такая, кто любит меня.
Порождает таких ежегодно народ.
Видно, в детстве ты не получала ремня!
Вот комар — значит, точно не зимний денек.
Вот орел — этот может и в зиму парить.
Этот хищник безжалостен: печень извлек
из титана. Отпетый бандит! Паразит!
Мы в воде не утонем, в огне не умрем!
Прометей нам порукою станет двоим.*

*Ну, а если одним пожелаешь жить днем,
что поделаешь: путь этот не поправим!
Не тяни уже, в воду ныряй поскорей!
Разбивала витрины? Не хочешь в тюрьму?
Не нуди, я устал от порочных страстей
Преступленье твое на себя не возьму!
Отдавай мне сейчас же навар и рубли.
Ты не мир и не смей на плечо припадать.
Кассу с боем брала? Так теперь не скули!
И умри! Только я не могу пострадать!..»*

Наталья ЯРЛУШКИНА

33 года. Родилась и выросла в Саранске. Получила экономическое образование, поработала экономистом, родила двоих детей. Сейчас ведет театральный кружок, сама пишет сценарии и разыгрывает с детьми представления.

КАРМИЧЕСКИЙ ДОЛГ СЕРОГО ВОЛКА

Я по сыну в третьем классе. По чтению нам задали пересказ «Ивана-Царевича и Серого Волка» от лица Волка. Ну, прикольно же! Такой размах для творчества – включай фантазию и расцвечивай нудноватое повествование эмоциями волка!

Но не тут-то было. У Кирилла слишком хорошая память, слишком зашоренный взгляд на пересказ и очень строгая учительница.

Ему проще прочитать разок и шпарить почти дословно, чуть изменяя повествование под хвостатого рассказчика. С его точки зрения, связываться с моей непрошенной креативностью – себе дороже.

– Иду я по лесу, вижу, конь стоит, съел я его и пошел дальше.

– Лучше так: иду я по лесу, голодный – сил нет!! Вижу – конь, на вид съедобный...

– Ма-а-ам!!!

– Молчу.

– Иду дальше, вижу Иван-царевич горюет...

– ...и так мне стыдно стало, аж живот разболелся!!! Ну, или копыта лошадиные плохо перевариваются...

– Мама!

– Я что, я ничего. Вот – посуду мою.

– Решил я ему помочь, садись на меня, говорю!

– ...несмотря на радикулит хронический.

– Ехалимы, ехали, вдруг видим – стенавлесувы-соченная. Рассказал я Царевичу, что за стеной царь живет, у которого Жар-птица в клетке. Жар-птицу, говорю, бери, а клетку золотую на месте оставь...

– ...потому что она на сигнализации.

– Мама, это сказка!!! Какая сигнализация?

– Волшебная, сынок! Нет, а у тебя какие объяснения?

– Сижу, жду. Тут трубы загремели, шум, гам. Ну, думаю...

– ...вот же жадная скотина этот Царевич!!!

– Возвращается Иван, и говорит – коня златогривого царь хочет за Жар-птицу. Ну, ладно, думаю, помогу тебе снова.

– Бесхребетный ты, Волк, это ж называется – токсичные отношения!

– Ты вчера опять у тети Кати на психологическом тренинге была?

– А причем тут? Ну да, была. Мы, между прочим, работали с подсознанием и...

– Давай я дорасскажу уже!

– Давай. А вот тетя Катя нас с подсознанием всегда выслушивает!

– Поехали мы коня добывать, прискакали к стене, за которой он пасется. Я Царевичу велел коня уводить, а уздечку на месте оставить. Ушел Иван, я сижу, дожидаясь – опять тарарам и медные трубы... И понимаю, что...

– ...ничему Царевича жизнь не учит.

– Мам, ты хочешь, чтоб мне двойку поставили?

Совесть просыпается одновременно с воспоминаниями о школе и строгости Ольги Андреевны (это и моя первая учительница, так уж случилось). Дальше молчу изо всех сил, слушаю, как волк самостоятельно добыл Елену Прекрасную, махнув лапой на царственного растяпу. Доходим до интригующего момента.

– Жалко было Ивану Елену в обмен на коня отдавать, спрятали мы ее в пещере. Обернулся я девицей, женился на мне царь, повел в спальню... Мам, а ты чего перестала посуду мыть?

– Заслушалась... а такое правда в сказке было?

– Ну да!

– Вот жеж, затейники... ну а дальше что?!

– А дальше обернулся я обратно волком и сбежал!

– СЛАВА БОГУ!!!

– А дальше я еще конем для Ивана оборачивался, только хотел на меня жарптицевый царь забраться... Мам, ты чего ржешь?

– Ничего, Кирилл, рассказывай дальше, не томи. Видишь, матери не до посуды уже!..

– Ну вот. Убежал я и от этого царя. Расстался я с Царевичем и ушел куда глаза глядят.

– Надеюсь, отдохнуть – умаялся бедный! Не жизнь – а постоянный стресс.

– Только вижу, лежит Иван коварными братьями убитый и вороны кружатся. Поймал я ворону с вороненком и отправил их за живой и мертвой водой. Попоил Царевича мертвой водой и затянулись у Ивана все раны...

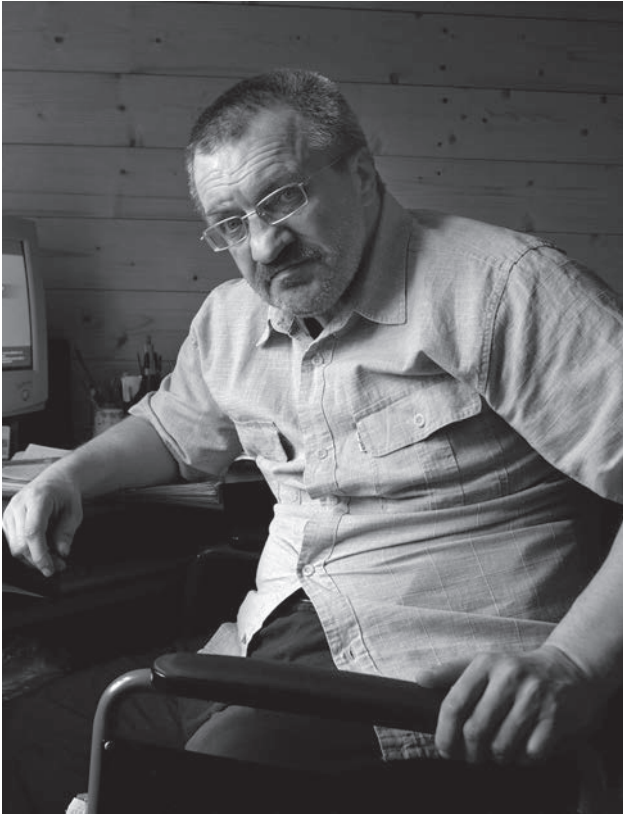
– ...разгладились морщины, наладилось пищеварение...

– Попоил я царевича живой водой – ожил Иван-царевич!! Отвез он коня златогривого и Жар-птицу царю-батюшке, женился на Елене Прекрасной... Мам, а я что, совсем скучно рассказываю?

– Нет, малыш. Не скучно. Просто тебе ж не выучить сказку задали, а рассказать. Ну, ты попробуй, вложи в Волка хоть немножко себя.

– Я бы лучше этому Царевичу мозгов вложил. Ладно. Шел я однажды по лесу...

– погоди, я сейчас в плед получше завернусь... все, рассказывай. Я вся – внимание.

Алексей КУРГАНОВ

«Прозаик, 60 лет, образование – высшее медицинское. Проживаю в г. Коломна (Московская область). Регулярные литературные публикации в местной и областной литературной периодике. Есть разовые публикации во всероссийских и зарубежных литературных изданиях и издательствах. В июле 2013 года в издательстве «Серебро слов» выпущен сборник рассказов и миниатюр «Земляки».

ТРИ МИНИАТЮРЫ

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ПРОЦЕНТОВ К ПЛАНУ

— ...Сейчас дефьки, знаешь, какие пошли? – убежденно говорит баба Груша. – Ты – стакан, она – два. И даже не поперхнетесь! Ужас!

– Чего стакан? – я делаю вид, что не понял. Бабка смотрит на меня как на блоху. То есть, с нескрываемым презрением.

– Луманаду! – произносит с издевкой. – Водки, чего ж еще! И всю закуску сожрут! Мигом умахают!

– Девки? – продолжаю я ломать комедию.

– Нет, я! – обижается бабка Груша (поняла, наконец, что я перед ней Ваньку валяю. Понятливая, хоть и не сразу!) и, кряхтя, поднимается со скамейки.

– Пойду Пашке щи разогреть, – говорит то ли мне, то ли куда-то в пространство. (Пашка – это внук. Работает слесарем на заводе тяжелых станков).

– Он сегодня в первую, что ли?

– Ага. Небось, опять в пивнушку зашел. Все никак этой водки поганой не нажрется, ко-

зел... (впрочем, слово «козел» произносится добродушно-ворчливо, почти что ласково). И куда в него только влазит...

Она уходит, а через пару минут из-за угла дома появляется Пашка. Рожа у него довольная. Значит, действительно только что из «Василька».

– Здорово! – говорит громко и плюхается рядом на скамейку. Выхлоп от него действительно специфический. Хоть закусывай. Вот каков он, наш скромный, наш застенчивый современный герой труда, двадцать пять процентов к плану.

– Сейчас с бабой познакомился, – сообщает доверительно.

– В «Васильке»? – догадываюсь я.

– Ну. А где же! (Так вот почему у него рожа довольная! А я действительно глупость спросил. «А где же!»). Понятно, что не в филармонии.)

– Она освежиться зашла после ревизии, а рядом со мной как раз место свободное было, – продолжает он. – Вот и разговорились. В «тридцатом» работает, в кондитерском отделе («тридцатый» – это гастроном). Шикарный бабец! – он

даже языком прищелкнул. – Слаа-а-аденькая! (понятно, если в кондитерском.) – и, чуть ли не мурлыкая, сощурил глаза. Натуральный котяра! Выдающийся самец!

– Сиськи – во! (и Пашка выпятил локти далеко вперед. Действительно, красота.) Звать Нонна. Завтра в восемь буду встречать ее после работы.

– Ну, ты шустер! – подлил я ему елея. Пашкина рожа расплывается в самодовольной улыбке. Дескать, а чего тянуть-то? Мы не какие-нибудь мопассаны ги и де. Консерваториев не кончали, политесу не обучены. Мы сразу раз – и на Кавказ! Чтоб сразу в дамках!

– С мужиком две недели как развелась, – продолжил он сообщать подробности. – Теперь одна в двухкомнатной. Детей нет. Сральня с ванной раздельная. Два зуба на прошлой неделе вставила. Во здесь, – он распахивает рот, оттягивает одним пальцем губу, а другим показывает, где именно.

– В общем, все о кей! Как в песне: «Констанция, Констанция, Констанция!»

– А зубы ей бывший муж вынес? – догадываюсь я.

– А кто же! Да ты его, может, знаешь. Филька из рамнокузовного! Он одно время в нашем дворе болтался. Помнишь?

«Рамнокузовной» – это цех на тепловозостроительном заводе. Как раньше говорили, «флагман индустрии». Может, и сейчас им остался. Имею в виду флагманом. Может быть. А может, нет. Может, уже не флагман. Может, уже просто старая потрепанная баржа.

Я отрицательно качаю головой. Филька, Петька, Машка... У нас здесь кто только не окочачивается. Проходной двор.

– Ты никак жениться собрался? – осеняет меня.

– А почему бы и нет? – не возражает Пашка. – Третий этаж, тридцать восемь квадратных метров. Хоть в футбол играй!

– А этот Филька-то тебе по башке не наступит? – высказываю я предположение.

– За что? – удивляется Пашка.

– Что бабу у него увел.

– Так я с ней только сегодня познакомился! – решительно возражает он.

А Фильку я вспомнил. Такой облом! И кулаки у него – кувалды. И с мозгами – норма. В смысле, полнейшее их отсутствие. Так что насчет башки – может... И запросто. Одним могучим сокрушительным ударом.

– А развелись они в начале месяца! Кого я увел-то? Я никого не уводил! Все по-честному! – продолжает Пашка убежденно (а по глазам вижу: задал я ему загадку. Ох, задал! И убеждает он в своей невинности не меня, а самого себя.). По-

сле чего непонятно хмыкает и поднимается со скамейки.

– Пойду щец похлебаю. Со свининкой! Бабка не выходила?

– Только что.

– Козлом обзывала?

– Само собой.

– Значит, разогреть пошла... Бывай!

– Бывай. На свадьбу не забудь пригласить!

– Какие вопросы! Готовь подарок!

Он скрывается в подъезде, а я поднимаю с асфальта ведро и иду к мусорным бакам. Ноябрь. Холодает. Скоро Ока замерзнет и на лед выйдут отважные люди – рыбаки подледного лова....

МАЙОНЕЗ ОБЕТОВАННЫЙ

(из серии «Записки провинциального обывателя»)

Для смягчения жесткости утренней каши (это была, как правило, перловая или просяная) мама клала в тарелку Виктора Аркадьевича настолько ничтожное количество майонеза, что и этот майонез, и каша, и даже сама тарелка унижало его человеческое достоинство.

– Мама, – говорил Виктор Аркадьевич, начиная страдать душевно и напрягаться огорчительно. – Что вы жмете этот майонез? Что вы буквально трясетесь над каждой его майонезовой каплей? Извините великодушно, но у меня создается такое впечатление, что он вам дорог как память.

– Что, Витенька? (зловредная старушенция тут же начинала изображать вид, что плохо слышит)

– Майонезу, говорю, ложьте больше! – поовышал громкость Витенька. – А то кладете столько, словно мы его крадем!

– Говори тише, Витенька, – морщилась старушка (со слухом у нее проблемы? Ха-ха три раза! Да она слышит хлеще и зорче, чем рупор Левитана!). – Я тебя хорошо слышу. Значит, колбаску не будешь? Тогда я ее сама скушаю. Мягонькая! Зря ты отказался.

И действительно, чего она все постоянно жмет, постоянно экономит, досадливо думал Виктор Аркадьевич. И в первую очередь, почему-то майонез? Ужас... Ведь на чем жмет? На самом потребном – питании! Главное, какой? Живем вдвоем, больше никого кормить не надо, а зарабатывать я неплохо (Виктор Аркадьевич трудился старшим конторщиком в головном офисе фирмы по продаже нижнего женского белья, а также резиновых подвязок). Какая необходимость ужиматься? Что за скопидомовщина?

Раздражение не отпускало. Виктор Аркадьевич вышел на балкон и достал из бочки большой соленый огурец. Он отдавал предпочтение имен-

но таким – большим, пупырчатым и уже малость разбрюзшим. Даже сам их внешний вид Виктора Аркадьевича заметно успокаивал и даже настраивал на амурный лад.

– Привет сосед! – сказали справа. Виктор Аркадьевич повернул голову и увидел Марину. Их балконы были соседними, и Марина являла собою воплощение дружелюбия. Дружелюбие объяснялось тем, что у нее имелся жених – успешный бизнесмен. Правда, в данный момент он сидел в тюрьме (то ли кого-то ограбил, то ли просто пырнул ножиком), но сидеть ему оставалось недолго, месяцев пять, так что ближайшие маринины перспективы были просто-таки великопны.

Вообще-то, Тасика (это имя жениха) должны были отправить в колонию, доверительно рассказывала Виктору Аркадьевичу Марина. Отправить далеко. На Северный Урал (при произнесении этого географического названия у Марины вроде бы как сами собой расширялись и округлялись глаза). Но Тасик (имя произносилось с обязательным придыханием, что означало искренность испытываемых к Тасику чувств) успел дать соответствующим должностным людям взятку и поэтому его оставили отбывать срок здесь, у нас. Слова «у нас» означали здешнюю тюрьму. Она находилась совсем близко от их многоэтажки, буквально в десяти минутах ходьбы. Очень удобно. Всем бы так.

– В понедельник в «тридцатом» давали селедку, – сказала Марина. – Я взяла четыре, думала две передать Тасику. Не взяли. Сказали – не положено. Вам не надо?

Виктор Аркадьевич задумался.

– Нет, – отказался он. – Мама позавчера на базаре брынзу купила. Полкило. Еще не доели, – и он опять задумался. – А брынзу туда разрешают?

– Куда?

– Куда... – хмыкнул он. – Туда. На курорт.

– Не знаю, – пожала она плечами. – Брынзу я еще не носила. Так возьмешь селедку-то?

– Сказал же... – поморщился Виктор Аркадьевич. Он не любил повторяться.

– Как хочешь, – равнодушно ответила Марина и закурила.

А вообще, майонез – изумительная приправа, вернулся к недодуманному Виктор Аркадьевич. Особенно хорошо он в сочетании с вареной свиной. Она от него так и благоухает, так и благоухает! Прямо амброзия какая-то!

Он вернулся в комнату. Мама на кухне громыхала посудой, но, услышав его шаги, тут же притихла. Майонез прячет, решил Виктор Аркадьевич. На войне как на войне. Сходить что ли, в пивное, пивка испить? Пока на диван не улегся?

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

– Захар Павлович не обратил внимания на отраду природы, его разволновал неизвестный смолкший паровоз. Когда он ложился обротно спать, он подумал, что дождь – и тот действует, а я сплю и прячусь в лесу напрасно: умер же бобыль, умрешь и ты; тот ни одного изделия за весь свой век не изготовил – все присматривался да приноравливался, всему удивлялся, в каждой простоте видел дивное дело и руки не мог ни на что поднять, чтобы чего-нибудь не испортить; только грибы рвал, и то находить их не умел; так и умер, ни в чем не повредив природы.

Андрей Платонов, «Чевенгур»

Гаррий Бонифатьевич Ложкин, бывший комсомольский секретарь строительного участка мартеновского цеха номер сто двадцать четыре бис, позднее – командир орудия типа «гаубица» в энском артиллерийском полку Западного военного округа, а ныне – заведующий квашенно-засолочным пунктом эмской райпотребкооперации имени Клары Цеткин и Розы Люксембург, сидел за кухонным столом и хмуро кушал вареную картошку с репчатый луком. Хмурость его лица выражала революционное недовольство и соответствовала революционному самосознанию: он не хотел заведовать таким совершенно мещанским объектом как засолка. Это заведование оскорбляло его как Личность, познавшую ярость классовых битв, горечь поражений и торжество побед, но партия (он был ее членом уже три года) направила его на этот объект своей непреклонной рукой, и он не имел никакого морального права не подчиниться, а паче того отказать.

За спиной Гаррий Бонифатьевич услышал знакомые то ли кряхтение, то ли курлыкание. Это была Груша, молодая необразованная женщина могучих объемов и форм, хозяйка дома, в котором Гаррий Бонифатьевич квартировал уже вторую неделю. Он повернул голову. В мускулистых, именно что рабочих руках Груша держала большой железный таз с окровавленными бельем и бинтами. Гаррий Бонифатьевич посмотрел сначала на таз, потом поднял голову и посмотрел Груше прямо в глаза.

– На тринадцатом километре, – тихо сказала женщина. – Налетели ночью, сожгли теплушку и маневровый паровоз, двоих трудармейцев ранили, а товарища Кюхульбеккера порубали в лапшу.

Слово «лапша» она произнесла бесцветным, совершенно отстраненным голосом, словно говорила о действительно пищевом продукте. Гаррий Бонифатьевич в бессильной ярости скрипнул зу-

бами. Абрама Ароновича Кюхульбеккера, этого преданного делу партии большевика-ленинца, занимавшего должность комиссара здешнего участка железной дороги, он знал мельком (встречались на заседаниях укома), но уважал как стойкого бойца и убежденного приверженца идей.

– Казаки, – добавила Груша.

– Какие казаки? – не понял Гаррий Бонифатьевич, весь еще находясь под впечатлением от услышанной скорбной вести.

– Белые, какие...

– Я ж тебе уже сто раз говорил, что нету больше никаких белоказаков, – возразил он этой темной женщине нравоучительно и внутренне закипая. – Искоренены как класс. Да и война уже шесть лет как кончилась.

– Значит, не кончилась, – ответила Груша, и Гаррий Бонифатьевич вдруг отчетливо понял: да, война кончилась. Но борьба продолжается. Долгая кровавая борьба за счастье всего человечества во всем этом бушующем и яростном мире.

Поэтому вполне возможно, что и белоказаки еще не до конца побеждены. Что налетели, пожгли, поубивали – и опять попрятались в непроходимых болотах и дремучих чащах. И ждут.

Он аккуратно обтер губы фланелевой тряпочкой, заменявшей ему носовой платок, поднялся из-за стола и тяжелым кавалерийским шагом вышел на улицу. Ему нужно было зайти в механические мастерские текстильной фабрики, где он договорился взять на сутки трехчетвертные плашки, которые были необходимы для нарезки резьбы на боковую муфту маринадно-заварочного бака. Который на днях доставили на возглавляемый им квашено-засолочный пункт из губернского центра, а туда – прямо из-за границы, по взаимовыгодному обмену с классовыми империалистическими врагами. Так что жизнь продолжалась, и, несмотря на все трудности, нужно было заниматься своим ответственным и так необходимым для молодой республики делом по снабжению населения высококачественным кормом.

**Анна
АЛТУНИНА**

*Родилась в 1996 году. Живет в Иркутске.
Студентка Юридического Института
Иркутского государственного университета.
Стихи начала писать в 12 лет. Ранее
публиковалась в альманахе «Дебют» (Москва,
2014 год), в сборнике творческих работ «Живи,
Байкал!» (Иркутск, 2014 год)», на сайте liter-rt.
ru, Стихи.py, samilb.ru.*

ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ К ТЕБЕ...

* * *

Все дороги ведут не в Рим.
Все дороги ведут к тебе:
Светлый волос как будто нимб
Золотится на голове.

Каждый слог (так до боли прост)
Для меня как разрыв фугас.
Мы сидели под светом звезд
И мы смотрим на них сейчас.

Расплескалась лазурь небес
В хрустале чуть лукавых глаз.
У меня на душе порез
От того, что не будет «нас».

ЮНОСТЬ

О, Юность! Ты пора цветенья,
Мир ярких красок, новизны,
Где все просто и все просто
И невозможно утомленье
От созерцанья красоты.

Где нереально оторваться
От губ, знакомых наизусть.
А кто осудит — ну и пусть.
Ведь преступленье — расставаться
И уходить в глухую грусть.

Хоть безрассудно и наивно
Идти к велению мечты,

СТРОФЫ

Но, взяв судьбу в свои бразды,
Не смея мыслить нормативно
Мы переходим все черты.

* * *

Ягодный чай, закат, полутьма,
Осень багрянцем на землю ложилась
И, накрывая собою дома,
Грустью немой в душе притаилась.

Ветер гулял между веток берез,
Кошка уснула на старой фужайке
И дворовой, неуклюжий пес
Мчался навстречу слепой попрошайке.

* * *

Умывшись дождями от пыли,
В краю до боли родном,
Где юность свою проводили,
Друзей соберу за столом.

А, может, где-то в долине
Под сенью рыжих кустов
Увязну мечтами в трясине
Пустых обещаний и слов.

Там ветер слегка напевает
Мелодию прожитых лет,
Но в путь меня провожает
В дырявом кармане билет.

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

Родилась в 1960 году, коренная орловчанка. Доктор филологических наук, профессор, историк литературы, продолжатель традиций православного литературоведения, член Союза писателей России (Москва). Автор четырех монографий и свыше 500 опубликованных в России и за рубежом научных и художественно-публицистических работ о творчестве классиков мировой литературы.

За книгу «Христианский мир И.С. Тургенева» (издательство «Зерна-Слово», 2015) удостоена Золотого Диплома VI Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь».

Удостоена награды «Бронзовый Витязь» на VII Международном Славянском Литературном форуме «Золотой Витязь» (октябрь, 2016) за статьи – исследования творчества Ф.М. Достоевского.

Лауреат премии журнала «Зарубежные записки» за 2014 год в номинации «Эссе. Литературная критика».

Лауреат премии журнала «Наш современник» за 2018 год в номинации «Литературная критика. Литературоведение».

Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» имени Н.С. Лескова за 2020 год в

номинации «Литературоведение. Литературная критика».

Член Диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по специальностям «Русская литература», «Зарубежная литература» Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.

Работы опубликованы во многих научно-популярных, общественно-литературных журналах.

«У ЛЮБВИ ЕСТЬ СЛОВА...»

(к 200-летию Афанасия Фета)

«Шепот, робкое дыханье, трели соловья...», «Сияла ночь, луной был полон сад...», «На заре ты ее не буди...», «Я пришел к тебе с приветом...», «Уж верба вся пушистая...», «Зреет рожь над жаркой нивой...», «Это утро, радость эта...»...

Стихи живут, дышат, благоухают, переливаются радужным полноцветьем, трепещут, как взволнованное сердце.

*Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна.*

*Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далеких
Одинокий бег.*

(«Чудная картина...», <1842>)

Как знакомо, как близко русскому сердцу, как тепло на душе. И все это – Афанасий Афанасиевич Фет (1820 –1892).

За краткой, как сдержанный вздох, фамилией Фет – много неразгаданных тайн: загадки его рождения и происхождения, любви и трагической гибели его возлюбленной, секрет неизменного чувства к ней до последних дней жизни поэта.

На его могиле в селе Клейменово Орловской области значится фамилия Фет-Шеншин. Двойная фамилия, двойственная жизнь, раздвоившаяся судьба: автор поэтических шедевров и помещик, рачительный хозяин нескольких имений; бедняк и богач; безродный иностранец-разночинец и знатный русский дворянин; проникновенный лирик и уездный мировой судья; влюбленный, до конца дней своих сердцем преданный погибшей от любви к нему девушке, и муж своей супруги в безлюбовном браке. И все это – тоже Фет.

Как писал Алексей Жемчужников в стихотворении на смерть поэта:

*Искупят прозу Шеншина
Стихи пленительные Фета.
(«Памяти Шеншина-Фета», 1892)*

Когда Фету было под семьдесят и, говоря его же словами, уже светили «вечерние огни», родилось это потрясающее признание:

*Нет, я не изменил. До старости глубокой
Я тот же преданный, я раб твоей любви,
И старый яд цепей, отрадный и жестокой,
Еще горит в моей крови.*

*Хоть память и твердит, что между нас могила,
Хоть каждый день бреду томительно к другой, –
Не в силах верить я, чтоб ты меня забыла,
Когда ты здесь, передо мной.
(«Нет, я не изменил...», 1887)*

Этим стихам более 130 лет, но до сих пор они изумляют поэтическим выражением неувядающей, по-юношески пламенной силы любви, преодолевающей все, что может разъединить людей, – время и саму смерть.

Обращаясь к давно ушедшей из жизни возлюбленной, как к живой, поэт утверждает:

*Ты душою младенческой все поняла,
Что мне высказать тайная сила дала,
И хоть жизнь без тебя суждено мне влачить,
Но мы вместе с тобой, нас нельзя разлучить. («Alter ego», 1878).*

Это строки из стихотворения «Alter ego», что в переводе с латыни означает «второе я». Так древние римляне называли самых дорогих и близких им людей. Своим «вторым я», своей «второй половиной» – как говорят в русском народе – Фет считал девушку, которую встретил и потерял еще в годы своей молодости, но не смог забыть и «до старости глубокой»:

*Та трава, что вдали, на могиле твоей,
Здесь, на сердце, чем старе оно, тем свежей
(«Alter ego»)*

«Жизнь моя, – признавался поэт, – самый сложный роман».

*Видений пестрых вереница
Встает, усталый теша взгляд,
И неразгаданные лица
Из пепла серого глядят...
(«У камина», 1856)*

Художественная образность стихотворения «У камина» очень характерна для фетовской лирики. Поэта мистически завораживал открытый огонь, будь то пылающий камин, раскаленная печь, полыхающий костер, дрожащее пламя свечи, трепетное мерцание лампадки, жгучий луч солнца или замирающий огонек:

*Тускнеют угли. В полумраке
Прозрачный вьется огонек.
Так плещет на багряном маке
Крылом лазурный мотылек.*

Почему же снова и снова до последних мгновений жизни и поэтического творчества Фета притягивали, не отпускали, мотивы и образы, связанные с огнем? Не вызвала ли их трагическая кончина его возлюбленной, которая сгорела заживо, – жизнь свою возложила на огненный жертвенник любви?

*Встает ласкательно и дружно
Былое счастье и печаль,
И лжет душа, что ей не нужно
Всего, чего глубоко жаль.*

На исходе было палящее, испепеляющее лето 1848 года. Афанасий Фет служил в кирасирском полку, расквартированном на границе Киевской и Херсонской губерний. Военное окружение, жизнь среди «скалозубов и виев» в украинской степной глуши тяготили поэта: «лезут разные гоголевские Вии на глаза, да еще нужно улыбаться».

Однообразие служебных будней скрашивало только знакомство с местными помещиками – потомками поляков и австро-венгерских сербов, поселившихся в Малороссии еще в XVIII веке – в царствование Екатерины II. Образованные дворяне знали Фета не только как офицера, но и ценили как поэта. Его приглашали на балы и любительские спектакли. Позднее он вспоминал: «Такое настойчивое приглашение не могло не быть лестно для заброшенного в дальний край одинокого бедного юноши». Одиночество Фета вскоре было нарушено.

В гостеприимном богатом доме бывшего офицера Орденского полка М.И. Петковича давали бал. Легкие светлые стайки барышень, вальсирующих с офицерами, порхали по залу. В больших зеркалах дрожали огоньки свечей, таинственно искрились и мерцали драгоценные уборы дам. И вдруг – буд-

то вспышка молнии сверкнула: невдалеке от танцующих Фет заметил стройную девушку, которая выделялась среди других особенно яркой южнославянской красотой, высоким ростом, природной грацией. Сквозь смуглую кожу просвечивал нежный румянец, необычайно была роскошь ее черных с иссиня-сизым отливом волос. Сдержанная, строгая, она не принимала участия в шумном веселье бала, напоминала чем-то пушкинскую Татьяну:

*Дика, печальна, молчалива,
Как лань лесная боязлива,
Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой.*

Впоследствии, деликатно оберегая память о доверившейся ему девушке, делая неприкосновенной тайной само ее имя, Фет в своих воспоминаниях дал ей фамилию героини «Евгения Онегина» – Ларина. И придумал другое имя – Елена, m-Ile Helen. «Душа моя замирала при мысли, что может возникнуть какой-нибудь неуместный разговор об особе, защищать которую я не мог, не ставя ее в ничем не заслуженный неблагоприятный свет», – вспоминал поэт. «Мадемуазель Элен» в действительности звали Марией Лазич.

При первой встрече Фет с замирающим сердцем попросил представить его незнакомке, поразившей поэтическое воображение. Отныне, как идеальной прекрасной даме для рыцаря, как Беатриче для Данте, Лауре для Петрарки, «смуглой леди» для Шекспира Марии Лазич предстояло стать единственной героиней фетовской любовной лирики. Год за годом, до глубокой старости, до самой смерти посвящал он ей сияющее созвездие своих дивных стихов.

*Где ты? Ужель, ошеломленный,
Вокруг не видя ничего,
Застывший, вьюгой убеленный,
Стучусь у сердца твоего?..
(«Прости!..», 1888)*

Мария была племянницей М.И. Петковича, дочерью отставного кавалерийского генерала сербского происхождения К. Лазича – сподвижника Суворова и Багратиона. Отставной генерал был небогат и обременен семейством. Мария – его дочь – была бесприданницей, разделявшей все хозяйственные хлопоты и воспитательные заботы отца. К моменту знакомства с Фетом ей было 24 года, ему – 28 лет. Поэт безошибочно признал в ней родственную душу. «Я ждал женщины, которая поймет меня, – и дождался ее», – писал он своему другу Ивану Петровичу Борисову, с которым вместе провел детство в Орловской губернии.

Девушка была великолепно образованной, литературно и музыкально одаренной. «Поэзия и

музыка не только родственны, но нераздельны», – считал Фет. Мария Лазич вполне разделяла его убеждения. Оказалось, что она еще с ранней юности полюбила фетовские стихи, знала их все наизусть. Фет, вспоминая первые моменты общения с Лазич, писал: «Ничто не сближает так, как искусство, вообще – поэзия в широком смысле слова. Такое задушевное сближение само по себе поэзия. Люди становятся чутки и понимают то, для полного объяснения чего никаких слов недостаточно».

Однажды, сидя в гостиной у Марии, поэт перелистывал ее альбом. В то время все барышни и дамы имели подобные альбомы: записывали в них любимые стихи, помещали рисунки, просили писать и рисовать своих подруг и знакомых.

Изящное стихотворение оставил уже семидесятилетний Фет в альбоме Н.Я. Полонской – дочери своего друга-поэта Я.П. Полонского:

*Стихи мои в ряду других
Прочтут ли бархатные глазки,
Но появиться рад мой стих
Там, где кругом цветы и краски.*

*Желать вам счастья я готов,
Но в чем придет оно, не знаю;
Ни юных роз, ни мотыльков,
Хоть им дивлюсь, не поучаю.
(«В альбом Н. Я. Полонской», 20 июня 1890)*

И в девичьем альбоме Марии было все как обычно. Но вдруг одна необыкновенная страница приковала внимание Фета: он прочел прощальные слова, увидел нотные знаки и под ними подпись – Ференц Лист.

Знаменитый композитор и пианист гастролировал в России ровно за год до встречи Марии с Фетом – летом и осенью 1847 года. Побывал Лист и в Елисаветграде, где познакомился с Марией Лазич. Она не пропускала его концертов, он бывал у нее в гостях, слушал игру девушки на рояле и высоко оценил ее замечательные способности к музыке. Вспыхнуло ли между ними взаимное чувство, или запись, которую Ференц Лист оставил в альбоме Марии перед отъездом, была просто знаком дружеской симпатии? Кто узнает, кто скажет? Однако нельзя было не заметить, что в словах прощания сквозила неподдельная боль предстоящей разлуки, а мелодия «необыкновенной задушевной красоты», сочиненная композитором для Марии, дышала страстью и нежностью.

Возможно, Фет ощутил укол ревности, но болезненное чувство прошло, когда он услышал музыку Листа в исполнении своей возлюбленной. «Мне отрадно было узнать, что <...> Лист умел оценить ее виртуозность и поэтическое настроение. <...> Сколько раз я просил Елену повторить для меня на рояле эту удивительную фразу!» – вспоминал

поэт. Этой мелодией, встречей и прощанием Марии Лазич и Ференца Листа навеяны фетовские стихи, которые раздвигают границы поэзии и переходят в область музыки, в миры запредельные:

*-то носятся звуки
И льнут к моему изголовью.
Полны они томной разлуки,
Дрожат небывалой любовью.*

*Казалось бы, что ж? Отзвучала
Последняя нежная ласка,
По улице пыль пробежала,
Почтовая скрылась коляска...*

*И только... Но песня разлуки
Несбыточной дразнит любовью,
И носятся светлые звуки
И льнут к моему изголовью.
(«Какие-то носятся звуки...», <1853>)*

Главным «полем сближения», по признанию Фета, послужила для молодых людей французская писательница Жорж Санд, в романах которой были показаны «совершенно новые, небывалые отношения влюбленных»: «Изложение личных впечатлений при прочтении каждого нового ее романа приводило к взаимной проверке ощущений и к нескончаемым их объяснениям. Только после некоторого продолжительного знакомства с m-lle Hellene, как я ее называл, я узнал, что она почти с детства любила мои стихотворения. Не подлежало сомнению, что она давно поняла задушевный трепет, с каким я вступал в симпатичную ее атмосферу...»

За вечер молодые люди не успевали надышаться, наглядеться друг на друга, наговориться и засиживались вдвоем далеко за полночь: «Бывало, все разойдется по своим местам, и время уже за полночь, а мы при тусклом свете цветного фонаря продолжаем сидеть в алькове на диване. Никогда мы не проговаривались о наших взаимных чувствах».

*От огней, от толпы беспощадной
Незаметно бежали мы прочь;
Лишь вдвоем мы в тени здесь прохладной,
Третья с нами – лазурная ночь.*

*Сердце робкое бьется тревожно,
Жаждет счастье и дать, и хранить;
От людей утаиться возможно,
Но от звезд ничего не сокрыть.*

*И безмолвна, кротка, серебриста
Эта полночь за дымкой сквозной,
Видит только что вечно и чисто,
Что навеяно ею самой.
(«От огней, от толпы беспощадной...», 1889)*

Мария не уставала благодарить Бога за посланную ей встречу с Фетом. И все же не понимала, отчего утонченный поэт, университетски образованный человек выбрал военную службу, которая, как догадывалась девушка, была для него столь обременительна. Возможно, она прямо спросила об этом Фета. А он, греясь у камина в ненастный вечер, поежился, точно от холода, и ответил не сразу.

В самом деле, такой вопрос мог бы задеть поэта за живое, затронуть самое важное в его судьбе и потребовать сокровенных признаний. Может быть, эти признания были сделаны, и Фет, преодолевая страдание, поведал девушке непростую, во многом загадочную, романтическую и в то же время мучительную историю своей семьи, вокруг которой гнездились столько легенд, домыслов, слухов.

Его мать – молоденькая миловидная немка Шарлотта Фет (Foeth) – сначала проживала в Дармштадте и была замужем за чиновником городского суда Иоганном-Петером Фетом. Супруги имели годовалую дочь Каролину, но Шарлотта не чувствовала себя счастливой в браке. Муж обращался с ней грубо, предпочитал проводить время за кружкой пива с приятелями, а не у семейного очага. Ее душа томилась и ждала избавления. И вот в начале 1820 года появился он – чужестранец, обходительный богатый русский дворянин Афанасий Неофитович Шеншин. Потомок древнего прославленного рода, ведущего свою историю с XV столетия, мценский помещик и уездный предводитель дворянства, бывший офицер, участник боевых действий против Наполеона, он приехал поправить здоровье в Германию на воды. Дармштадская гостиница оказалась переполненной, и ее хозяин поместил нового постояльца в доме своего соседа – Карла Беккера, отца Шарлотты Фет.

И пусть знатный русский дворянин был более чем двадцатью годами старше, она увидела в нем своего героя, о котором грезилась еще в девических мечтах. Вспышка страсти опалила, ослепила обоих: двадцатидвухлетняя Шарлотта забыла об обязанностях матери и жены и сбежала в Россию со своим новым почти пятидесятилетним возлюбленным, оставив маленькую дочь на попечение Фету. К тому времени Шарлотта уже ждала второго ребенка, но не догадывалась, что в будущем причинит столько страданий своему еще не родившемуся сыну.

Похищая чужую жену из Германии, Афанасий Шеншин оставил ее отцу письмо с просьбой простить и благословить их союз. Карл Беккер благословения не дал. В Орловскую губернию – в неизвестный дотоле немцу городок Мценск – полетел ответ, полный упреков и угроз: тайно бежавшие из Германии любовники совершили проступок, «который запрещают законы Божеские и человеческие, а христианская религия полагает в числе величайших грехов».

В Мценском уезде в имении Шеншина Новоселки у Шарлотты Фет родился сын, который был крещен по православному обряду и записан в метрической книге под именем Афанасий Шеншин. Лишь спустя два года после его рождения Шарлотта приняла православие, была наречена Елизаветой Петровной и повенчана с Афанасием Неофитовичем Шеншиным. Тот был для Фета на редкость заботливым отцом. Елизавета Петровна Шеншина писала брату в Германию, что муж так относится к маленькому Афанасию, что «никто не заметит, что это не кровный его ребенок».

И вдруг разразился гром среди ясного неба. Орловское епархиальное начальство, обнаружив, что мальчик был рожден до брака А.Н. Шеншина, постановило, что «означенного Афанасия сыном господина ротмистра Шеншина признать невозможным». Так, в 14 лет подросток стал отверженным, незаконнорожденным. Будущий поэт узнал, что отныне он не полноправный русский дворянин и не может называться Шеншиным, а должен носить фамилию человека, которого никогда в жизни не видел, и именоваться Афанасием Фетом «родом из иностранцев». С потерей знатного дворянского имени были утрачены все права состояния, наследования имущества и земли. Наступила социальная и имущественная неопределенность. В университете он числился как «студент из иностранцев». Даже подпись его стала такой: «К сему руку приложил иностранец Фет». Поэту Я.П. Полонскому – своему приятелю с университетских лет – Фет с горечью говорил: «Я два раза в жизни терял свое состояние, потерял даже имя, что дороже всякого состояния».

После окончания словесного отделения философского факультета Московского университета Фет блистательно начал свое поэтическое поприще. Он имел успех в литературных кругах, однако определенного места в обществе по-прежнему не было. Дворянский титул в те годы могла ему вернуть только военная служба: права потомственного дворянства давал первый обер-офицерский чин. И Фет принял решение поступить в кирасирский полк: на офицерский чин можно было рассчитывать уже через полгода службы. В 1847 году по окончании университета поэт писал своему другу литератору Аполлону Григорьеву: «Ты звал меня часто в Петербург. Спрашивается, зачем? Затем, чтобы заниматься литературой? Не могу ни так, ни сяк – я человек без состояния и значения – мне нужно и то и другое, а на той дороге, которую я себе готовлю, будет, может быть, и то и другое. А поэзия? Да что же может мешать мне служить моему искусству, служить свободно и разумно?»

Но судьба словно насмехалась над ним. Император Николай I вскоре издал указ, согласно которому стать потомственным дворянином можно было, лишь дослужившись до старшего офицер-

ского звания. Едва Фет приближался к заветной цели, новые царские указы повышали планку для получения дворянства. Для поэта это означало, что служить в армии и ждать ему придется еще лет 15 – 20.

Обо всем этом, наверное, он мог с затаенной болью говорить в тот далекий зимний вечер, сидя у огонька со своей возлюбленной.

*Шумела полночная вьюга
В лесной и глухой стороне.
Мы сели с ней друг подле друга
Валежник свистал на огне.*

*И наших двух теней громады
Лежали на красном полу,
А в сердце ни искры отрады,
И нечем прогнать эту мглу!*

*Березы скрипят за стеною,
Сук ели трещит смоляной...
О друг мой, скажи, что с тобою?
Я знаю давно, что со мной!*
(«Шумела полночная вьюга...», <1842>)

Смутное предчувствие беды, мысль об отсутствии средств у них обоих омрачали влюбленность Фета. Его бедность доходила до такой степени, что поэт признавался: «Я очень хорошо знал, что в обществе невозможно появиться в мундире из толстого сукна. На вопрос мой, сколько будет стоить пара, портной запросил семьдесят рублей, тогда как у меня в кармане не было и семи».

Не зная, как ему поступить, и в надежде на дружеский совет Фет шлет письмо за письмом в мценское село Фатьяново другу своего детства Борисову: «Я встретил девушку – прекрасного дома и образования, я не искал ее, она – меня, но судьба... И мы узнали, что были бы очень счастливы после разных житейских бурь, если бы могли жить мирно <...> но для этого надобно как-либо и где-либо... Мои средства тебе известны, она тоже ничего не имеет». С другом поэт всецело откровенен и искренен: «Я <...> встретил существо, которое люблю – и, что еще, глубоко уважаю <...> Но у ней ничего и у меня ничего – вот тема, которую я развиваю и вследствие которой я ни с места...»

Однако, как утопающий хватается за соломинку, поэт все еще надеялся, что брак можно будет устроить, если материальную поддержку окажут родные: «не могу выбросить из рук последнюю доску надежды и отдать жизнь без борьбы. Если я получал бы от брата <...> тысячу рублей в год, да от сестры – пятьсот, то я бы мог как-нибудь существовать». Финансовой помощи не последовало, дружеские советы также были бессильны: «Будь ты мудрейший от Соломона, – пишет Фет Борисову, – то и тогда ничего для меня не придумаешь».

Шаткие отношения раскачивались, захватывая дух, от отчаяния к надежде. То взмывали к небесам, то срывались в бездну, словно на опасных качелях.

*И опять в полусвете ночном
Средь веревок, натянутых туго,
На доске этой шаткой вдвоем
Мы стоим и бросаем друг друга.*

*И чем ближе в вершине лесной,
Чем страшнее стоять и держаться,
Тем отрадней взлетать над землей
И одним к небесам приближаться.*

*Правда, это игра, и притом
Может выйти игра роковая,
Но и жизнью играть нам вдвоем –
Это счастье, моя дорогая!
(«На качелях», 1890)*

Пролетели почти два года со дня знакомства Марии Лазич и Фета. На него привыкли смотреть как на жениха, а предложения руки и сердца все не было. Поползли сплетни и слухи, кривотолки и недоумения. Родственники девушки пытались вынудить Фета объясниться по поводу его намерений в отношениях с Марией. Перед отправкой в военный поход поэт снова пишет в Орловскую губернию другу: «Эх, Ваня! Пойду в поход – себя не жаль, потому что черт же во мне, а жаль прекрасного создания... Ваня, плохо, голубчик! Дальше этого восклицания пойти не умею».

Отчаявшись, Фет решил «разом сжечь корабли взаимных надежд»: «Я ясно понимаю, что жениться офицеру, получающему 300 руб., без дому, на девушке без состояния значит необдуманно и недобросовестно брать на себя клятвенное обещание, которого не в состоянии выполнить»; «я собрался с духом и высказал громко свои мысли касательно того, насколько считал для себя брак невозможным и эгоистичным». Помертвевшая от этих холодных рассудочных слов Мария ничего возразить не смогла.

*Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок,
Пред скамьей ты чертила блестящий песок,
Я мечтам золотым отдавался вполне, –
Ничего ты на все не ответила мне.*

*Я давно угадал, что мы сердцем родня,
Что ты счастье свое отдала за меня,
Я рвался, я твердил о не нашей вине, –
Ничего ты на все не ответила мне.*

*Я молил, повторял, что нельзя нам любить,
Что минувшие дни мы должны позабыть,
Что в грядущем цветут все права красоты, –
Мне и тут ничего не ответила ты. («Солнца
луч промеж лип был и жгуч и высок...», <1885>)*

Такая же щемящая, безнадежная боль, льдистый холодок сквозь сердце – в фетовских прощальных стихах.

*Прости! Во мгле воспоминанья
Все вечер помню я один, –
Тебя одну среди молчанья
И твой пылающий камин. <...>*

*Что за раздумие у цели?
Куда безумство завлекло?
В какие дебри и метели
Я уносил твоё тепло? (
«Прости!», 1888)*

«Я не женюсь на Лазич, – категорически заявляет Фет в письме к Борисову от 1 июля 1850 года, – и она это знает, а между тем умоляет не прерывать наших отношений, она передо мной – чище снега. Прервать – неделикатно и не прервать – неделикатно <...> Этот несчастный гордиев узел любви, который чем более распутываю, тем туже затягиваю, а разрубить мечом – не имею духа и сил... Знаешь, втянулся в службу, а другое все только томит, как кошмар».

Но даже в самых страшных снах Фет не мог предположить, что это было только преддверие кошмара. Он резал по живому, сжигал все мосты, когда решился на окончательный разрыв с Марией. Встречи прекратились. Ее мольбы в письмах оставались без ответа.

Наступила весна 1850 года. Вновь расцветала и пробуждалась к жизни природа. Как писал Тургенев, впоследствии – сосед по имени и близкий друг Фета: «Опять повеяло с неба сияющим счастьем весны; опять улыбнулась она земле и людям; опять под ее лаской все зацвело, полюбило и запело».

Но Мария Лазич, покинутая любимым, ощущала себя словно в ледяной пустыне. Где искать человеческого тепла и участия? Как согреться в пронизывающем душу мертвящем холоде? Может быть, долго, не отрываясь, смотрела она, как теплится огонек лампы. Трепетные бабочки слетались на пламя и, опалив живой бархат крыльев, обгоревшие, падали замертво вниз ...

А что, если бы и ей разом прекратить все страдания?.. Открытый огонь перекинулся на белое кисейное платье Марии, языки пламени побежали вверх к ее распущенным смоляным волосам. Охваченная пламенем, она выбежала из комнаты в сад и под струей свежего воздуха мгновенно превратилась в пылающий живой факел. Стоя, она кричала: «Au nom du ciel sauvez les lettres!» («Во имя Неба спасите письма!»). Еще четверо суток длились ее мучения, но всякая медицинская помощь была напрасной. «Можно ли на кресте страдать более, чем я?» – шелестели ее обгоревшие губы. И перед самой смертью Мария успела прошептать

последние слова, во многом загадочные, но в них она посылала прощение любимому человеку: «Он не виноват, – а я...».

Фет, потрясенный этим трагическим известием, не простил себя до конца своих дней: «Я виноват; я не взял в расчет женской природы и полагал, что сердце женщины, так ясно понимающей неумолимые условия жизни, способно покориться обстоятельствам. Не думаю, чтобы самая томительная скорбь в настоящем давала нам право идти к неизбежному горю всей остальной жизни».

*Страницы милые опять персты раскрыли;
Я снова умилен и трепетать готов,
Чтоб ветер иль рука чужая не сронили
Засохших, одному мне ведомых цветов.
<...>*

*Но ими дорожит мое воспоминанье;
Без них все прошлое – один жестокий бред,
Без них – один укор, без них – одно терзанье,
И нет прощенья, и примиренья нет!
(«Страницы милые опять персты раскрыли»,
1884)*

*С опочившей я глаз был не в силах отвесть –
Всю погасшую тайну хотел я прочесть.
И лица твоего мне простили ль черты? –
Ничего, ничего не ответила ты!
(«Солнца луч промеж лип был и жгуч и
высок...», <1885>)*

Фет стал прославленным поэтом. Планируя дальнейшую жизнь: «Итак, мой идеальный мир разрушен давно. Что ж прикажете делать. Служить вечным адъютантом – хуже самого худа – ищу хозяйку, с которой буду жить, не понимая друг друга», – он вышел в отставку, так и не дослужившись до желанного дворянства, и женился на богатой купеческой дочери с большим приданым – Марии Петровне Боткиной. Она была не очень молодой и не очень красивой, также пережила в юности тяжелый роман.

Устроилась материальная сторона жизни: «Тогда я был бедняком-офицером, полковым адъютантом, а теперь, слава Богу, орловский, курский и воронежский помещик, коннозаводчик и живу в прекрасном имении с великолепной усадьбой и парком. Все это приобрел усиленным трудом, а не мошенничеством, и на этот счет я покоен». В Мценском уезде Орловской губернии Фет был избран мировым судьей и десять лет старался похристиански вершить чужие судьбы, будучи убежденным, что «Христианство является, бесспорно, высшим выражением человеческой нравственности и основано на трех главных деятелях: вере, надежде и любви. Первыми двумя оно обладает наравне с прочими религиями. Нет религии без веры и надежды; зато любовь – исключительный

дар христианства, и только ею Галилеянин победил весь мир».

Наконец, в 1873 году Фет получил долгожданное дворянство, право носить фамилию Шеншин, все сословные привилегии. Государь позволил ему принять «фамилию ротмистра Афанасия Неофитовича Шеншина и вступить во все права и преимущества его по роду и наследию».

Но в поэзии он остался Фетом. В сердце прожившего жизнь поэта, не угасая более четырех десятилетий, жарко пылал огонь его юношеской любви. Образ любимой девушки продолжал жить в сердце и памяти, воскресал перед глазами точно въявь:

*Вчера я шел по зале освещенной,
Где так давно встречались мы с тобой.
Ты здесь опять! Безмолвный и смущенный,
Невольно я поникнул головой.*

*И в темноте тревожного сознанья
Былые дни я различал едва,
Когда шептал безумные желанья
И говорил безумные слова.*

*Знакомыми напевами томимый,
Стою. В глазах движенье и цветы –
И кажется, летя под звук любимый,
Ты прошептала кротко: “Что же ты?”*

*И звуки те ж, и те ж благоуханья,
И чувствую – пылает голова,
И я шепчу безумные желанья
И лепечу безумные слова.
(«Вчера я шел по зале освещенной...»,
<1858>)*

И в преклонном возрасте Фет продолжал создавать шедевры любовной лирики потрясающей глубины и силы чувства. Я. П. Полонский писал 25 октября 1890 года семидесятилетнему поэту: «Что ты за существо – не постигаю, ну, скажи ради Бога и всех ангелов Его <...> откуда у тебя берутся такие елейно-чистые, такие возвышенно-идеальные, такие юношески-благоговейные стихотворения, как “Упреком, жалостью внушенным...” Я по своей натуре более идеалист и даже фантазер, чем ты, но разве я или мое нутро может создать такой гимн неземной красоте, да еще в старости!..».

Такие же «юношески-благоговейные стихотворения» рождались у Фета в последний год его жизни: «стихи, написанные им в 1892 году, в благоуханности и свежести не уступают прежним: фетовский гений сохранил свой первозданный блеск до последнего вздоха», – так современник поэта Б.А. Садовский выразил всеобщее изумление поздней лирикой Фета.

*Точно в нежном дыханье травы и цветов
С ароматом знакомым доносится зов,
И как будто вот-вот кто-то милый опять
О восторге свиданья готов прошептать.*
(«Ночь лазурная смотрит на скошенный
луг...», 12 июня 1892)

Незадолго до смерти – выхода в последние двери – в преддверии Божьего суда, Афанасий Фет писал, обращаясь к Марии Лазич – своему «второму я»:

*У любви есть слова, те слова не умрут.
Нас с тобой ожидает особенный суд;
Он сумеет нас сразу в толпе различить,
И мы вместе придем, нас нельзя различить!*
(«Alter ego»)

К жизни, любви и творчеству поэта нельзя подходить с обывательскими земными меркам. Примем во внимание лесковское размышление о «высокой

правде» Божьего суда: «совершится над всяким усопшим суд нелицеприятный и праведный, по такой высокой правде, о которой мы при здешнем разуме понятия не имеем».

А мы, сегодняшние читатели, воздадим Афанасию Афанасиевичу Фету нашу благодарную память за воспетую в его поэзии песнь вечной любви и нетленной красоты.

*Я знаю, иногда в апреле
Зима неожиданно набежит,
И дуновение метели
Колочим снегом закружит.*

*Но миг один – и солнцем вешним
Согреет юные поля,
И счастьем светлым и нездешним
Дохнет воскресшая земля.*
(«Когда смущенный умолкаю...»,
26 марта 1892)

Вероника ВОРОНИНА

Родилась в 1977 году в г. Арзамас-16. Сейчас живет в г. Люберцы. Образование – журфак МГУ имени М.В. Ломоносова, хотя по профессии так никогда и не работала. Также получила дополнительное образование как психолог-консультант в НИИ СПиПРЛ. Училась Расстановкам и Архетипотерапии. С научно-исследовательскими статьями публиковалась в альманахе «Архетипические Исследования». Писать начала со средней школы. В предпоследнем классе победила на городском конкурсе сочинений, публиковалась в молодежном альманахе «Ни два, ни полтора».

ДИКТАТУРА ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ, или Что общего у «451 градус по Фаренгейту» и «Гарри Поттера»?

К столетию Рэя Брэдбери

В 2020 году исполнилось сто лет со дня рождения Рэя Дугласа Брэдбери.

Его называют основоположником многих традиций жанра фантастики. Однако чистой фантастики у писателя относительно немного и сам он не считал себя фантастом.

Брэдбери создал множество литературных произведений, которые до сих пор продолжают активно читать, хотя после их написания прошло несколько десятилетий. Немало его историй экранизированы, адаптированы для театральных постановок и даже музыкальных сочинений.

Всемирная известность пришла к писателю после публикации антиутопии «451 градус по Фаренгейту» в 1953 г.

Название романа — отсылка к температуре горения бумаги. Брэдбери создавал его в период маккартизма в США как метафору тогдашних событий: книга рассказывает о тоталитарном обществе с госцензурой и притеснением инакомыслия. Писатель рисует социум будущего, опирающийся на массовую культуру и потребительское мышление. Главный герой пожарный Гай Монтэг и такие, как он, занимаются сжиганием книг, которые считаются угрозой стабильности общества.

«Фаренгейт» был удостоен премии Американской академии искусств и литературы и премии «Хьюго», включен в «Зал славы» премии «Прометей».

Многое из описанного в «Фаренгейте», созданном почти семьдесят лет назад, прогнозирует будущее в удивительных деталях.

Роман предвосхищает появление ряда современных технологий: огромных телевизоров, наушников, прямую трансляцию сенсационных событий на всех каналах.

Описанное в книге общество напоминает современные реалии: культура потребления и зависимость от гаджетов. «Будет еще интереснее, когда у нас в доме появится четвертая телевизорная стена, — говорит жена Монтэга Милдред. — Как ты думаешь, долго нам придется копить, чтобы вместо простой стены сделать телевизорную?» Очень напоминает охоту за более продвинутой моделью айфона, не правда ли?

Брэдбери оказался прав еще в одном: роль меньшинств в современном обществе значительно изменилась, а политкорректность показала свою теневую сторону.

Брандмейстер Битти, один из главных героев романа, рассказывает Монтэгу как общество пришло к такому образу жизни, что книги попали под запрет. И монолог Битти звучит удивительно современно:

«Возьмем вопрос о разных мелких группах внутри нашей цивилизации. Берегитесь обидеть какую-нибудь из них — любителей собак или кошек, врачей, адвокатов, торговцев, начальников, мормонов, баптистов, унитариев, потомков китайских, шведских, итальянских, немецких эмигрантов, техасцев, бруклинцев, ирландцев, жителей штатов Орегон или Нью-Мексико. Все эти группы и группочки, созерцающие собственный пуп, — не дай бог как-нибудь их задеть! Журналы превратились в разновидность ванильного сиропа. Книги — в подслащенные помои. И все это произошло без всякого вмешательства сверху, со стороны правительства. Не с каких-либо предписаний это началось, не с приказов или цензурных ограничений. Нет! Техника, массовость потребления и нажим со стороны этих самых групп — вот что привело к нынешнему положению».

Такой взгляд на тоталитарное общество отличается от позиции других авторов антиутопий. Олдос Хаксли («О, дивный новый мир!»), Джордж Оруэлл («1984»), Евгений Замятин («Мы») исследуют антагонизм социальных групп, акцентируют внимание на противостоянии партий. В некотором смысле Брэдбери оказался точнее их. В его романе люди без всякого давления по собственной воле пришли к современному обскурантизму — вследствие системы безобидных мер, принимаемых в защиту общественного спокойствия.

Итак, как и предсказывал Брэдбери, роль меньшинств в современном обществе значительно увеличилась.

Культура толерантности позволила разным меньшинствам в короткие сроки добиться значительных изменений в массовом сознании. Исторические заслуги политкорректности не могут быть оспорены, однако со временем она стала превращаться в свою полную противоположность. В свое время действи-

тельно сильно пострадавшие от дискриминации группы начали перерождаться в весьма агрессивные, мелочные и не знающие снисхождения к своим обидчикам. Подобный тренд можно наблюдать во многих странах.

В этом плане очень показательным происшедшее в 2020 г. с «мамой Гарри Поттера» Джоан Роулинг.

Писательница, которая уже и так неоднократно получала обвинения в трансфобии, теперь разозлила активистов-трансгендеров тем, что поддержала различие между биологическими женщинами и трансженщинами. Роулинг также выступила против гендерно-нейтральных пространств (раздевалок и туалетов), пояснив, что в таких местах комфорт и безопасность женщин могут быть нарушены любым мужчиной, который назовет себя женщиной.

К травле Роулинг присоединились публичные люди, в том числе звезды фильмов, снятых по ее книгам. А вышедший в сентябре новый детектив писательницы *Troubled Blood* («Дурная кровь») лишь подлил масла в огонь: ведь в нем расследуется дело о серийном убийце-трансвестите.

Цензуре подвергается не только настоящее, но и прошлое. Наиболее активные меньшинства требуют и часто добиваются запрета известных литературных произведений или вымарывания из них оскорбительных для той или иной группы слов и сюжетов.

В 2012 г. итальянская правозащитная организация «Геруш 92» потребовала изъять «Божественную комедию» Данте Алигьери из школьных и университетских программ и библиотек. По мнению правозащитников, в книге присутствуют многочисленные оскорбления по религиозным, сексуальным и расовым признакам.

Немецкое издательство «Тинеманн» заменило в сказке Астрид Линдгрэн «Пеппи Длинныйчулок» фразу «негритянский король» на «правитель Южных Морей».

Во Франции роман Агаты Кристи «Десять негритят» в 2020 г. переименовали в «Их было 10». Франция являлась одной из последних стран, где книга еще продавалась под оригинальным названием. Изменилось не только название, но и сам текст, в котором многократно упоминалось слово «негритята» и его производные.

Под раздачу попал даже Марк Твен, являвшийся открытым противником расизма и рабства. Его роман «Приключения Гекльберри Финна» подвергся цензуре из-за использования слов типа «ниггер», общепотребительных во времена создания, но сейчас считающихся расово оскорбительными. Книги Твена изъяли из программы ряда школ США за расистские высказывания.

Не обошла эта общемировая тенденция и Россию. Нацменьшинства, общественные организации, «группы недовольных граждан» требуют (и иногда добиваются) литературной цензуры того, что счита-

ют для себя оскорбительным или безнравственным.

В 2007 г. татарские активисты потребовали про-верить «Конька-Горбунка» Петра Ершова на экстре-мизм из-за употребления слова «татарин» в качестве ругательного.

В 2011 г. под покровительством РПЦ была пере-издана сказка Александра Пушкина «О попе и о ра-ботнике его Балде» в редакции Жуковского. Из нее убрали упоминания о служителях церкви, а попа за-менили на купца. По мнению представителей РПЦ, так «восстановлена историческая справедливость» и доказано, что «Пушкин был человеком верующим и не мог высмеивать церковь».

В 2013 г. при проверке литературы в школьных библиотеках Ставрополя прокуроры потребовали изъять из открытого доступа произведения Сергея Есенина и Владимира Набокова. Их книги сочли на-рушающими закон о защите детей от вредоносной информации и «несовместимыми с задачами обра-зовательного процесса».

Что касается «451 градуса по Фаренгейту», по иронии судьбы, книга, изобличающая цензуру, сама подвергалась ей со стороны своего издательства. В 1967 г. издательский дом «Ballantine Books» вы-пустил издание «Фаренгейта», адаптированное для школы. Были удалены такие слова, как «аборт», ру-гательства «damn» и «hell». Исправленная версия

выдержала десять изданий на протяжении тринад-цати лет.

Предпринималось немало попыток подвергнуть цензуре не только «Фаренгейта», но и другие про-изведения Брэдбери. Писателю рекомендовали раз-вить тему женских прав в «Марсианских хрониках», увеличить количество чернокожих в «Вине из оду-ванчиков».

В связи с этим сам Брэдбери написал: «Сжигать книги можно разными способами. И мир полон суе-сливых людей с зажженными спичками. Представи-тели любого меньшинства, будь то баптисты/унитари-и, ирландцы/итальянцы/траченные молью гумани-тари, дзен-буддисты/сионисты/ адвентисты/фемини-сты, республиканцы, пятидесятники и т.д., и т.п., счи-тают, что у них есть право, обязанность, воля, чтобы облить керосином и поднести спичку. Реальный мир — общая игровая площадка для всех и для каждо-го, для любых групп, чтобы они устанавливали свои правила. Но под обложкой моей книги их законы за-канчиваются и начинается моя территория с моими правилами».

К счастью, у идей Брэдбери находятся последо-ватели. Недавно журнал Harper's Magazine опублико-вал открытое письмо, в котором 150 общественных деятелей, ученых и писателей высказались в защиту свободы слова. Документ, озаглавленный «О спра-ведливости и открытости дискуссий», призывает при-знать право каждого человека на собственное мнение.

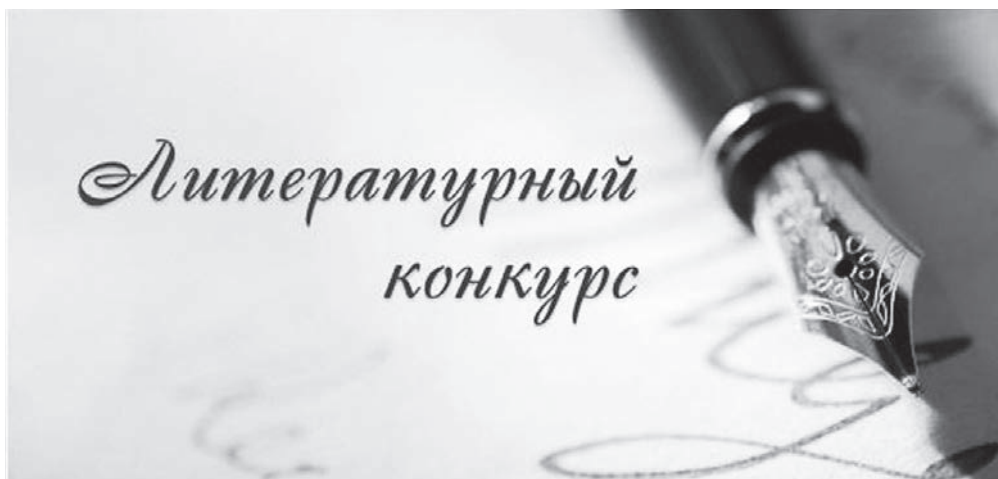
Письмо направлено против «идеологического единообразия», «нравственной категоричности» и притеснения тех, кто выражает мнения, отличные от господствующих в западном обществе. Подписавшие его выступают против превращения толерантности в инструмент навязывания определенных установок.

«Склонность осуждать получает все большее распространение и в нашей культуре: нетерпимое отношение к противоположным точкам зрения, мода предавать людей шельмованию и остракизму, тен-денция растворять сложные политические пробле-мы в ослепляющем потоке нравственной категорич-ности», — считают подписавшие документ.

Авторы письма подчеркивают, что им требуется право на эксперименты, риск и ошибки. Кроме того, деятели искусства призвали сохранить за ними пра-во не соглашаться с общепринятыми мнениями без угрозы тяжелых последствий для их работы.

Среди поставивших свои подписи Джоан Роулинг, Салман Рушди, Маргарет Этвуд, Фрэнсис Фукуяма и Гарри Каспаров.

Статью о столетии Брэдбери хочется закончить еще одной цитатой: «Где-то вновь должен начаться процесс сбережения ценностей, кто-то должен снова собрать и сберечь то, что создано человеком, сбе-речь это в книгах, в грампластинках, в го-ловах людей, уберечь любой ценой от моли, плесе-ни, ржавчины, тлена и людей со спичками».

Подведены итоги Шестого Международного Литературного конкурса, проводимого ежегодно сетевым журналом «Литерра Нова».

Всего на конкурс было прислано свыше 150 заявок в четыре номинации. Объявляем победителей:

РЕАЛИЗМ

Лауреаты

1. Александр АПАЛЬКОВ (Украина, г. Канев) «Иродиада и Зеркало революции»
2. Андрей ПУЧКОВ (Красноярский край, г. Сосновоборск) «Красная незабудка»

Майя ГАЛИЦКАЯ (Белоруссия, Гомельская обл., г. Буда-Кошелево) «Возвращение»
3. Ирина ГОЛОВИНА (г. Челябинск) «Публичный дом»

Тамара ГАБРИЭЛЬ (г. Новосибирск) «Нашла коса на камень»

Дипломанты

Екатерина АЛЕКСЕЕВА (г. Стерлитамак) «Моя Сахара»
Ирина БЕЗУГЛАЯ (г. Москва) «Полюби меня, Муся!»
Анна БИЛОУС (Канада, г. Ванкувер) «Джаз – Львов – Ванкувер»
Наталья КРАСЮКОВА (г. Коломна) «Федор Конюхов»
Мария САНДАКОВА (г. Гурьевск, Кемеровская обл.) «Как только умрет Агата»
Марина ШАПОШНИКОВА (г. Астрахань) «Царство старого башмачника»
Ирина ШУЛЬГИНА (г. Москва) «Долго жить и вечно ткать»

СКАЗКА

Лауреаты

1. Маргарита ЛЕВИНА (г. Москва) «Маленький белый заяц Динь»
2. Анна ЗОРИНА (г. Новосибирск) «Новая сказка старой Праги»

Олег СКРЫННИК (г. Кувандык, Оренбургская обл.) «Темка Жачкин в стране дураков»
3. Артемий КУРЕНКОВ (г. Москва) «Мед и злото»

Алексей МЕЛЬНИКОВ (г. Альметьевск, Татарстан) «Погашенная свечка»

Дипломанты

Кирилл БАЯНОВ (г. Севастополь) «Мрак»
Владимир КОЛАБУХИН (г. Ярославль) «Фортуна Элла Хейса»
Олег ЛУЗИН (г. Назарово, Красноярский край) «Дорога судьбы»
Наталья ПЕЧОНОВА (г. Нальчик) «По своему хотению»
Александр РАЛОТ (г. Краснодар) «Кот поэтессы»
Андрей ТЕДДЕР (г. Гдов, Псковская обл.) «Суеверие»
Салават ШАМШУТДИНОВ (г. Мга, Ленинградская обл.) «Сказка о золотой рыбке»

ФАНТАСТИКА

Лауреаты

1. Илия МАЙКО (г. Пермь) «Сицилианская защита»
2. Нина ЛЕВИНА (г. Керчь) «Океан»
Виктория ЛЕВИНА (Израиль, г. Ришон ле Цион)
«Пейзажи с Набережной»
3. Юрий ЕГОРОВ (п. Дроздово, Московская обл.)
«Трещалка»
Александр КУЗНЕЦОВ (г. Усть-Катав, Челябинская обл.) «Тридцатая»

Дипломанты

Светлана ЖИВНАЧ (Белоруссия, г. Минск) «Ближе, чем кажется»
Леся КАРПА (Украина, г. Киев) «Кондоры»
Сергей КАЛАБУХИН (г. Коломна) «Черный следопыт»
Павел ЛЕЦ (г. Тверь) «Бессмысленный полет»
Юлия РЯДИНСКАЯ (г. Белгород) «Интервью»
Иосиф СИГАЛОВ (г. Москва) «День забвения»
Олег СОПИН (г. Новый Уренгой) «Соседство по наследству»

ПОЭЗИЯ

Лауреаты

1. Светлана ДОРОШКО (ЛНР, г. Луганск)
2. Федор ФАТИН (Германия, г. Трир)
Юрий САВЧЕНКО (с. Новая Таволданка, Белгородская обл.)
3. Елена ОРЛОВСКАЯ (г. Ханты-Мансийск)
Виктория ЕРУХ (г. Краснодар)

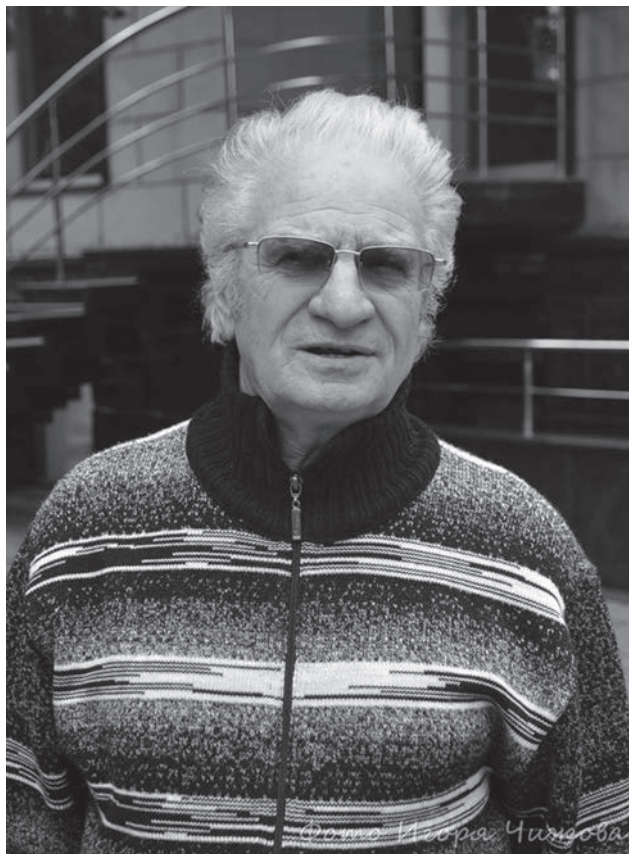
Дипломанты

Ирина БАЙТЛЕР (США, г. Бостон)
Людмила БЕЛОЗЕРОВА (г. Волгоград)
Ольга ВАСИЛЬЕВА (г. Красноярск)
Юрий ВИТКИН (Германия, г. Гамбург)
Денис ДЕТИСТОВ (г. Альметьевск, Татарстан)
Наталья КОЛМОГорова (ст. Клявлино, Самарская обл.)
Олеся НЕСТЕРОВА (с. Залесово, Алтайский край)
Николай ПЕРЕЯСЛОВ (г. Москва)
Тамара СЕЛЕМЕНЕВА (Московская обл.)

Примечание 1. Так как некоторые участники отправляли заявки сразу по нескольким номинациям, то в случае высоких оценок в нескольких номинациях, предпочтение отдавалось самому наилучшему. Извините, участвовать можно во всех номинациях сразу, но побеждать только в одной.

Примечание 2. Некоторые произведения волевым решением жюри поменяли номинацию.

Валерий ГАНСКИЙ

Закончил Саратовский политехнический институт, инженер-строитель. Корреспондент ряда саратовских СМИ, член Союза журналистов России. Публиковался в журналах «Уральский следопыт», «Искорка», «Советский воин», «Волга XXI век», «Сура», «Вышгород» (Эстония), «Новый ренессанс» (Германия), «Новая литература», «Родное слово», «День и ночь», «Страстной бульвар, 10». Автор книг поэзии и прозы: «И мой Пушкин», «Мой саратовский причал», серии книг «Дорогие мои саратовцы», «Витте против Столыпина». Дипломант и лауреат литературных конкурсов и премий: «Золотое перо Руси», «Русский stil», премия Артема Боровика, «Моя малая Родина». Лауреат литературного конкурса «Легенды Фонтанного Дома» в номинации «Вклад в изучении истории Шереметевых» (Санкт-Петербург, 2018 год).

АВТОР СЕМЕЙНЫХ ПОРТРЕТОВ

В 1986 году в Саратове состоялась художественная выставка русского портрета из собрания Останкинского дворца-музея «Творчество крепостных». На выставке были представлены живописные портреты работы И.К.Макарова, сына бывшего крепостного помещика Горехвостова Кузьмы Макарова, принадлежавшего к Арзамасской живописной школе. Поэты пушкинской поры шутливо называли ее «Арзамасской Академией».

В 1828 году К.А.Макаров основал свою школу в Саранске, утвердившей арзамасский стиль живописи: взаимодействие церковной и светской. В этой школе учился его сын Иван, который свой путь художника начал с иконописи. В 1842 году он вместе с отцом расписывает церковь в селе Саловка Инсарского уезда Пензенской губернии. Портретист, рисовальщик, акварелист, автор целого ряда монументальных росписей на религиозные темы, Иван Кузьмич Макаров (1822 – 1897) при жизни имел многочисленных почитателей, современники считали его достойным продолжателем традиций Карла Брюллова, его произведения покупал тонкий знаток и ценитель русского искусства П.М.Третьяков. Известно бо-

лее двухсот портретов современников, исполненных художником в разные годы. Его неутомимая кисть за 60 лет творческого труда создала свою «историю в лицах». Это архитекторы и музыканты, художники и государственные деятели, крестьяне и купцы, князья и царствующие особы – известные и безызвестные люди, разные по национальности, характеру, положению в обществе.

За внешней приятностью кисти и почти вещественной достоверностью изображения, гладкой, почти эмалевой манерой письма, за всеми теми формальными приемами, которые отличают работы салонных художников, наперекор академическому безразличию и угодливости, в работах Макарова проглядывает много русского, самобытного, и это сказалось не только в лицах людей, их выражении. И прежде всего, в той сердечности и теплоте, с которыми Макаров умел подойти к человеку и выразить свое отношение к нему в портрете.

Все портреты Макарова можно условно разделить на две группы: парадные и интимные. В интимных портретах художник чаще всего создавал образы близких ему по духу людей. В портретах подобного

рода Макаров мало внимания уделяет декоративным элементам, они почти лишены аксессуаров. Автор стремится точнее передать внешнее сходство модели, ее общее душевное состояние.

Трудность, по мнению К.С.Петрова-Водкина, состояла в том, чтобы объединить в портрете декоративную и психологическую сущность. К таким портретам относится образ Надежды Павловны Боголюбовой, жены основателя Радищевского музея А.П.Боголюбова. Сам Алексей Петрович в «Записках моряка-художника» писал о ней: «Она не была красавица, но столько было тонкого, обворожительного в ее глазах, и, говоря без малейшего кокетства, что редко, кто знал ее, не отдавал ей полную справедливость за ее ум, миловидность и кротость...».

В нашем Радищевском музее есть овальный портрет Н.П.Боголюбовой, урожденной Нечаевой (1839 – 1865) работы И. Макарова, переданный мужем в 1885 году. Масло, холст 65x54. Художник точно передал образ женщины, данный в словесном портрете А.П. Боголюбова, который позже писал: «Но недолго я был счастлив! На балу-маскараде Надежда Павловна простудилась, захворала воспалением легких, которое и свело ее в могилу...» В своем духовном завещании А.П.Боголюбов просил: «...Ежегодно в стенах музея и школы Боголюбовской служить панихиду по Надежде – жене моей...»

Жемчужиной портретного творчества И.К.Макарова является портрет Натальи Николаевны Пушкиной-Ланской», находящийся в Государственном музее А.С. Пушкина, написанный в 1849 году. В этом портрете гармонически сочетаются проникновенность характеристики и виртуозность исполнения-качества, присущие лучшим портретам художника.

Н.Н.Пушкину писали А.П.Брюллов, В.Гау, Т.Нефф, Т.Райт, но одним из лучших своих портретов сама Наталья Николаевна считала портрет, исполненный Макаровым «...Это один из лучших моих портретов, – писала Пушкина-Ланская. – Я нахожу, что я изображена такой красивой женщиной, что мне даже совестно согласиться, что портрет похож...»

Наталье Гончаровой только минуло шестнадцать лет, когда она впервые встретилась с Пушкиным на балу в Москве. В белом воздушном платье, с золотым обручем на голове, она в этот вечер поражала всех своей классической, царственной красотой. Александр Сергеевич не мог оторвать от нее глаз. Пушкин влюбился в Гончарову. «Очарован и огончарован». Из письма Пушкина Н.И.Гончаровой – матери Натальи 5 апреля 1830 года: «Когда я увидел ее в первый раз, красоту ее только начали замечать в обществе. Я ее полюбил, голова у меня закружилась; я просил руки ея... Бог мне свидетель, что я готов умереть за нее; но умереть, чтобы оставить ее блистательною вдовою, свободно выбрать завтра же другого мужа; мысль эта – ад». А вот пригласительный билет на помолвку Пушкина: «Николай Афона-

сьевич и Наталья Ивановна Гончаровы имеют честь объявить о помолвке дочери своей Наталии Николаевны с Александром Сергеевичем Пушкиным, сего мая 6 дня 1830 года».

*Исполнились мои желанья, Творец.
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.*

Семь лет прожили супруги вместе до трагической гибели поэта. Четверых детей родила Наталья Николаевна. И семь лет прожила она в уединении после смерти Пушкина в своем имении Полотняный Завод.

*Усадьба гончаровская,
Где Пушкина вдова
Семь лет жила затворницей,
Скорь пряча под вуаль...*

«Адская» мысль Пушкина сбылась. Вдова поэта вторично выходит замуж за генерала П.П.Ланского. В это время пишет Макаров портрет Пушкиной-Ланской. Она собиралась подарить Ланскому ко дню рождения свою фотографию или дагерротип. Однако оба эти изображения Наталья Николаевна посчитала неудачными и обратилась к Макарову за консультацией. Художник предложил написать ее портрет маслом, так как, по его словам, «уловил характер» лица модели. Портрет был закончен в три сеанса, причем Макаров не взял за него платы и просил принять его в подарок из уважения к Ланскому.

Вот этот овальный портрет – масло, холст, 59,4x47,5. На теплом темном фоне ярким пятном выделяется лицо, являющееся центром композиции. Единственный аксессуар в портрете – белое воздушное газовое покрывало, легкой дымкой окутывающее плечи и грудь. Благородство облика героини подчеркнуто тонким сочетанием розовых, белых, золотисто-коричневых тонов. Макаров словно бы взглянул на свою модель, глазами поэта, сумев передать те природные ее свойства, которые так ценил в ней Пушкин: чистоту души, затаенную грусть, отречение от себя. По справедливому замечанию друга К. Федина художника Николая Кузьмина, портрет – самая убедительная апология Натальи Николаевны перед судом истории и потомства. Трех дочерей родила от П.П.Ланского Наталья Николаевна. Одна из них Елизавета была замужем за сыном саратовского губернатора Бибикова – Сергеем.

«Прекрасной дочерью прекрасной матери» называли современники младшую дочь Пушкина, Наталью Александровну. Из письма Пушкина Нащокину: «Я приехал к себе на дачу 23-го в полночь, и на пороге узнал, что Наталья Николаевна благополучно родила дочь Наталью за несколько часов до моего приезда. На другой день я ее поздравил и отдал вместо червонца твое ожерелье, от которого она в восхищении...»

Автопортрет в юности. Год создания 1840. Собрание: Научно-исследовательский музей Российской Академии художеств.

Овальный портрет Натальи Пушкиной работы Макарова представляет собой масляный холст 52,5х44,3, немного меньше, чем портрет матери. Портрет младшей дочери создавался художником в минуты большого вдохновения. Он использует в нем тот же прием, что и в портрете Натальи Николаевны: на нейтральном фоне скульптурно-четкое тщательно написанное лицо 13-летней девочки, в чертах которого ясно угадывается африканский тип ее знаменитого отца. Наталья Александровна Пушкина, в первом браке Дубельт, во втором графиня Меренберг, была «очень красивой эффектной брюнеткой, экзотически красивой женщиной, вылитой матерью».

Ее близкая знакомая писала про Н.А. Пушкину: «...Она была лучезарна. Если бы звезда сошла с неба на землю, она сияла бы так же ярко, как она. В большой зале становилось светлее, когда она входила, осанка у нее была царственная, плечи и грудь очертаний богини». Прожив всю жизнь за границей, в 1878 году графиня Меренберг обратилась к И.С.Тургеневу с просьбой стать редактором и из-

дателем писем Пушкина к жене. Дочь поэта хорошо знала, какое огромное общественное значение имеет все написанное Пушкиным. Пушкинский музей саратовской школы № 95 ведет переписку с потомками Натальи Александровны Меренберг в Германии.

Старшую дочь поэта Марию Александровну Макаров писал дважды: в 1849 году, одновременно с портретами матери и младшей сестры, и в первые годы замужества. Известно, что красота Марии Александровны произвела сильное впечатление на Л.Н.Толстого, который придал облик героини романа «Анна Каренина» черты М.А.Гартунг. В молодые годы Мария была очень хороша собой. Пушкинист Н.О.Лернер писал, что в ней «соединилась красота матери с оригинальным экзотизмом отца».

По словам П.И. Бартенева, «выросши, она заняла красоту своей красавицы матери, а от отца сохранила тот искренний задушевный смех». А.С. Пушкин еще в раннем детстве своей старшей дочери заболтался о ее белозубой улыбке. Он писал жене: «Что-то моя беззубая Пушкина? Уж эти мне зубы!»

Портрет Марии Александровны Гартунг работы Макарова (масло, холст, 59х47), находящийся в музее Л.Н. Толстого, является своеобразной живописной параллелью к словесному портрету Анны Карениной: «Анна была... в черном, низко срезанном бархатном платье, открывавшем ее точеные... полные плечи и грудь. На голове у нее в черных волосах была маленькая гирлянда анютиных глазок... Прическа ее была незаметна. Заметны были только, украшая ее, эти своевольные короткие колечки курчавых волос». Дочь поэта любила русскую литературу, обладала незаурядными музыкальными способностями, хорошо играла на фортепиано и рисовала. Когда в 1900 году в Москве была открыта аудитория-читальня (ныне библиотека имени А.С. Пушкина), Мария Александровна стала ее попечительницей.

В Ростовском областном музее изобразительных искусств хранится портрет младшего сына А.С. Пушкина Григория работы Ивана Кузьмича Макарова. Это овальный портрет (масло, холст на стекле 64х51), написанный художником в 1884 году. Портрет черно-белый. Григорий Александрович в строгой военной форме. Известно, что он получил образование в Пажеском корпусе, из которого был выпущен в 1853 году корнетом лейб-гвардии конного полка, и вышел в отставку в 1895 году.

Художник И.К. Макаров, приезжал в Пензу к отцу, писал портреты внучек Н.Н.Пушкиной-Ланской. Вот такая художественная история создания портретов семьи великого русского поэта.

Портрет Натальи Николаевны Пушкиной-Ланской. 1849. Государственный музей А.С. Пушкина

Портрет Н.Н. Пушкиной-Ланской. Государственный музей А.С. Пушкина

Н.Н. Ланская. около 1880 г. Государственный музей А.С.Пушкина

Портрет камер-юнкера (Григорий Александрович Пушкин). Ростовский областной музей изобразительных искусств.

Портрет Н.А.Пушкиной. 1849. Государственный музей А.С. Пушкина

Портрет Марии Львовны и Софьи Львовны Перовских. Из собрания Пермской государственной художественной галереи

Портрет Марии Александровны Гартунг-Пушкиной

*Портрет М.А.Пушкиной. 1849.
Государственный музей А.С. Пушкина*

*Портрет Ольги и Варвары
Араповых.
Вторая половина XIX века.
Пензенская областная картинная
галерея имени К.А. Савицкого*

*Итальянка на балконе.
Мордовский республиканский музей
изобразительных искусств имени С.Д. Эрьзи*

*Две молодые мордовки.
Мордовский республиканский музей
изобразительных искусств
имени С.Д. Эрьзи*

*Портрет Марии Григорьевны Раевской,
1870–1880-е*

*Девушка со склоненной
головой.
Пензенская областная к
артинная галерея
имени К.А. Савицкого*

*Портрет неизвестной
с девочкой. 1860-е.
Государственный
Русский музей*

**Евангелист Матфей. 1850.
Костромской государственной
объединенный художественный музей**

**Нагорная проповедь (Христос,
благословляющий царское семейство).
Около 1890. Государственный музей истории
религии**

*Портрет Н.П. Боголюбовой-Нечаевой.
Начало 1860-х*

*Женский портрет. 1860-е.
Сумский художественный музей*

*Портрет девочки в лодке.
Частное собрание*

*Портрет Ю.Н.Зиновьевой, рожденной Батюшковой. 1869.
Нижнетагильский художественный музей
изобразительных искусств*

*Девочка с собакой.
1860-е.
Государственный
Русский музей*

«За кладбищем находился совхозный луг. На него-то мы и попали, пробравшись сквозь стену акаций.

Вовчик сразу же присел в сухой, жухлой траве.

Я послушно опустился рядом.

– Ну, и что дальше? Куда меня привел, чучело?

Не отвечая, Вовчик взял меня за уши холодными руками и развернул голову.

И тут я увидел... я увидел...

Вовчик немного ошибался, когда говорил, что НЛО – круглый. Скорее он походил на огромную, перевернутую вверх дном тарелку. Низ «тарелки» не касался земли, и невозможно было понять, то ли она опирается на невидимые опоры, то ли неподвижно висит в воздухе. По краям «тарелки» на небольшом расстоянии друг от друга мигали разноцветные огоньки.

– Да это же «тарелка летающая»! – вырвалось у меня. – Чего это она тут делает?»

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ ФАНТАСТИЧЕСКУЮ ПОВЕСТЬ ЮРИЯ КОТЛОВА «ВДОГОНКУ ЗА СОЛНЦЕМ»

«– Странное это дело, – молвил следователь Петренко, разворачивая справку об освобождении. Бумажка была сложена вчетверо. Она помялась. Видно, долго её таскали в карман – из кармана ватника. Но выглядела опрятной. Ни пятен, ни загибов на ней.

Почесал седеющую маковку свою Петренко. Повёл плечами, неширокими. Поёжился. В отделении №7 ещё не топили. Не топили и в больнице №3, и в диспансере №1.

– Странное это дело, – повторил снова следователь, – вот топят уже в горисполкоме.

– И в налоговой, – подал голос из угла молодой сержант, – тоже топят.

– Там топят всех, – пошутил Петренко, превратившись из седого дядьки в просто седеющего рано хлопца.

И тут Иродиада произнесла:

– Эти чинуши потеряют всякую силу и жизнь, и не узнают самих себя, когда их перенесут в тесное жилище, под низкую кровлю их узких, сдавленных, толстостенных черепов, из-под которых высматривают тупые взгляды...

– Ишь ты, – поднял лицо Петренко, и аж приподнялся из своего угла сержант молодой.

Иродиада не удостоила присутствующих ни взглядом, ни продолжением реплики.

– Так значит, – улыбнулся ещё разок Петренко, – откинулась? Надолго к нам?»

**ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ РАССКАЗ
АЛЕКСАНДРА АПАЛЬКОВА «ИРОДИАДА И
ЗЕРКАЛО РЕВОЛЮЦИИ»**